

КОСТЁР

ISSN 0130-2574

3

МАРТ 1985

КОСТЁР

3
МАРТ

1985

Ежемесячный журнал
ЦК ВЛКСМ

Центрального Совета
Всесоюзной пионерской
организации им. В. И. Ленина

Союза писателей СССР

Издается с 1936 года

© «Костер», 1985 г.

ЖУРНАЛ ПЕЧАТАЕТ:

Старшая вожатая очерк Е. Матвеевой	1
От Касторной до Кенигсберга	4
Стихи твоих ровесников	10
Остров главы из повести Вл. Смирнова-Денисова	11
Подруги очерк В. Рыбина	17
Катя из Берлина заметка М. Демиденко	19
Барабан	20
В стране поэзии	24
Фестиваль учит борьбе очерк Л. Тимофеевой	26
Металлург Гурьянов очерк В. Каштанова	28
Салют, увлеченные! очерк А. Зернова	30
Белая гора повесть З. Пироговой	32
Ждала благодарности рассказ М. Шальтите	38
Зеленые страницы	40
Морская газета	42
Веселый звонок	44
АРЧЕБЕК	46
Спортклуб «Кузнечик»	47

На обложке рисунок С. Острова
к повести Зои Пироговой
«Белая гора».

КОМИССАРЫ ТВОЕГО ДЕТСТВА

СТАРШАЯ ВОЖАТАЯ

Я очень удивилась, когда мне рассказали, что одна учительница в тридцать восемь лет надела пионерский галстук и стала вожатой. Мы привыкли, что вожатыми в школе работают девушки, часто недавние выпускницы этой же школы. В педагогический институт не поступили или поступили на вечернее отделение и пошли вожатыми. Отучатся — уйдут в учителя. А здесь совсем другая история.

Ира родилась в Минске. Когда кончила первый класс, началась война. Три года девочка с мамой и братом прожила в оккупированном фашистами городе. Она видела все: бомбежки, виселицы, облавы, обыски. Видела, как на улицах хватали людей и заталкивали в машины. Она уже знала — их везут на смерть. Видела, как забирали соседа-врача, его жену, маленького сына. Взрос-

лые говорили, что врач связан с партизанами.

В сорок четвертом году наши войска освободили Минск. Ира снова пошла в школу, в четвертый класс. За годы войны она сильно подросла, ей казалось невыносимым сидеть за партой с малышами-второклассниками. Когда она написала первую контрольную, учительница не знала, что ставить. Она сказала: «Двойки много». Но Ира стала упрямо сидеть над книгами, ей помогал старший брат. И скоро она стала получать четыре и пять.

Потом педагогическое училище, работа. Ирина Александровна вела уроки, проверяла тетрадки. Но внеклассное время она всегда любила больше классного. После уроков оставалась в школе, что-то организовывала, крутилась среди ребят, готовила с ними

выставки, программы агитбригады. И все это продолжалось до того времени, пока она сама не решила, что для нее самое главное, самое интересное. Так в 28-й школе и появилась новая старшая вожатая — Ирина Александровна Мацевская.

Что прежде всего делает новая вожатая? Собирает актив. А как собрать актив, не зная ребят? Очень просто: она получает «в наследство» старый актив или ребят подбирают учителя. Ирина Александровна поступила иначе. Она объявила пятым классам: «Идем в поход на два дня!»

О походах ребята только мечтали. Начались сборы. Девочки наперебой предлагали: «Мама напечет пирогов, печенья!» «Никаких пирогов! — сказала вожатая. — Будем сами готовить на костре».

В поход отправились сорок ребят.

В первый день выехали из Минска на электричке, потом пошли в Радошковичи, к могиле Героя Советского Союза, летчика Гастелло. Здесь он погиб, направив свой самолет в фашистскую моторизованную колонну.

Смеркаться стало. Лагерь разбили: палатки поставили, валежник для костра собрали. И, конечно же, пионерская линейка прошла, а над лагерем вилял флаг.

После ужина совсем стемнело. Казалось, лес вплотную подступил к костру и тянет ветви, чтобы погреться. И тогда Ирина Александровна взяла гитару. Некоторые песни ребята знали. Другим их научила вожатая. Особенно полюбилась старая песня про туристскую кружку. У них тоже были такие — алюминиевые, вместительные, наполненные горячим чаем, заваренным с земляничным листом, отдающие дымком костра.

Утром пошли в Вязынку, на родину знаменитого белорусского поэта Янки Купалы.

Конечно, устали, ноги понатирали, кое-кто начинал ныть. Только очень уж все было ново и интересно, забывали про усталость. Пять лет они вместе проучились, но почему-то именно в походе иными глазами посмотрели друг на друга, многое узнали про себя и товарищей: кто умеет трудиться, а кто любит посмотреть, как другие работают; кто нытик, а кто стиснет зубы и ни за что не признается, что тяжело.

Уже в темноте вышли в Минске из троллейбуса и стали тормозить вожатую: «Давайте песню про кружку!» И дружно грянули: «Эх, подружка, моя большая кружка!..» Так и расходились по домам с песней.

Это было в мае. Потом — летние каникулы. А в сентябре Ирина Александровна снова позвала в поход бывшие пятые, теперь уже шестые классы. Из сорока человек пришли восемнадцать. В основном эти ребята и составили актив.

В школе полторы тысячи ребят. Через год-два вожатая

почти всех знала по имени. К ней в пионерскую приходили не только активные, не только примерные. Триста человек стали тимуровцами, другие занялись с малышами, третьи собирали материал о войне и ее героях.

Однажды пришла комиссия проверять работу школы. Ребятам дали анкеты с вопросами. Ирину Александровну очень интересовали ответы Сережи. С Сережей она много говорила и спорила. Был он восьмиклассник, а все еще не комсомолец. Учился хорошо, но делал только то, за что ставят отметки. И теперь ей очень хотелось знать, как ответит Сережа на вопрос: «Что тебе дала пионерская организация?» А он вот что ответил: «Могла бы дать много, только я не пользовался этим».

Грустное признание. А Ирину Александровну оно обрадовало. Не так уж безнадежен Сережа, понял, что ребята все это время жили интереснее, щедрее и богаче, чем он. Они научились дружить и быть равнодушными, думать и решать свои дела без подсказки.

В пионерлагере активисты Ирины Александровны жили своим отрядом. В первый же день они провели конкурс «Кто лучше заправит постель», чтобы иметь образец и всем застилать одинаково. Лучшей признали аккуратную постель с ровно положенной подушкой. Подушки плоские, мягкие, ставить их углом — некрасиво.

На другое утро все ушли полоть брюкву, осталось только дежурное звено. Возвращается отряд с работы — на всех постелях подушки стоят парусом, и на каждой завязан пионерский галстук.

— Кто же подушки в пионеры принимал? — поинтересовалась вожатая.

— Нам тройку за дежурство поставили, — виновато оправдывались дежурные. — Медсестра считает, что во всем лагере подушки нужно ставить углом, на них галстук. Мы быстренько переделали.

— А своего мнения у вас нет?! — стали горячиться ребята, которые пришли с поля. —

Давайте выбирать делегатов. Идем на переговоры в медчасть.

Они доказали, что не годится повязывать пионерские галстуки подушкам.

Некоторым взрослым пришлось объяснять, что совет дружины не исполнитель воли учителя или директора, он сам должен решать свои пионерские дела. Приказывать, навязывать свою волю ребятам нельзя. Спорить можно, но спор должен быть честным: равного с равным. Ирина Александровна и сама с ними спорит.

Исчез в походе мальчишка — Борька. Никому не сказав, пошел землянку искать и заблудился. До темноты они бегали по лесу, переволновались, а больше всех — Ирина Александровна. Когда нашли «героя», она поставила вопрос ребром: проводим до электрички, отправим домой.

Ребята не согласились, долго спорили. Ирина Александровна говорила резко, убедительно, пыталась найти сторонников, но победили ребята. И никто даже не заподозрил, что Ирине Александровне очень хотелось, чтобы друзья отстояли Борьку, показали себя готовыми бороться за свое мнение, даже несмотря на авторитет любимой вожатой.

А с «вредным» Денисом такой был случай.

Если человек в школьной столовой насыпает в компот соль, как расценить такой поступок? Вредительство. А родители считали — шалость. Они оправдывали Дениса, он продолжал «шалить». И вдруг весной Денис приходит за рекомендацией в республиканский пионерлагерь «Зубренок», куда посылают лучших ребят.

— А откуда у тебя путевка? — удивилась Ирина Александровна.

— Папа достал.

— Пусть папа и рекомендацию пишет, — сказала она. — Я не считаю, что ты достоин ехать в этот лагерь.

Просила у нее рекомендацию и мама Дениса.

— Пускай решает совет дружины, — сказала вожатая.

Неизвестно, что думала мама, когда шла на встречу с ребятами. Вероятно, считала, что разговор будет коротким. А вышел он длинным. Ребята говорили о ее сыне серьезно, без поблажки. А вожатая почему-то сидела в стороне и молчала. Когда дали слово Денису, он лепетал что-то невнятное:

— Я посмотрю там на ребят... и, наверно, стану лучше...

— В «Зубренок» ездят не смотреть на лучших. Туда посылают лучших. А ты там будешь представлять дружину, лицо дружины. Это справедливо? — спросили у него.

Мама шла сюда, чтобы потребовать рекомендацию, но теперь она растерялась, говорила, что путевка уже куплена, за нее заплачены деньги, просила поверить Денису, обещала, что они с отцом помогут ему исправиться.

Денис сидел красный, ему было стыдно за себя и за маму. Ему уже не хотелось в лагерь, хотелось провалиться на месте.

Совет дружины решил отпустить Дениса в «Зубренок». А на другой день к вожатой подошел мальчишка из совета дружины и сказал, что стал

сомневаться, правильно ли они поступили, принципиально ли?

— По-доброму поступили, — сказала Ирина Александровна. — Я обрадовалась за вас. Ведь вы не Дениса пожалели, а маму, взрослого человека, который перед вами оправдывался за сына. А что будет с Денисом — покажет время. Урок ему дали хороший.

Посмотрим, каким он вернется.

А вот еще одно коллективное решение, поступок. Однажды в походе Ирине Александровне стало плохо. Скрыть она этого не могла и испугалась за детей: одни в лесу с больной вожатой. И дети испугались. За нее. Помощи ждать неоткуда, а единственный человек, который всегда знает, как поступить и находит выход из всякого положения, беспомощен. И тогда они сами приняли решение.

Одни остались с вожатой, другие побежали в ближайшую деревню и вызвали по телефону скорую помощь, третьи обследовали лесные дорожки. «Скорую» они встретили на дороге в деревню. Машина въехала прямо в лес. Перед ней бежали проводники.

Врач сделал укол, успокоил ребят и не удержался, похвалил: «Надежные у вас ребята, Ирина Александровна».

У слов «надежные» и «надежда» — один корень. А надежда Ирины Александровны в ее ребятах. Ради этой надежды она и живет. А они любят ее, уверены, что вожатая все на свете знает. Разве такое возможно? И все-таки ребята правы. Про них она все знает, понимает их, поможет, если ошибутся, научит быть добрыми и смелыми.

— Давайте песню про кружку! — просят они. Это не те ребята, с которыми Ирина Александровна ходила в свой первый пионерский поход. Те уже давно выросли. На смену пришли другие со своими песнями. Но старую туристскую «Кружку» любят по-прежнему.

На небе высыпали звезды. Лес затих. Только весело потрескивает костер, возле которого разговаривают и поют ребята со своей вожатой. И кажется, деревья вплотную подступили к освещенной поляне и тянут ветви, чтобы погреться.

Е. МАТВЕЕВА
Рисунки А. Ежелина

ОТ КАСТОРНОГО ДО КЕНИГСБЕРГА

В. ВЕРХОВСКИЙ, Ю. ЗАРУДНЕВ

КРЕЩЕНИЕ СВИНЦОМ И ОГНЕМ

Из рассказов
командира
1023-го стрелкового
полка
Ивана Федотовича
МЕЛЬНИКОВА

Каменка, Битюг, Сеньково, Бузулук, Согласный — этих населенных пунктов нет даже на самой большой карте нашей Родины. Но они существуют, там живут наши советские люди, и их надо было освободить от фашистских захватчиков. И таким был путь полка после взятия Касторного.

В Каменке нас здорово доносили фашистские бомбардировщики. Налеты «юнкерсов» следовали один за другим. В таких случаях по тревоге личный состав обязан рассредоточиться — спрятаться в укрытие или отбежать подальше от домов. Но Шура Кольцова не имела такой возможности. Она была радисткой полка и принимала срочную оперативную шифровку. И вот, когда закончив прием, Шура выскочила из фанерной будки (зимой эту будку, где находилась рация, перевозили на санях) и побежала в штабную землянку, рядом на дороге разорвалась бомба.

Шура лежала на снегу с открытыми глазами, выбившиеся из-под шапки локоны

шевелились от ветра, а сердце уже не билось.

Я взял из ее руки бланк радиogramмы, кому-то приказал срочно разыскать санинструктора, хотя никакой санинструктор уже не требовался, и сказал Шуре: «Что же ты наделала, дочка?» Комсомолке Кольцовой было в ту пору семнадцать лет.

И еще случай, в той же Каменке. Во время одной из бомбежек было вынесено в безопасное место только одно знамя — полковое, а пионерское — не успели. Видимо, по той причине, что оно было еще без древка. И тогда рядовой Сучков, рискуя жизнью, бросился спасать пионерское знамя. Не знаю, как бы все это кончилось, если бы на помощь ему не подоспел на своей Ласке Клейменыч.

К слову говоря, Ласка была удивительная лошадь, за Клейменычем смело шла в огонь и в воду. Но еще более удивительным был сам Клейменыч — Клейменов Николай Илларионович! Кажется, ну что в нем такого? — обыкновенный пожилой солдат, видом, можно даже сказать, — неказистый. И должность не из первых — ездовой. Но случись что, Клейменыч всегда там, где нужней, ни просить, ни приказывать не надо, сам знает, что от него в данный момент требуется. Как будто всю жизнь воевал с фашистами, а не землю пахал и хлеба растил на своей Тамбовщине.

Но Каменка и даже Сеньково, когда наш первый батальон

был встречен превосходящими силами противника, и лишь одной невероятных усилий удалось сдержать их натиск, — все это не идет ни в какое сравнение с тем, что нас ожидало впереди. А ждали нас Поньри, высота 254,6.

Четыре раза — 4, 6, 10 и 19 марта ходил полк в атаку и каждый раз откатывался назад. Два месяца кланялись мы этой высоте — расположение полка простреливалось с нее вдоль и

СТРАНИЧКИ
ПОХОДНОГО
ДНЕВНИКА

Касторное. Утро первого дня похода.

В открытые окна гостиницы слышно, как в соседнем номере тихо разговаривают Гончар и Мельников:

— Что, командир, давно проснулся?

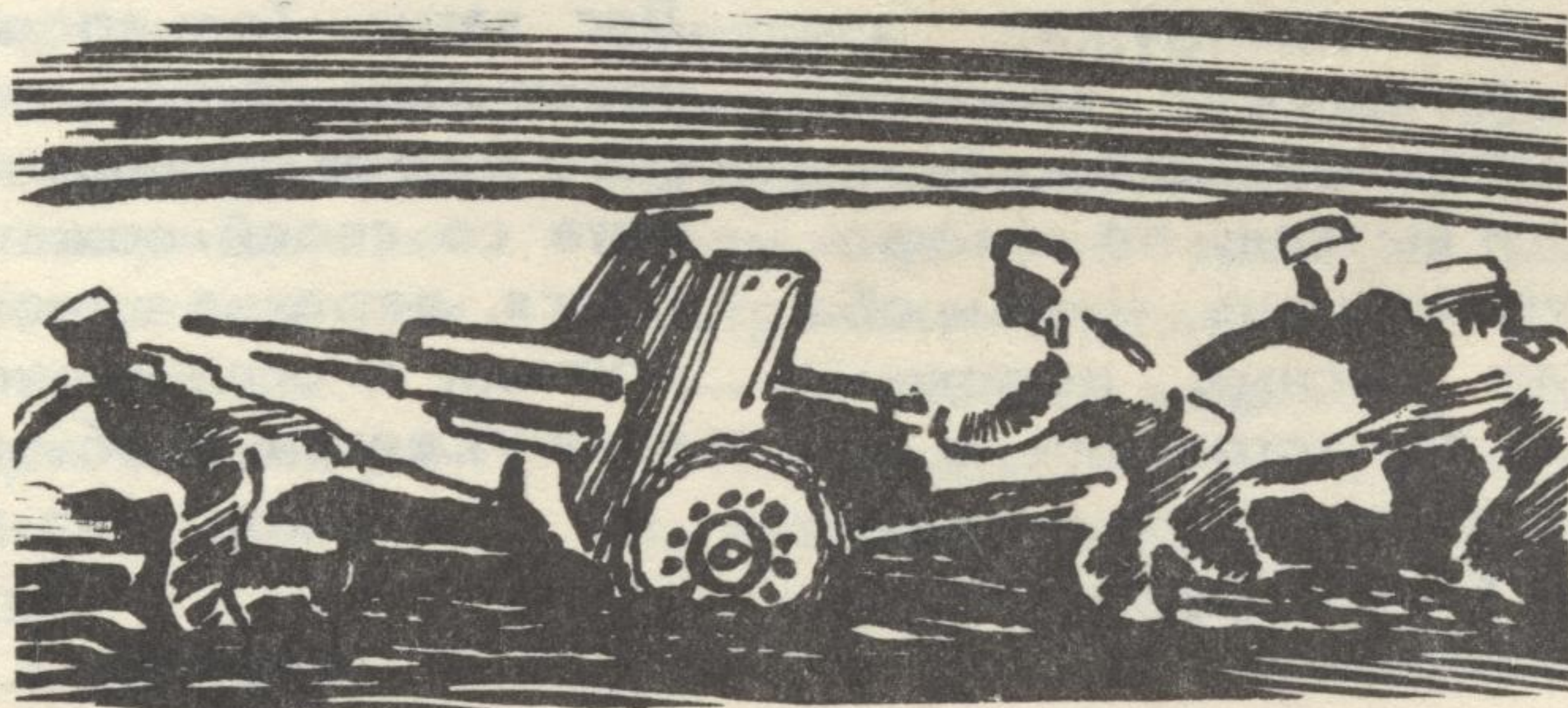
— Как всегда, вместе с солнышком. А оно вот где — уже над крышами.

На улице, возле школы, стоит автобус. Неизвестно, кто больше волнуется, те, кто уезжают, или те, кто провожают пионеров, — папы, мамы, учителя и директор.

Ровно в шесть отправились в путь. Выехав на шоссе, автобус покотился по сонным улочкам поселка. Постепенно стало укачивать. Кое-кто из ребят уже задремал. Все ясно: ехать до Курска — часа три-четыре, не меньше, можно и выспаться. И вдруг — голос Ивана Федотовича:

— А штаб полка, когда брали Касторное, размещался в том самом домике, — видите, справа, за деревьями. Туда и принес Лисиченко знамя вашей дружины...

И сразу — сна как не бывало: — Где? Покажите?

поперек, от снайперов и пулеметчиков противника никакого жителя не было. Укрепленная дотами и дзотами, в несколько рядов опоясанная траншеями и колючей проволокой, высота казалась неприступной. И тогда заместитель командира полка Новиков предложил, на первый взгляд, нереальное — захватить высоту ночью силами одного батальона.

И снова, как при взятии Касторного, выбор пал на первый батальон. И опять вместе с комбатом его должен был вести Анатолий Васильевич Новиков. Правда, комбат теперь был другой — старший лейтенант Лиходед. Колотилин погиб под Сеньково.

Подготовка к предстоящему сражению продолжалась целую неделю. На специально подобранной местности, где бойцы «репетировали» сценарий ночного штурма. В нескольких километрах от переднего края, чтобы противник ничего не заподозрил.

Кажется, все было продумано до мелочей. И огневая поддержка выглядела внушительно — не только полковая артиллерия, но и приданные для этой цели танки и «катюши». И все-таки я волновался — высота 254,6 была крепким орешком.

За час до начала штурма на командный пункт полка при-

был лейтенант Горелов: «Личный состав первого батальона просит разрешения идти в бой под пионерским знаменем!» Находящиеся на КП офицеры невольно переглянулись: война шла уже два года, но никому еще не доводилось выслушивать такие просьбы. Я сказал: «Разрешаю!»

И вот, после неожиданной для фашистов артподготовки, невидимые в темноте цепи бойцов рванулись в атаку. И о том, как она проходила, можно было судить только по разрывам гранат, дрожащим вспышкам пулеметных очередей и крикам: «Ура!» С каждой минутой, отдаваясь от нас, они приближались к вершине. Наконец — долгожданная весть, в телефонной трубке слышу голос Новикова: «Федотыч, мы забрались!» И вскоре по докладом командиров подразделений и рассказам участников боя я уже знал не только общую картину, но и решающие моменты этого штурма.

Первый знаменосец лейтенант Горелов был тяжело ранен на подступах к вражеским окопам. Но знамя подхватил кто-то из бойцов и, увлекая за собой товарищей, понес его дальше. Однако вскоре смельчак был убит. Такая же участь постигла еще двух знаменосцев. А потому посчастливилось — с пионерским стягом в руках лей-

тенант Андрищенко добрался до вершины.

Повторяю, всего этого я не видел. Но я видел главное, наступило утро — это было утро первого мая 1943 года, — и над высотой развевается знамя касторенских пионеров.

В этот день солдаты в полку говорили: «Вот и пришел на нашу улицу праздник!»

Обозленные неудачей фашисты предпринимали яростные атаки, чтобы вернуть такую важную и выгодную во всех отношениях позицию. Но, чем больше их лезло, тем больше оставалось лежать перед высотой, где пионерское знамя приняло свое боевое крещение.

ДВА ЦВЕТНЫХ КАРАНДАША

Однажды, через много лет после окончания Великой Отечественной войны, мой фронтовой друг Лев Борисович Кривицкий — бывший заместитель по политической части, — и я приехали на станцию Поныри Курской области. Приехали почтить память погибших однополчан и посмотреть места, где во время Курской битвы наш полк сражался с фашистами. Все, что связано с этой битвой, для нас было незабываемо,

Курск. На площади у Вечного огня

СТРАНИЧКИ ПОХОДНОГО ДНЕВНИКА

Курск. На площади у Вечного огня выстроились пионерские дружины города. Старт агитпохода «Костра» — праздник для тысяч мальчишек и девчонок. Всем хочется поскорее увидеть легендарное знамя касторенских пионеров.

И вот оно — над морем красных галстуков и тюльпанов, алых роз и гвоздик.

Взволнованы знаменосец и ассистенты — Леша Алымов, Таня Чуприна, Оксана Ласточкина, Саша Егоров. Хочется подойти и сказать: «Спокойно, ребята, все хорошо, все здорово, так, как и должно быть».

Клятва на верность пионерскому знамени
Снимок 1944 года

и нам казалось, что мы без труда найдем те самые места.

Однако на деле задача оказалась сложнее. За прошедшие годы Поныри и местность вокруг здорово изменились, и мы никак не могли сориентироваться.

К счастью, со мной была старая штабная карта — она и помогла найти то, что хотели увидеть. В одной деревушке мы даже разыскали маленький деревянный домик, в котором в июле 1943 года размещался штаб полка.

Постучали в окошко. На крыльцо выходит пожилая женщина и — с места в карьер:

— А я вас еще у калитки приметил. Думаю, сколько лет — сколько зим, а все-таки свиделись!

Мы тоже узнали хозяйку дома — Александру Алексеевну Самохвалову. Прошли за ней в комнату и, как старые знакомые, разговорились.

— А этого узнаете? — хозяйка показывает на белокурого мальчугана, лет пяти-шести.

— Нет, — говорю, — хотя постой, постой! Вроде что-то зна-

комое, — а сам переглядываюсь с Кривицким.

Лев Борисович недоуменно пожимает плечами, улыбается, но тоже ничего не может понять.

— А Сашку моего помнишь, — продолжает хозяйка, — что с тобой на лошади ездил? Уедет, а я волнуюсь, как бы не подстрелили...

— Сашку-то, — говорю, — конечно, помню. Только он был малость постарше, а так — точная копия...

Заместитель командира полка по политической части майор Л. Б. Кривицкий рассказывает молодым бойцам об истории знамени

На улицах города — плакаты и эмблемы агитпохода.

В обкоме комсомола рассказали: «К этому дню готовились во многих школах и пионерских лагерях. Прошли конкурсы рисунков «Я голосую за мир», трудовые десанты на поля колхозов и совхозов. Юные умельцы готовили сувениры и поделки для ярмарки солидарности. Все заработанные деньги будут переведены в Фонд мира».

Из Курска до Калининграда, по местам 1023-го полка поедут: ветераны и следопыты, юнкоры и члены агитбригады, журналисты «Костра» и руководители детских коллективов: Людмила Ивановна Дмитриевцева — учитель Касторенской средней школы, Евгений Леонидович Филиппов — комиссар юнкоровского отряда «Пламя» города Пятигорска и Ефим Борисович Штейнберг — методист Куйбышевского районного дома пионеров Москвы. Командор похода Александр Александрович Акульчев — инструктор Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени Владимира Ильича Ленина.

Вечером, в пионерском лагере «Чайка», когда наши ветераны и пионеры уже крепко спали, подводим итоги дня. Слово взял командор Акульчев:

СТРАНИЧКИ ПОХОДНОГО ДНЕВНИКА

— Первое: что мы на сегодня имеем? 180 километров от поселка Касторное до Курска. Юнкоры уже успели выпустить газету. Агитбригада провела два выступления — в музее «Юные защитники Родины» и здесь, в лагере. Короче, ребята работают, стараются, но настоящего пионерского отряда у нас пока нет. Поэтому есть предложение: назначить комиссаром отряда Евгения Леонидовича. Женя, как понял?

— Все понял!

— Тогда перехожу ко второму вопросу. Сами видите, поход будет очень трудным. Выдержат ли ветераны? Ивану Федотовичу — уже восемьдесят лет. Людмила Ивановна, как думаете?

— А я вечером видела, как он с пионерами у костра отплясывал.

— Ефим Борисович?

— Все зависит от погоды. Если будет такая жара, то...

— А что думает «Костер»?

— Сведения, которыми располагает Всесоюзный штаб красных следопытов, не подтверждают подобные опасения...

Последнее в этот день событие — звонок из городского пионерского штаба: «Октябрята, пионеры и комсомольцы-школьники перевели в Фонд мира 500 рублей». Это их трудовой салют боевому пионерскому знамени!

На торжественной линейке

— Так это — сын его, — объясняет хозяйка. — И тоже — Сашка. А тот Сашка сейчас на станции сцепщиком вагонов работает...

Повспоминали мы далекое прошлое, попили чаю с вишневым вареньем. Лев Борисович сфотографировал меня с Сашкой маленьким, дождался с работы сына хозяйки.

Вошел. Поздоровался. Нас, конечно, не признал. Да и мы, конечно, его не признали, если

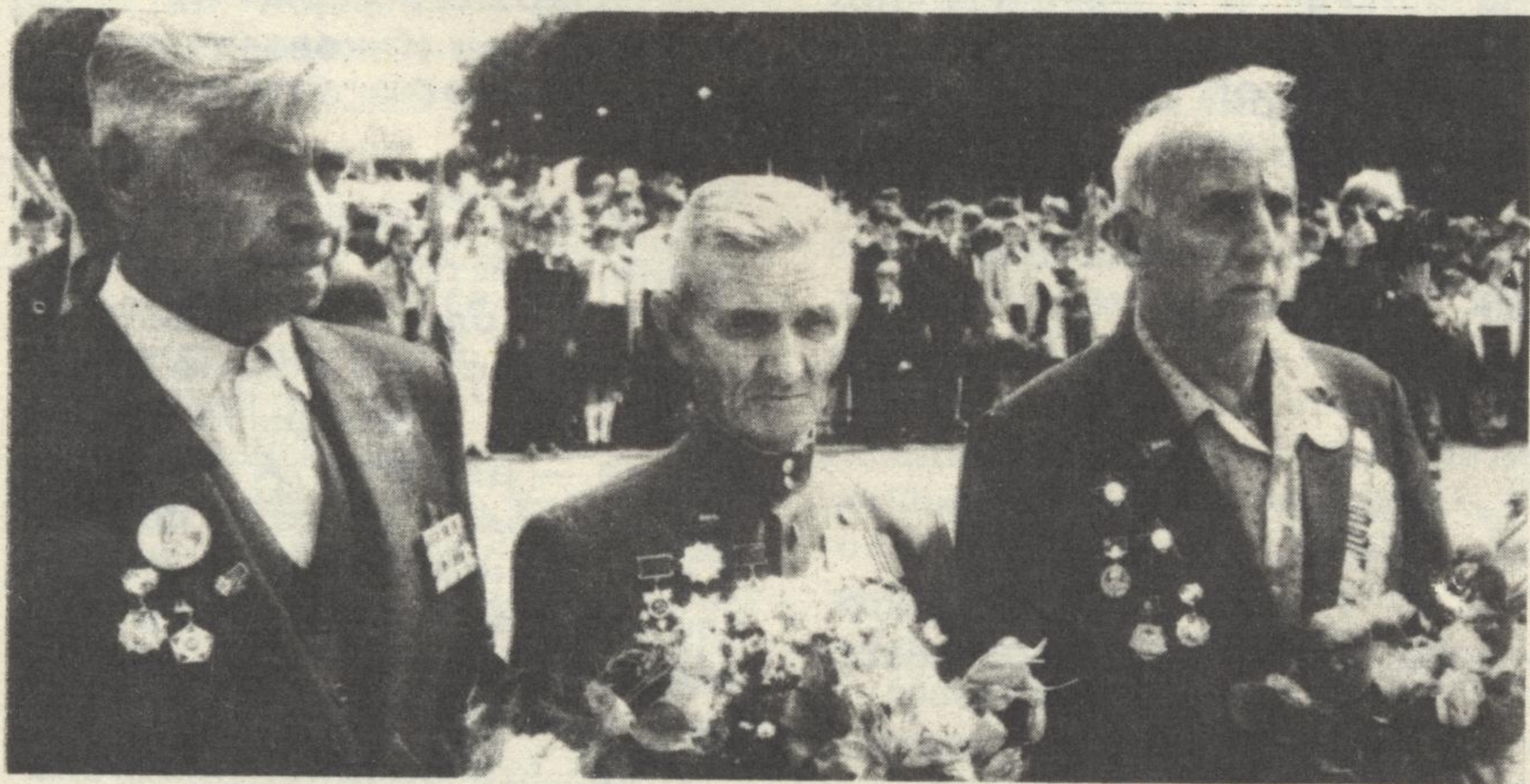
бы не мать. И вдруг увидел мою карту.

— Разрешите полюбопытствовать?

А карта у меня вся испещрена синими и красными пометками, и стал я ему объяснять, что они означают:

— Это, — говорю, — водонапорная башня у вас на станции. Сейчас-то ее уж нет, две новых взамен построено. А тогда стояла, и с нее лейтенант Рябов косил из пулемета вражескую пехоту.

А здесь оборонительные рубежи наших батальонов, где были остановлены фашистские танки. Мы с тобой там не раз бывали до начала сражения. А второй батальон, Зазулина, располагался возле станционных построек. Вот здесь. Несколько суток пришлось ему вести бой в полном окружении. Неужели не помнишь комиссара Потемкина Григория Кузьмича? Дяденьку богатырского роста? Ты его так и называл: «Богатырь». Силы человек был необычайной. Во время рукопашной к нему фашисты даже близко подойти боялись. Погиб

Участники агитпохода — ветераны 1023-го полка (слева направо)
И. И. Гончар, И. Ф. Мельников, А. А. Молла

Встреча боевого пионерского знамени
в поселке Белые Берега Брянской области

У пионерского костра

СТРАНИЧКИ ПОХОДНОГО ДНЕВНИКА

Поселок Поныри Курской области. Как только мы приехали, местные пионеры пригласили нас в музей Курской битвы. В нем много материалов, посвященных воинам 1023-го полка. Поэтому экскурсовод музея Зоя Ивановна Завалко попросила командира полка Мельникова продолжить ее рассказ. Иван Федотович охотно согласился. Он подошел к стенду и, показывая на трофейную немецкую карту, на которую никто из нас почему-то не обратил внимания, сказал: «Эту карту вместе с ее хозяином — фашистским офицером доставил в полк один из наших бойцов — Заминалов Александр Алексеевич. Он был тогда тяжело ранен, но боевое задание выполнил. Помню, глянул я на эту карту, даже оторопь взяла: на ней все наши города и села обозначены, до самого Урала. Тут и моя Ульяновская область, и поселок Новая Майна, где я родился. Вот, полюбуйте. И все это фашисты хотели у нас захватить.

И еще одна подробность. Александр Алексеевич живет сейчас в селе Базарные Матаки Татарской АССР. Он очень хотел поехать с нами в агитпоход. Но месяц назад попал в больницу и только по этой причине его сейчас нет с нами».

он тогда, поднимая батальон в контратаку, чтобы выбить противника с территории станции.

Говорю и по глазам вижу, Сашка забыл Потемкина, но слушает внимательно, дальше рассказываю.

О подвиге коммуниста Абросимова, который с гранатой в руках бросился под гусеницы танка. О лейтенантах Шведове и Фирсове, младшем сержанте Прудникове, рядовом Миронове, подполковнике Новикове, за мужество и отвагу первым в дивизии награжденном орденом Красного Знамени, и многих других наших товарищах, героически отдавших свою жизнь в боях за Поныри*.

И вдруг Сашка спрашивает: — А вы о моем подарке помните?

Пришлось чистосердечно признаться: о Сашкином подарке я запомнил.

А он смотрит на карту и смущенно улыбается:

— Однажды я вам подарил два цветных карандаша, красный и синий. Думал, может, возьмете к себе в полк, ведь у вас и знамя пионерское было... Но вы отказали. А за карандаши благодарил. Еще спросили, не жалко ли мне их отдавать...

— А я эту историю припоминаю, — вступил в разговор

Лев Борисович. — Действительно, появились у вас однажды два цветных карандаша. Они в ту пору, как сейчас говорят, считались дефицитом. И многие штабные работники вам иногда просто завидовали.

— Да кто же говорит, что у меня их не было? — отвечаю своему бывшему замполиту. — Этими карандашами я с картой работал. Мне их на всю войну хватило. А вот — вылетело потом из головы, кто и когда подарил. И вы, люди добрые, за это не обессудьте...

СЛЕПАЯ РАЗВЕДКА

Из воспоминаний
старшего сержанта
Виктора Николаевича
ПОКРОВСКОГО

В армии, сами знаете, по имени-отчеству называть не принято, только по званию и фамилии, вот я и помню одно: фамилия у него была Шве́ц, звание — рядовой. А какой он был из себя, вообще не помню. Я ведь к нему и приглядеться как следует не успел — в разведгруппу он попал перед самым выходом на задание.

И вот что обидно: нейтральную полосу и передний край обороны противника прошли

* В сражении под Поньями погибло более 200 солдат и офицеров полка.

Находка «следопыта» Алеши Алымова

так, что комар носа не подточит, и уже в тылу у фашистов, когда самое трудное осталось позади, нарвались то ли на засаду, то ли на охранение — ночью поди разбери.

Ну, стали мы уходить, отстреливаться, и, как меня зацепило, я даже не заметил. Очнулся, лежу в какой-то яме, ноги-руки целы, а что с глазами — непонятно: ничего не вижу и боль адская. И сколько я так лежал, тоже неизвестно. Как быть? Что делать?

Поднялся я тогда на колени и спрашиваю: «Есть кто живой?» В ответ — тишина. Опять спрашиваю, уже громче, и опять думаю: «Что за дела? Если фашисты услышат — пристрелят, наши не откликнутся — сам себе пулю в лоб пушу...» Другого выхода у меня не было.

И вдруг, когда я уже и ждать перестал, послышалось, вроде кто-то ползет. Оно ведь если ползет или идет кто, всегда отличить можно. Да... И — в мою сторону. Затем шепот слышу: «Товарищ сержант, где вы?» Это и был тот самый Шве́ц. А всего нас было пятеро. И Шве́ц мне сказал, что остальные убиты. И еще сказал, что надо скорее уходить — рассвет близок. Противник — он ведь тоже не дурак и, конечно, проверит обязательно, с кем у него была ночная стычка.

Но я-то понимаю, мне из этого логова уже не выбраться:

ни идти, ни ползти не могу — не вижу. И уходить должен один Шве́ц. Толкую ему: «Двоим погибать глупо, только врагу на радость». А он не соглашается, горячится, я, мол, вас не брошу, я — комсомолец и все такое прочее. Говорит: «Если вы останетесь, то и я останусь!» Что с ним будешь делать?

Короче, пришлось ему подчиниться. И потащил он меня на спине, ползком, подальше от того злополучного места. Целых семь дней, пока добирались до линии фронта, нянчился со мной, как с дитем малым. Последний сухарь — на двоих, последний глоток воды — тоже на двоих, все честно, по-братски. Хотя не я его тащил на себе, а он — меня, и был я его пуда на два тяжелее. Конечно, где можно, судя по обстановке, Шве́ц не полз, а вставал. А кое-где я и сам шел, как говорится, на своих двоих. Но больше всего двигались ползком, да и то по ночам, потому как в фашистском тылу было в те дни не протолкнуться — всюду появились новые части.

И вот что удивительно, чем ближе к нашим, тем больше мне хотелось жить. Только об одном и думал: скорей бы, скорей. Этой нетерпеливостью чуть все дело не испортил.

Мы ведь как с ним двигались? Оставит он меня где-нибудь в укрытии, а сам идет дорогу

разведать. Потом за мной возвращается. Так было и в ту последнюю ночь. Он ушел, я остался. Лежу в кустах, жду. А его нет и нет. По моим расчетам все сроки давно прошли. Что делать? Нервы напряжены до предела. Ну, и дал маху, встал и закричал: «Швец, где ты?»

И тут на меня кто-то как бросится и повалил на землю. Одной рукой — за горло, другой — ладонью рот зажимает. «Ну, — думаю, — все. Но и ты, гад фашистский, со мной на тот свет отправишься». Изловчился, схватил его за руки и под себя подмял.

Понял он, что дело плохо, шепчет: «Дурак, я же — свой!» А сам продолжает отбиваться. А я ведь не вижу, свой это или

СТРАНИЧКИ ПОХОДНОГО ДНЕВНИКА

Интересна и сама история создания этого музея. Сначала в Поньрях появился маленький следопытский отряд: в него входили пять пионеров: Света Росинская, Саша и Таня Рыковы, Зоя Пасечник и Валя Тубольцева. Но вскоре поисками стали заниматься и другие ребята. Все вместе они и организовали в своей школе музей Боевой славы. А в 1969 году он был передан государству. Для него построили специальное здание. И теперь это — Поньровский государственный историко-мемориальный музей Курской битвы.

После осмотра музея поехали на высоту 254,6. Там сейчас установлен памятник погибшим героям, вокруг расстилаются пшеничные поля.

Неожиданно пошел дождь. Но никто из ребят не тронулся с места. Стоя под дождем, слушали воспоминания ветеранов.

На высоте мы познакомились еще с двумя ветеранами.

— Вот о ком надо писать для пионеров, — говорил бывший комбат Молла. — Жили два друга в нашем полку — Цветков Владимир Леонидович и Кардаш Владимир Яковлевич.

не свой. Решил, не иначе, обмануть хочет. Если бы был свой, не стал бы на меня нападать...

Но никакого обмана не было. И хорошо, Шве́ц вовремя подоспел, растащил нас в стороны и давай обоих ругать. Оказывается, то был наш сапер. Я говорю: «Это он первый напал!» А тот говорит, что, мол, за дела: немцы рядом, а он орет и еще дерется.

Представляете, в какое я по-

пал положение. «Эх! — думаю, — слепая разведка, человек тебя от гибели спасал, а ты его на тот свет хотел отправить!» И как я тогда заплакал, лучше не вспоминать...

А потом — что? Перетащили они меня через линию фронта, и попал я в госпиталь. С глазами все обошлось, снова стал видеть. Потом в полк вернулся. И — первым делом: «Где Шве́ц?» Очень уж хотелось ска-

зать ему за все спасибо, в ноги до земли поклониться. Но, когда я вернулся, в живых его уже не было. Одни говорили, что Шве́ца убило осколком снаряда на высоте 254,6. Другие, что не убило, а тяжело ранило, и умер он от потери крови в медсанбате.

Конечно, война — есть война. Но только обидно, когда такие люди на войне погибают. Очень уж это несправедливо...

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Мы уже говорили о том, что после поражений под Москвой и Сталинградом фашисты продолжали верить в свою победу.

Гитлер, оперативный приказ № 6 от 15 апреля 1943 года:

«Я решил, как только позволят условия погоды, провести наступление «Цитадель» — первое наступление в этом году... Сосредоточенным ударом, проведенным решительно и быстро силами одной ударной армии из района Белгорода и другой — из района южнее Орла, путем концентрического наступления окружить находящиеся в районе Курска войска противника и уничтожить их».

Этот оперативный приказ был в то время документом строгой секретности и о нем знали только ближайшие подручные фашистского диктатора.

Легко себе представить, как бы они удивились, если бы в то самое время узнали о содержании другого документа — доклада Заместителя Верховного Главнокомандующего Георгия Константиновича Жукова «Товарищу Васильеву»* от 8 апреля 1943 года:

«Исходя из наличия в данный момент группировок против наших Центрального, Воронежского и Юго-Западного фронтов, я считаю, что главные наступательные операции противник развернет против этих трех фронтов...

Видимо, на первом этапе противник, собрав максимум своих сил, в том числе до 13—15 танковых дивизий, при поддержке большого количества авиации нанесет удар своей орловско-кромской группировкой в обход Курска с северо-востока и белгородско-харьковской группировкой в обход Курска с юго-востока».

Но советский полководец не только разгадал, где и как начнется наступление фашистов. Он даже точно назвал количество их танковых дивизий!! Ведь ровно столько танковых дивизий врага принимало потом участие в операции «Цитадель»**.

Возникает вопрос: почему Г. К. Жуков заостряет внимание на этом моменте? По свидетельству историков и военных специалистов, Курская бит-

ва была, в первую очередь, битвой танковых армий. Значит, Жуков предвидел и сам характер этой битвы.

Единственное, чего долго не знало советское командование, готовя свои войска к предстоящей схватке, — когда она начнется. Но этого не знали даже фашистские генералы: сроки начала наступления Гитлер неоднократно откладывал.

Наконец, в ночь на 5 июля 1943 года фашистским солдатам зачитывается обращение Гитлера:

«Солдаты! Сегодня вы начинаете великое наступательное сражение. С вашей победой сильнее, чем прежде, укрепитя убеждение в тщетности любого сопротивления немецким вооруженным силам».

Выслушав обращение фюрера, солдаты кричат «хайль!», занимают свои боевые места, ждут команды «вперед!», и в этот момент на них обрушился огненный шквал. Мощный артиллерийский огонь советских войск и стал началом Курской битвы.

В первый же день сражения выяснились направления главных ударов врага — Поньри и Прохоровка.

Под Поньрями, в составе 13-й армии стояла и 307-я стрелковая дивизия, в которую входил 1023-й стрелковый полк.*

Полк занимал второй рубеж обороны наших войск. На второй день своего наступления 41-му танковому корпусу противника удалось продвинуться на несколько километров и подойти к Поньрям. «Мы отбрасываем Ивана», — радовались фашисты. Но дальше они не прошли. Их непрерывные танковые атаки так и не смогли сокрушить второй рубеж обороны.

О том, что было дальше, юному читателю хорошо известно. Остановив продвижение противника, наши войска перешли в решительное наступление и освободили города Орел и Белгород.

В честь этой победы в Москве впервые в истории Великой Отечественной войны был дан артиллерийский салют. Читая сегодня воспоминания ветеранов 1023-го полка, мы понимаем: это был салют и пионерскому знамени.

* Товарищем «Васильевым» называли Верховного Главнокомандующего И. В. Сталина.

** Летом 1943 года на всем советско-германском фронте фашисты имели 20 танковых дивизий.

* На этот рубеж обороны полк был переведен после взятия высоты 254,6.

СТИХИ ТВОИХ РОВЕСНИКОВ

МАМА

Мама!
Ничего нет на свете милей!
Мама!
Слышен в небе крик журавлей.
Всё на свете: и звери, и птицы,
И рыжая белка, куница,
Серый волк и хитрюга лиса,
Все бежит к своей маме, несется.
Как увидишь ее, сердце смеется,
Мама.

*Яременко Марина,
5 класс,
Горловка*

8 МАРТА

Тепло и солнце за окном,
Ведь праздник мамы нашей!
Мы с ней по улице идем,
И нам деревья машут.
Природа поздравляет мам
Весенним пробуждением,
И птицы поднимают гам,
Всех заразив весельем.

*Артамонова Даша,
6 класс,
Чита*

ВЕСНА

Первый ручей зажурчал,
Первый кораблик поплыл,
Солнышка луч заиграл,
Я о зиме позабыл.

Веточку старую взял,
Ножиком счистил кору,
Гладко бока обтесал,
Парус раскрыл на ветру.

Пусть мой кораблик плывет,
Быстро скользит по волне.
Радостно птицы поют
Гимн наступившей весне.

*Дима Белый,
5 класс,
г. Чайковский*

УХОДИ, ЗИМА СЕДАЯ

Поворчав еще немножко,
Прихватив свою клюку,
Захромала по дорожке,
Заметая след на льду.

Уходи, зима седая!
Пусть красавица-весна
С соловьями погуляет,
Вся светла, свежа, добра.

Вот красавица-девица
На поляну полетела
С ручейками порезвиться
И за дело взяться смело.

*Безрукова Оля,
5 класс,
с. Курумоч,
Куйбышевская область*

ЧИТАТЕЛЬ

Целый день сижу я дома —
И сегодня и вчера.
Целый день читаю книги
Просто до ночи с утра.
Мой писатель, самый лучший!
Он всегда развеет грусть.
Эти славные творенья
Я запомнил наизусть.

*Женя Шихов,
4 класс,
Кострома*

Рисунок К. Почтенной

ОСТРОВ

ГЛАВЫ ИЗ ПОВЕСТИ

Вл. СМИРНОВ-ДЕНИСОВ

Рисунки А. Борисенко

Жителей в Гуслино осталось немного. «У моря», на красной скале, поставил свой сруб-лодку Севастьян Африканович Денисов, давно почивший Терешин прадед, неподалеку от церковки на светлом бугре стоит двухэтажный с резными светелками на две стороны дом Коренихи, на него смотрит окнами громадный в резных кружевах дом плотника Силантия. Ближе к лесу-бору лесников дом, неподалеку от него изба кузнеца Николая... В самом старом, позеленевшем от столетнего мха доме, у дороги из Гуслино на церковку, жила старуха Евлампия.

Петька, Терешин друг, приехал в Гуслино как раз в то время, когда ушла с заливных лугов и лесных низинок талая весенняя вода, когда стали пообсыхать мшары, и в густых сосновых борах завсхлипывали кукши и застучали на сушинах, обживаясь на новый год-лето, дятлы, и пошел по заимкам хмельной травяной праздник: проснулись на дремучих угорах белые цветы ландышей и нежные фиалки, а луга засветились желтым солнцем мать-и-мачехи. Зажил в онежских краях июньский покой. Долгим разливаным светом переполнялись вечера и ночи. Так много света можно найти только на Севере и именно в начале лета, когда очень рано где-то на восточном горизонте рассеиваются недолгие ночи и зарождаются длинные прозрачные дни. Ни облачка в небе. Разбрелась перелетная птица по гнездовьям, затихла в укромных речных затонах и озерных заливах в ожидании птенцов. Наступило в деревнях и в лесу комариное раздолье, полнится в это время насекомым гудом пропотевшая расцветающая обновленная земля.

За прошедшие годы Петька порядком вырос и, как колодезный журавль, глядел на Терешу свысока, и нос у него стал другим — продолговатым. Но Тереша без труда привыкал к этим переменам — друг есть друг, не нос же его красит, а особое отношение и понимание, общие дела. А дел на лето как всегда было сверх головы.

Позапрошлой осенью они разъехались по городам из Гуслино с мыслью нынче построить лодку. Лодок у гуслинцев было раз, два — обчелся, а какое лето на Онеге без рыбалки, без рыбного промысла. И не только для того нужна была своя лодка, в разговоре с другом Петька открылся:

— Путешествовать будем... Давай-ка сюда! — зашептал он, подталкивая Терешу за сенной сарай, а там тихо спросил: — Ты слышал про «бесовы следки»?

— На Клёпаном острове?

— Ага... Там гурей есть — знаки выложенные из камней, а указывают они направление на «бесовы следки». Туда нам, Тереха, надо попасть... Я всю зиму думал, как бы увидеть тот остров. На нем древние люди жили, а где люди, сам понимаешь, там и... — Он приложил ко рту палец и не договорил, потому что из-за сарая послышались Коренихины легонькие шажки; но Тереша и без того все понял, что без лодки им теперь нельзя.

— Широко мыслишь, Петр, — сказал он. — Когда начнем?

— Куда уж шире, — улыбнувшись, подмигнул Петька. — Давай-ка, Тереха, изобретай, а я буду гвозди и доски доставать. Срок тебе до завтрашнего утра.

У Петьки всегда все дела скоропалительны, сегодня только приехал, а на завтра ему уж и дело подавай, и если бы Тереша не понимал, что решительность чисто мужская черта, то вряд ли бы так быстро соглашался с другом, и все же на этот раз засомневался:

— У меня ничего не выйдет.

Но Петька был непоколебим:

— Выйдет, — говорит, — у тебя батя в конструкторском деле башка, значит и ты соображать должен, ничего тут мудреного нет, надо только сесть и подумать... иди и черти. Может, и бабка Корениха тебе мысль какую-нибудь подкинет, ох, умна, глаза-то у нее видал, какие хитрые?.. Или, может, ты за досками пойдешь?

— Пожалуй, буду чертить, — согласился Тереша и пошел в дом, а Петька на лесопилку, доски раздобывать, сказав напоследок:

— Только об острове — никому!

— Мог бы и не предупреждать, — Тереша недовольно посмотрел на друга. — Я — могила...

Все деревенские ребята считали, что остров был вроде как запретный, говорили, что кто-то в далекие времена наложил на его пещеры строгий запрет. Да и старики говорили об острове почтительно, всегда переводили разговор на другое, когда о нем спрашивали. Ребята поняли — толку от них не добьешься, тайну эту они ни за что не откроют. Иногда ребята подбирались к стариковским посиделкам, крадучись, и подслушивали разговоры, в надежде выведать что-нибудь новое, но стариковские беседы были очень странные и смутные, и еще больше запутывали дело.

— Эге, — говорил, к примеру, Фрол-лесник, — погода похужела. Може и там лес погуливать начал, — и казалось, смотрел он даже в сторону острова.

Проходило не меньше получаса, как Николайкузнец, будто очнувшись от дум, подтверждал:

— Привычное дело, что лес шумит, он и поболее могёт шуметь, э-э-дак шибко.

— Эге, — подумав, отвечал Фрол, — небось и духов этих островных распужает такой ветер... Тёмно, поди, то место, ох, тёмно, весь он бесовыми следками усеян тот остров, ох, не приведи господь.

Помнишь ли, каким мрачным оттуда Севастьян Африканыч всегда вертался, а уж тот какой был сдержанный человек, поди ж ты. Говорят, он саму богиню золотую видал там, по той причине и слепнуть Африканыч стал, поди ж ты...

— Эгеж, — спустя несколько времени замечал Фрол, — тот идол кого хошь ослепит... Ветер, нонь, Сивярок, затяжной, птица к берегу держится, посередке озера опасно, видачь, ей летать...

Так мерно и протяжно проходило лясничанье (так их разговоры называла бабка Корениха), и долго, конечно, подвижный и юркий Петька таких бесед слушать не мог, он первым не выдерживал и торопил уйти из засады Терешу. Но и из этих рассказов им было ясно, что остров тот опасный, если даже старики побаиваются его. С прошлого года и теперь, с каждым днем, становилось им все больше невоготу оставаться в неведении об этом странном острове. Только хорошая мореходная лодка могла помочь.

Дядя Силантий был в горнице за столом, что-то писал.

— Случилось у вас что или в гости пожаловали? — спросил он, вставая из-за письменного стола.

— По делу мы.

— По делу так по делу... — улыбнулся Силантий. — Пойдемте, поговорим. Тут у меня бумаги разложены. Поведу вас в свою мастерскую, заодно и дедовское свое хозяйство вам покажу,

инструмент старинный самоковный, инвентарь наш крестьянский...

— Может, не стоит нам смотреть на дедовы вещи? — сказал Петька. — Может, в другой раз?

— Как хотите, мужички, может, другого раза и не будет...

— Да хотим мы, хотим, только у нас свои заботы, дело серьезное.

— Что ж, в самый раз, серьезные дела наскоком не решишь, давайте обмозгуем, торопиться-то куда?

У Силантия, как у всех в здешних деревнях, дом двухэтажный с хозяйственной пристройкой, на второй этаж в такой дом по мосту-взвозу на повет может заехать лошадь с груженной товаром телегой. У Силантия громадный дом-красавец с летним и зимним этажами, на первом — летом жили, на втором — зимою. Первый этаж зимою по окнам снегом заносило в иные годы, тогда и перебирались на теплый и светлый второй этаж, а нижний за холода выстывал и снова начинал обжигаться лишь по весне, когда снега тают. Хоромина эта, так Силантий называет свой дом, досталась ему от отца, а отцу от деда, а деду от прадеда... Так что простояла изба эта больше двух сотен лет. А все такая же крепкая, какие только и строили раньше всегда заонежские жители, из строевой сосны да лиственницы, выдержанных в штабелях до строительного срока.

Дядя Силантий провел ребят в хозяйственную часть дома — дедову мастерскую. Здесь стоял здоровый сосновый дух, пахло стружкой и сеном.

— Вот так мастерская! — ахнул Петька. — Музейный зал, не хуже Русского музея в Ленинграде!

Силантий, казалось, не заметил удивления ребят и сказал только:

— В каждой избушке свои погремушки, в каждой избе свой погребок, в каждой деревне свой обиход, а здесь все наше — онежское.

Он присел на лавку у окна и ждал, пока ребята насмотрятся вдоволь на «дедов инвентарь». И первое, что они увидели, были чудесные, украшенные росписью и резьбой, сани. Передок был похож на голову лебедя, задравшего клюв к небу, а внутри этого лебедя были устроены два уютных сиденья — бесёдка.

— Гуляры сани, — пояснил дядя Силантий, — самые что ни на есть настоящие, такие во всем мире одни, с резными оглобелями, с расписной грудкой-передницей. Прадед мой их работал. В город Петрозаводск на них за гостинцами езживал. Вся наша местность любовалась на этого лебедя, дивилась, когда он плыл среди белых снегов, следом за белой в яблоках лошадью. А сколько любителей приценивалось, купить хотели, да ни прадед, ни дед красоту не продавали, я вот тоже не удосужился; может, нынче зимою отвезу их в музей на остров Киж.

Здесь все наше, и сам дом этот, и посудницы, и диваны, и шкапы — нашими руками сработано, вот только картины не все наши, эти три, — он показал на старинные большие холсты в массивных, золоченных по резьбе, рамах, — твоего деда, Тереша, старика Денисова, просил забрать и со-

хранить еще за год до своей смерти, ученый был человек, не нам ровня. Тоже бы надо отдать музею... и я не вечен.

Тереша подошел к картинам, повешенным в один ряд. В центре — портрет женщины, совсем молодой, почти девочки, в темно-красном платье. Ее глаза показались Тереше очень красивыми и добрыми, они напомнили ему что-то очень родное. Он обернулся к Силантию.

— Она похожа на маму! — сказал он.

— Не знаю, может, и так, — отвечал, глядя на портрет, Силантий, — только это — Севастьяна Африкановича женка, прабабка, значит, твоя. Ее застал я уже не молодой, а все красавица была. В гражданскую войну от голода умерла... Сам-то Севастьян в ту пору на фронте был лекарем. Не застав ее в живых, убивался твой прадед, потом уж всю жизнь не улыбнулся, словно в трауре проходил до долгого отдыха. Ну, переехали мы с веселья на грустный берег. Об этом в другой раз...

Петька разглядывал две другие картины.

— Это что же, времена Петра Первого? — спросил он.

— Позднее, — ответил Силантий, — дед Денисов говорил, изображена здесь война с Наполеоном.

— Может, Бородинское сражение?

— Конечно, оно, — дядя Силантий улыбнулся. — Молодец, не дашь соврать, Петька, в каком ты классе нынче?

— В шестой перешел.

— А этих резных зверей кто делал? — спросил Тереша, беря в руки чудного конька-горбунка. Здесь были разложены и поставлены на длинной полке лисицы и кони, собаки и львы, белки и медведи, стояли и люди в старинной одежде, женщины в сарафанах и кокошниках, мужики в красных рубахах и кафтанах...

— Все в нашем роду умели резать и красить, есть там и мои безделушки, вот конька я-то и резал... Зимы у нас длинные, ночи бесконечные, вот и потешались, а коли захотите, и вас научу.

Ну а теперь выкладывайте мне ваше дело.

— Нам нужен совет ваш, дядя Сила. Как бы лодку поскорее сработать, обстругать, обтесать, вёсла, мачту, банки и всё прочее... Не пошли бы вы к нам в дело главным консультантом? — Петька вопросительно посмотрел на Силантия и добавил: — По-моему, на всём побережье есть только один человек, которому под силу в одиночку выкатить из воды чурбак и подкрепить его подпорками...

Лицо Силантия добродушно порозовело, глаза хитро прищурились.

Утром они собрались около дома Силантия, чуть свет, разлеглись на траве, стали смотреть, как солнце поднимается выше и выше и становится все ярче, и как петух шально орет с забора на солнце: «Ку-ука-ареку-у-у!» Петька бросил в него прутиком, чтоб не рвал зря глотку, не будил, крикун, дядю Силантия. Трава наклонялась от

теплого ветра, щекотала лицо и руки. Милка плела венок. Тереша лежал рядом и смотрел, как ловко движутся тонкие Милкины руки.

Благодать лежать, подняв нос к солнцу, и чтобы трава над головою качалась и шелестела тихо, и чтобы тучи плыли по чистому бездонному небу. И на Милку смотреть приятно. Она такая веселая и хорошая, и глаза у нее голубые с крапушками, а ресницы темные и пушистые. И зачем она с Борькой, с этим жирным тюленем, водится...

— Послушай, Милка, — говорит Тереша, — кого ты любишь больше всего на свете?

кабы не она, может, что из меня путное и вышло». Тереша тоже знал, что она всем помешала: у Николая-кузнеца ноги нет, Виктор Петрович, папин знакомый, слепой, но все равно в университете преподает... И ведь можно было и без войны обойтись, дел и без того хватает на земле. Хотя, если поразмыслить, сила дяди Силантия на дело идет — столярное и плотницкое. Сколько он домов поставил, чуть не всему поселку карасозерскому. А как красиво наличники оконные да крылечки вырезает — одно загляденье.

— Дядь Сила, а вы не забыли, о чем мы с вами

— Сказал тоже, конечно, маму!

— И я маму, но и отца тоже... — Он хотел сказать, что и она, Милка, ему очень нравится, но заметив серьезный Петькин взгляд, промолчал и покраснел.

— О-о! Работнички! Давно ли ждете? — приветствует дядя Силантий. Он всегда моется по утрам до пояса холодной водой. Бицепсы у него очень крепкие, да и бревна в одиночку громадные ворочает. На его месте другой давно бы чемпионом мира стал, думает Петька, наблюдая, как перекачиваются под его кожей мощные мышцы. А он почему-то не хочет. Хотя здесь в Гуслино ни общества, ни штанги нету. Обида! Пропадает зря такая силища, даром что ль его и зовут дядя Сила. Говорили ему, так он заладил, что некогда, да и годы не те. «Война, — говорит, — помешала,

договаривались? — спрашивает Петька и смотрит на Милку гоголем.

— Как же, мужички, как сказано, так тому и быть. Поем и пойдем смотреть лесину, сам-то я вчера присмотрел ее. Подле дороги, у Настасьино-го дома лежит очень подходящий чурбак.

— Поползли, мужички, — он и Милку называет мужичком, даже смешно, как та обиженно хлопает ресницами, но терпит. А может, он так же как и мы ее всерьез просто не принимает, думает Тереша, поспевая следом.

— Ползем, ползем, дядь Сила, мы уж давно ползти хотим, — говорит смеясь Петька.

У Настасьино-го дома останавливаются. «Чурбачок» оказался длиной с телеграфный столб. Силантий подмигнул Петьке:

— Вот те, Петя, чурочка... Лиственница!

И всем стало весело — «ничего себе чурочка».

Силантий привязал к бревну веревку. Сколько ни пытались вчетвером сдвинуть лесину с места — ничего не вышло. Тогда собрали по деревне всех ребят и вместе поволокли бревно к берегу озера. И самым тягучим — ведь надо же! — оказался толстяк Борька.

— Стойте теперь, в самый раз, — сказал тогда дядя Силантий. — А мне пора...

— Дядь Сила, подскажите, как нам это бревно располовинить, потом уж идите, — попросил Петька.

— Это можно, — отвечает, — в аккурат прорубы надо протесать вдоль лесины, в щели клинья деревянные всадить, с дюжину... А там и забивайте. В самый раз бревно и поползет на две плахи. Показать, как делается?

— Сами мы. Вот топорами бы разжиться, у нас один на всех.

— Тесари вам дам, вы уж всех работников на службу пристройте, — смеется дядя Силантий. — Трех топоров хватит ли?

Петька отправился за топорами. Тереша с остальными, тем временем, подбивал подпорки под бревно, чтоб не каталось. Скоро и Петька вернулся; убедившись, что они не сидели сложа руки, он сказал:

— Великое дело мы затеяли. Что ж, мастер, — так он назвал Терешу, — показывай, как работать топором.

Тереша прочертил черту по бревну, вытесал первый клин. А все смотрели на него. Вдоль линии прорубил уголком топора неглубокую щель и вбил туда клин — по стволу поползла тонкая трещина. Петька обрадовался:

— Если так пойдет дело, быстро раскроим, а пока давайте поговорим, кто и что делать будет.

После совещания стали вытесывать клинья. Петька так старался, что сделал больше других, а Милка, пропащее дело, только один, да и то до того тощий, что Петька тут же его и обозвал английским петухом. Милка говорит:

— Топор мне тяжелый достался.

Врет, конечно. Ей самый легонький топор дали, да ладно, пусть, и один клин — польза. Борька вообще не мог ничего путного вытесать, вместо клина получалась у него какая-то деревянная вермишель. Поставили его на другую работу — щепки таскать.

К полудню бревно в последний раз затрещало и разошлось-расшилось на две части. Одна половина — корпус лодки, вторая — на доски, если понадобятся при постройке; надо попросить дядю Силантия разрезать ее на пилораме.

— Перекурим, — говорит Петька. Воображает. Никто не курит, но так дядя Сила всегда говорит, когда хочет немного отдохнуть. Тереша соглашается:

— Давай посидим, отдохнем.

Пришла бабушка Корениха и заставила всех идти на обед. Уходить не хотелось.

— Завтра совсем расклеитесь, — сказала она и тут увидела расшитое бревнище и всплеснула руками. — Ой, господи, помилуй, неужто сами раскололи этаку матёру! Надо подкрепиться теперь, дело пойдет.

После обеда решено было отдохнуть, чтобы со свежими силами взяться за работу. И снова, если б не Милка, проспали. Опять она спасла всех. И все же после обеда кроме троих друзей у лодки никого не оказалось.

— Не по зубам орешек, — заявил Петька, глядя на пустынный берег и сиротливое на песке бревно.

Но к концу дня на берег стали по одному подходить мальчишки. Где-то раздобыли стамески, долота, топоры, и готовы приступить к делу. Петька хотел было не звать их, но взгляд, брошенный им на громадный чурбак, как бы сам по себе заставил смириться с большой компанией. Ладно, скорей кончим дело. Он командует — и работа кипит. Бревна не видно, столько народу на нем разместилось. Тереша радостно улыбается, глядя, как все, словно дятлы, долбят бревно, копошатся, кричат друг на дружку, языки от усердия повысовывали — службу несут верно. Лодка стоит близ воды — на нее хорошо из озера смотреть. Тереша специально предложил устроить верфь поближе, чтобы потом легче было лодку спускать. Робинзон Крузо целых четыре месяца мастерил лодку, а к морю ее стащить не мог, потому что далеко она стояла от берега и тяжела была. Наца тоже будет не маленькая, размышлял Тереша, но у нас все продумано.

Работали до полной усталости. Последними ушли с берега Тереша и Петька. За полдня удалось выдолбить нутро дерева на полтора локтя в глубину.

Спали в эту ночь мертвым сном, и Коренихе не пришлось укладывать, сами «повалились без задних ног», как говорила бабушка. Милка тоже, наверно, намучилась здорово, потому что на утро не пришла их будить. И проснулись не в семь, как было решено, а в одиннадцать. К рукам будто гири пудовые подвесили, до того они стали тяжелыми, спину ломает и даже пальцы на руках будто не свои, стакан не удержать с молоком.

— Надергали тело, — улыбается Корениха, — ничего, скоро пройдет, привыкнете...

Окончание следует

ПОДРУГИ

Делегация пионеров КНДР в Артеке

Если твой друг увлекся чем-то, то и тебя наверняка этим ЧЕМ-ТО заняться тянет. Хорошо, если при этом не требуется особого таланта. А если требуется? Если, например, у друга прекрасный голос и музыкальный слух, и все свободное время он пропадает в хоре. У тебя же с голосом и слухом не очень, а отстать от друга не хочется. Как тут быть?

...Все случилось так неожиданно, что Бен Ен Сун поначалу растерялась и не могла слова вымолвить. А случилось вот что: когда грянул звонок на урок, и класс замер в ожидании учителя, влетели радостно-возбужденные Хан Е Ен и Кан Ин Ок, подружки Бен Ен Сун. Прямо с порога выпалили:

— А нас приняли в хор Дворца пионеров! Мы только что списки видели...

Все ребята почему-то сразу посмотрели на Бен Ен Сун. От этих взглядов ей стало почему-то не по себе. Она прикусила губы и уткнулась в учебник. И все уроки молчала. А на переменах старалась поскорее выскользнуть из класса, чтобы и взглядом не встретиться с подружками. Обиделась на них. Хотя за что, собственно, обижаться? За то, что они решили серьезно заниматься пением? Ну и занимайтесь на здоровье. Сколько знает Бен Ен Сун подружек, столько они поют. К их концертам в отряде так привыкли, что не представляли ни один пионерский сбор, ни один праздник без «Номера Хан Е Ен — Кан Ин Ок», как называли выступление девочек. А что же Бен Ен Сун? Помнится, во втором классе, когда Хан Е Ен и Кан Ин Ок впервые выступили с маленьким концертом на отрядном сборе, ребята загалдели: а ты почему с ними не поешь? Ведь подружки...

Бен Ен Сун в ответ только усмехнулась: какая я певица?! У Хан Е Ен бабушка пела в хоре, а у Кан Ин Ок брат музыкант. Им есть у кого учиться и

музыке, и пению. А ей у кого? Да и не нравится петь, если откровенно говорить.

Вот тут она, пожалуй, сказала неправду. Петь хотелось. Когда бывала дома одна, всегда напевала отрядные песни. Они почему-то больше нравились. Ей бы тогда попроситься к подружкам тоже петь, а вот оробела. А может, гордость не сумела перебороть, посчитала за унижение напрашиваться... Впрочем, что говорить — дело прошлое. И обижаться не стоит. Радоваться надо, что подружки будут петь в хоре Дворца пионеров Пхеньяна! — пробовала взбодрить себя Бен Ен Сун. Но на душе было скверно, будто она совершила какую-то провинность и не сознавалась.

После уроков она хотела незаметно от подруг убежать домой. Но они окликнули ее в коридоре.

— Что с тобой? Почему нас избегаешь? — спросила Хан Е Ен. — Сердишься, что мы поступили в хор? Но ты ведь сама не хочешь петь...

Бен Ен Сун и на этот раз промолчала. Подхватила портфель и шагнула мимо подружек. Те только недоумевающе переглянулись.

«Не хочешь петь...» — звенели в ушах слова. — А может, хочу? Хочу, да не умею. Так хорошо не умею, как вы...»

Не один день потом вспоминала Бен Ен Сун этот разговор с подружками. Будто черная кошка пробежала между ними. Будто и не было четырех лет закадычной дружбы, когда вместе играли, учили уроки, бегали в кино. Когда последний леденец и тот делили на троих...

И вот ведь что: все трое были отличницами. А тут вдруг отличные отметки стали все реже и реже оседать в дневниках девочек. Конечно, думали одноклассники, у Хан Е Ен и Кан Ин Ок репетиции да концерты сколько времени отнимают. Но почему стала хуже учиться Бен Ен Сун? И невдомек было ребятам, как трудно переживала она размолвку с подружками. Ничто не шло в голову. Ни уроки учить не хотелось, ни играть. Да и подружки горевали не меньше. И не оттого не успевали домашнее задание выучить, что хор их отвлекал. Кто дружил по-настоящему, догадается, в чем тут дело...

Настоящие друзья находят в себе силы одолеть капризы. Так случилось и с Бен Ен Сун. Однажды

Бен Ен Сун, Кан Ин Ок и Хан Е Ен

проходила она мимо Дворца пионеров — ее почему-то все чаще влекло сюда, как только подруги стали петь в хоре. Внимание привлекло красочное объявление: «В воскресенье, 10 ноября, состоится смотр работы коллективов Пхеньянского Дворца пионеров. В программе...»

Первым номером в программе стояло выступление хора.

Кто-то коснулся плеча. Бен Ен Сун вздрогнула и обернулась: перед ней стояли Хан Е Ен и Кан Ин Ок.

— Мы идем сейчас на репетицию. Пойдем с нами? — предложили девочки.

— У нас там весело, вот увидишь!

И случилось чудо: Бен Ен Сун пошла. И оказалась вместе с ними на репетиции.

А потом случилось второе чудо. Во время распевки хормейстер, пожилая женщина с добрым улыбчивым лицом и звонким голосом, обратила внимание на девочку в зале. То есть на Бен Ен Сун.

— Что за любитель пения там сидит? — эхом покотился по пустому залу голос хормейстера.

— Это наша подруга, — сказала Хан Е Ен.

— А какой у нее голос? Первый? Второй?..

— Она не поет, стесняется, — ответила Хан Е Ен. Но хормейстер уже спускалась к Бен Ен Сун.

— А ну-ка, девочка, попробуй спеть гамму...

Как во сне потом вспоминала этот экзамен Бен Ен Сун. Длился он не больше пяти минут, а ей показалось — целую вечность. После нескольких упражнений хормейстер потрепала девочку по плечу и сказала:

— Да у тебя неплохой второй голос. Хочешь с нами петь? У нас как раз не хватает вторых голосов. Только одно условие: ты должна как можно скорее выучить репертуар хора. Все партии второго голоса!

Вот тут-то и пришли на помощь подруги. Каждый вечер собирались они вместе и подолгу разучивали песни. Не думайте, что дело это простое. Ведь надо было не только слова песни выучить, но и запомнить мелодию именно для твоего голоса. А распевки, нотная грамота, сольфеджио — без них певец не певец! Это тоже приходилось изучать.

Трудно пришлось Бен Ен Сун. Сколько раз хотелось бросить музыкальные уроки. Но подруги не отступали, приободряли, случись какая заминка. И родители подбадривали — ни отец, ни мать не ожидали, что у дочери такие способности. Никогда не было у них в родстве певцов. А тут прямо на глазах талант зреет!

...А потом был первый концерт. Бен Ен Сун на всю жизнь запомнит этот день: 27 декабря!

27 декабря — день Социалистической конституции КНДР. Во всех пионерских дружинах в этот день проходят торжественные сборы. А после сборов концерты.

Когда конференсье объявил, что корейскую народную песню «Над горами солнце встало»

исполнят пятиклассницы Бен Ен Сун, Хан Е Ен и Кан Ин Ок, зрители зашушукались: что это за новая певица объявилась в школе?

Но вот спели подружки песню, и зал всколыхнулся. Аплодировали ребята, не жалея ладошек. Отовсюду неслись удивленные возгласы. Ну и Бен Ен Сун! Вот так тихоня! Вот уж не думали не гадали, что и она будет певицей!

С того первого концерта у девочек было много выступлений. Пели они перед пхеньянскими железнодорожниками, перед строителями, перед воинами и пионерами. Пели в хоре. Пели втроем. Каждый концерт был ответственным. И все же самым ответственным в их жизни стал концерт в Советском Союзе, в пионерском лагере Артек.

В июле 1984 года Артек впервые за свою историю принимал делегацию пионеров из Корейской Народно-Демократической Республики. Лучшие из лучших приехали в Артек. В числе двадцати мальчиков и девочек были восемь юных певиц Пхеньянского Дворца пионеров.

По давней артековской традиции у каждой делегации есть свой день. В этот день гости должны рассказать артековцам о своей стране, о своей пионерской организации, познакомить с народными песнями и танцами.

Тщательно готовились корейские пионеры к Дню КНДР. И вот он пришел.

Мягкие сумерки опустились на Аю-Даг. Луна выткала на море золотистую дорожку. Тишина и покой воцарились над пионерским городком.

А Костровая площадь залита светом прожекторов. Костровая гудит будто растревоженный пчелиный рой. На концерт корейской делегации собрался, казалось, весь Артек.

Но вот зрители смолкают — на сцену поднимаются артисты.

— Популярная советская песня «Катюша», — объявляет ведущий концерта. — Солисты: Бен Ен Сун, Хан Е Ен, Кан Ин Ок. Песня исполняется на русском языке...

Это был сюрприз! Когда корейские ребята запели последний куплет, зрители не утерпели и подхватили песню. Далеко окрест эхо разнесло «Катюшу» в исполнении тысячеголового хора.

А знаете, кто корейским пионерам подал идею разучить «Катюшу»? Бен Ен Сун! Еще в Пхеньяне, когда ребята готовились к поездке, она сказала своим подругам:

— А что если нам выучить какую-нибудь советскую песню и спеть ее в Артеке?

Те идею одобрили. Какую песню разучить — выбирали недолго. «Катюшу»! Ее весь мир знает. Ну, а когда стали песню разучивать, другие ребята присоединились. Всем захотелось спеть «Катюшу»!

...Дружбе все подвластно. Если друг настоящий, то любые трудности поможет тебе одолеть. А еще поможет открыть в себе таланты, о которых ты сам никогда не подозревал. Случай с Бен Ен Сун разве не доказательство тому?

Виктор РЫБИН

КАТЯ ИЗ БЕРЛИНА

Найти ее было нелегко... Мы с дочкой Настей стояли на широкой Принцлауэр аллее, держали перед собой листок бумаги с адресом, показывали его прохожим и пытались выяснить, где же находится дом номер 50. Люди смотрели на нас озадаченно, половина из них показывала налево, другая половина направо, и когда мы совсем запутались, один из прохожих догадался спросить на чистом русском языке:

— А кто вы такие?

— Мы советские, — обрадовались мы. — Из Ленинграда.

— А на каком языке говорите?

— На немецком.

— Ну и ну! — покачал головой берлинец. — Чудеса в решете! Говорите на родном. У нас русский изучают в школе, многие учились в Советском Союзе.

— Спасибо!

И он объяснил порядок нумерации Принцлауэр аллее. Через несколько минут мы оказались у дома 50. Поднялись на третий этаж. Настя позвонила, дверь распахнулась, на пороге стояла Катя. Кто такая Катя? Да вы ее отлично знаете! Она ведущая широкоизвестной международной программы телевидения Германской Демон-

кратической Республики «Делай как мы, делай вместе с нами, делай лучше нас!» Да, именно она — Катя Цимарс. Черноглазая, темноволосая, подвижная и всегда веселая девочка.

Началось с пантомимы. Открылась детская школа пантомимы «Молодые таланты». Руководил ею кампучиец Иуа-Зааунг. Ему 68 лет, он давно живет в ГДР, известен как блестящий мим.

Катя страстно полюбила уроки пластики и мимики, сумела свое свободное от школы время втиснуть в строгие рамки режима.

Однажды старый мим попросил Катю задержаться после репетиции. Он внимательно посмотрел на девочку и сказал:

— Ты знаешь, я снимаюсь в телефильмах. Потребовались девочки для массовок, и я сказал: «У меня есть дети в студии, я как актер и их учитель советую взять их». Хотела бы ты сняться в фильме? Правда, роли у тебя не будет.

Катя согласилась. Так она впервые попала на съемочную площадку. Затем ее пригласили на съемки многосерийного фильма «Карл Маркс и дети его времени».

И вот пришел тот счастливый

случай, который в жизни талантливых людей дает возможность в полную силу проявить себя. Катю пригласили на главную роль в фильме «Синие с небес». Сценарий был написан по сказке известного в ГДР писателя Ганса Хутнера. Съемки шли каждый день, и Катя сразу вошла в ритм съемочной площадки: помогли репетиции по мимике. По сюжету два мальчика и девочка оказались на планете, где все сделано из творога, где живут добрые и злые волшебники. Добрый волшебник Базилиус и его брат Бомбастус — милые ушастые уродцы. Они помогли ребятам спасти из беды их товарища мальчика Хени.

Фильм прошел с успехом, а впереди новая работа — ведущая спортивной передачи «Делай как мы, делай вместе с нами, делай лучше нас». Быть ведущей значительно труднее, чем играть роль в фильме. Быть ведущей — это значит быть находчивой, никогда не терять присутствия духа и всегда быть веселой, даже когда произойдет «ляп», то есть непредвиденная ситуация, ведь передача идет прямо в эфир.

Мы с дочерью гостили у Кати и ее родителей несколько дней.

Катя оказалась удивительно приветливой, и у меня возникло впечатление, что мы были давно знакомы.

— А какие у тебя планы на будущее? — спросил я.

— Хочу окончить школу и хорошо выучить русский язык.

— Ты и так хорошо говоришь...

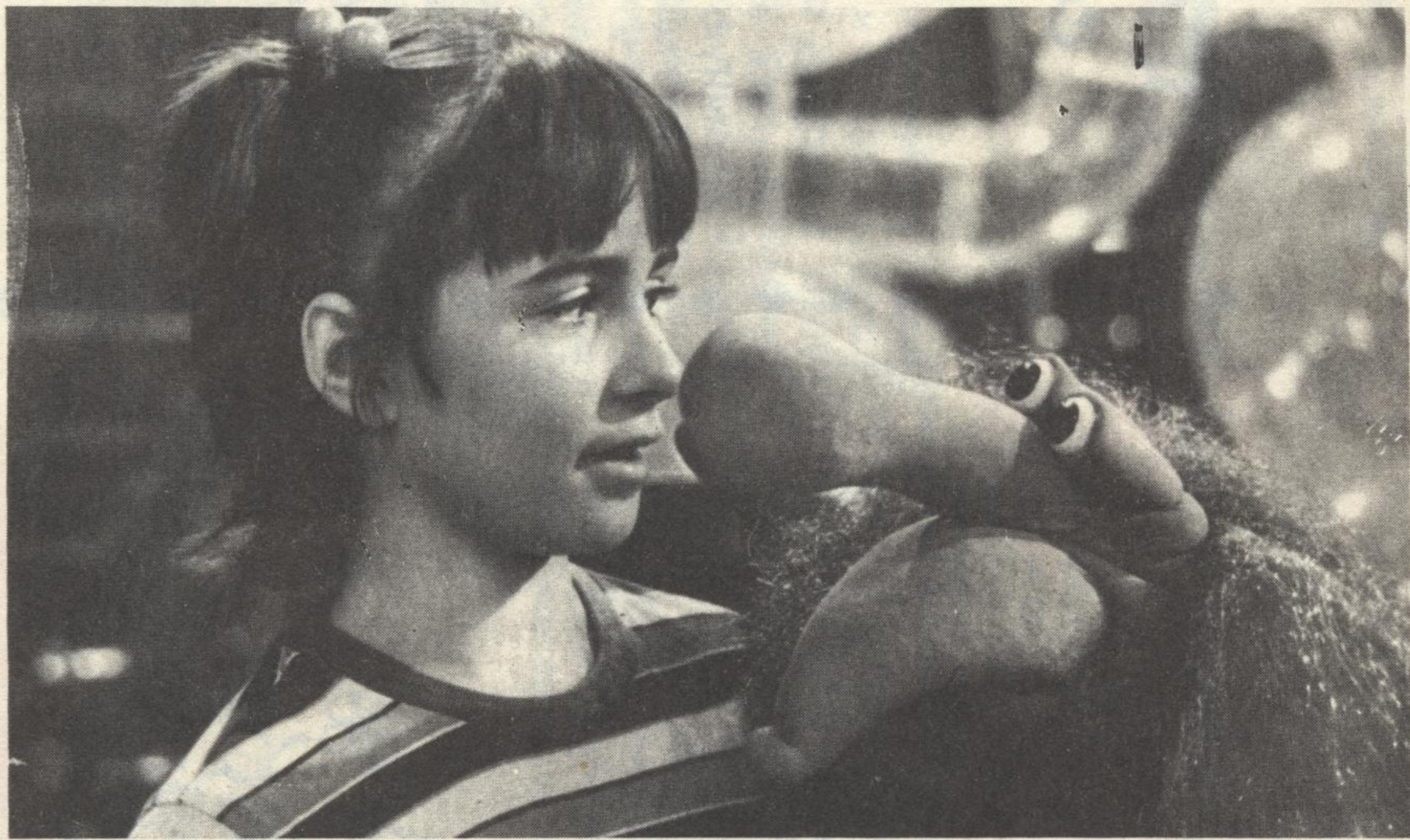
— Это я с вами, а с другими почему-то не могу свободно объясняться. Я хочу говорить на русском как Настя, потому что у меня есть мечта.

— Какая, если не секрет?

— После школы я хочу поехать учиться в Советский Союз, в Институт кинематографии на актерский факультет. Туда попасть трудно, и если я не буду хорошо владеть русским языком, так кто же меня примет в институт?

Я ничего не ответил, а про себя подумал: «В добрый путь!»

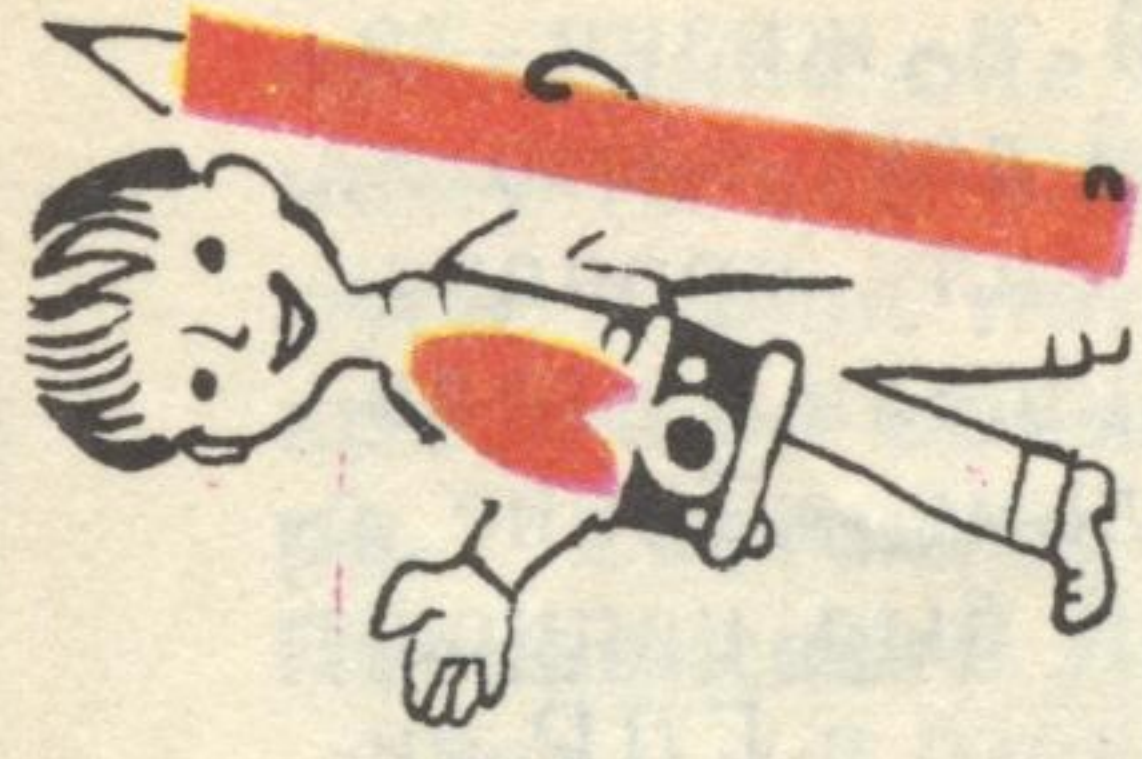
М. ДЕМИДЕНКО

Катя Цимарс в фильме «Синие с небес»

НАША ПРАВА

САЛЮТ, ПОБЕДА!

БОЕВАЯ
АРМИЯ
РЕБЯТ-
АКТИВИСТОВ
БОРЕТСЯ,
АГИТИРУЕТ,
НАХОДИТ!

"БАРАБАН" ПОЗДРАВЛЯЕТ СВОИХ ЧИТАТЕЛЬНИЦ С ПРАЗДНИКОМ!

Мне зимы уходящей не жалко,
Хоть люблю я валяться в снегу,
Ведь весной зацветает фиалка,
Без которой я жить не могу.
Я от радости даже танцую,
Я от радости даже пою —
Так люблю я весну молодую,
Ее яркое солнце люблю.

Катя Хмара,
3-б класс,
школа № 70,
Ленинград

Вот какая сестра

Когда моя сестра Наташа училась в седьмом классе, за отличную учебу и вожатскую работу школа наградила ее пуговкой в Артек. В Артеке она подружилась со многими ребятами.

Наташа давно закончила школу, учится в институте, но до сих пор летят к ней письма из разных городов и республик. Сестра бережно хранит их и никогда не забывает артековскую дружбу. Вот какая у меня сестра!

Жиркова Таня,
7-в класс,
школа № 25,
Актюбинск

ПЯТИЛЕТКА В КРАСНОМ ГАЛСТУКЕ

Работа нам нравится

Три года в нашем совхозе «Красный луч» работает звено юных животноводов. Нам выделили группу из 28 коров. В прошлом году мы самостоятельно надоили 83 тонны молока. А в этом — занимаемся откормом 4500 телят. Работа трудная, но нам нравится. Недаром после школы многие выпускники остаются работать в родном совхозе.

Валя Стаднюк,
Журавская средняя школа,
Кировский район,
Крымская область

и штукатуры и плотники

Нашей школе всего год, но работа школьного штаба трудовых дел уже идет полным ходом. Летом многие помогли родителям на свиноферме. Нашей строительной бригаде тоже дел хватало. Мы задумали переоборудовать кабинет военого дела. Пришлось быть и плотниками, и штукатурами, и каменщиками — обложили стены кирпичом, покрасили, побелили потолок...

Сергей Кудряшов,
Вадим Беляев,
Романовская средняя школа,
Всеволожский район,
Ленинградская область

Рассказы, бабушка!

Во время войны моя бабушка Клавдия Петровна была медсестрой. Как тяжело было видеть ей тех раненых, которым уже не в силах была она помочь! Днем и ночью привозили раненых, днем и ночью не было свободной минуты у бабушки и других медиков.

Бабушка мне рассказывала много эпизодов о войне, и я прошу ее снова и снова: «Расскажи, бабушка».

Ира Переборщицова,
5-а класс,
школа № 491,
Ленинград

Гости нашего сбора

На пионерский сбор мы пригласили ветерана Великой Отечественной войны, старожилу нашего села Михаила Георгиевича Побегаева. Он выступил перед всей дружиной, и мы от него многое узнали о войне и о трудовых подвигах труженников тыла.

Оксана Парахина,
7 класс,
село Чоя,
Алтайский край

ХОККЕЙ

Сергея Ухов, 14 лет

Джимми Грайс, 10 лет: — В СССР хотелось поехать всем, но пригласений, конечно же, на всех не хватило. Наши родители тянули жребий, чтобы никому не было обидно. И вот мы здесь, в Пицунде. Никогда не думал, что море может быть таким теплым, а солнце таким ярким и горячим.

Многие из вас, ребята, знают о мужественной борьбе шахтеров Великобритании за свои права. Дети бастующих горняков побывали недавно в нашей стране. Сегодня они в гостях у «Барабана».

Майкл Грэхем, 10 лет: — Нашим отцам пришлось нелегко. И правительство, и полиция были против нас. Но забастовщики не отступили. Ведь иначе тысячи шахтеров потеряли бы работу.

Лиза Грэхем, 12 лет: — До забастовки мы мало задумывались о борьбе рабочих за свои права, о борьбе за мир. Но теперь, когда борьба коснулась и нас лично, мы на многие вещи смотрим по-другому. Нас очень стали беспокоить и безработица среди молодежи (мы ведь тоже скоро вырастем), и рост цен, и особенно размещение в Англии американских ракет.

Скотт Грайс, 13 лет: — Ребятам в школе мы обещали рассказать все-все о нашей поездке в СССР. Впечатлений

невероятно много! Нас удивило, как хорошо советские пионеры знают о забастовке наших отцов. Нас захватила радостная атмосфера подготовки ребят к Московскому фестивалю молодежи и студентов. Может быть, кому-то из наших ребят тоже посчастливится побывать в июле в Москве. Об этом сейчас мечтают многие мои друзья. И я сам, конечно, тоже. А пока мы хотим дать автограф всем читателям «Барабана»:

To all soviet children we wish every where was like pitsunda.

ТРЮКАЧИ

В. Табакаев, Горно-Алтайск

КРЫЛАТЫЕ КАЧЕЛИ

Надя Шпак, Ярославль

ЮНОК ПРОДОЛЖАЕТ РАЗГОВОР

В одном из номеров журнала под рубрикой «Барабан» был опубликован материал «Шесть вопросов про лето». Речь шла о делах пионерского актива, о взаимоотношениях активистов и ребят из «простых» отрядов, о формальном и неформальном подходе к делу. Мы предложили нашим читателям продолжить разговор, начатый нашим корреспондентом с ребятами Куйбышевского районного пионерского штаба Ленинграда.

Неужели активисты, члены районного пионерского штаба, пионеры могут так рассуждать?! Это им-то «практически нереально» организовать интересные и полезные дела?

Это им-то трудно наладить контакты с другими ребятами? Какие же они тогда активисты?

*Слава Завьялов,
член РПШ «Искра»,
председатель совета дружины
школы № 85,
Уфа*

Лева Волковский сказал про ребят из обычных отрядов: «Им до нас дела нет». А вам, интересно, есть дело до них? Это ведь тоже много значит...

*Анжела Куткович,
школа № 9,
Балтым,
Свердловская область*

Я бы посоветовала ребятам из пионерского штаба больше дружить с «обычными» и сидеть так, чтобы интересы акти-

вистов и обычных ребят стали общими.

*Лена Молчанова,
г. Горький*

У нас в городе уже несколько лет существует лагерь пионерского актива. За один месяц лета мы всегда успевали сделать многое. Для того, чтобы кого-то увлечь, надо самому быть увлеченным человеком.

*Люда Петрякова,
Губаха,
Пермская область*

Очень хорошо, что ребята проводят такие интересные мероприятия, но мне не нравится то, что они не поделились своими интересами с другими. Про Олю Иванову они говорят с осуждением: «Да ей все равно, с кем общаться». Да, ей все

равно, потому что для нее каждый человек представляет интерес! А ребятам из пионерского штаба надо о многом подумать и наладить свои отношения с «обычными». И хорошо бы им обратиться за советом к Оле Ивановой.

*Женя Манукян,
6-е класс, школа № 15,
Мурманск*

Никифор перечислил столько пионерских дел, а сам ни в одном не участвовал. Почему? Да и Лева тоже не прав. Почему с деревенскими ребятами «нереально» наладить контакт? По-моему, так это вполне реально...

*М. Кропочева,
Устинов,
Удмуртская АССР*

Мы все танцуем!

Однажды к нам в школу пришла учительница бального танца Серафима Георгиевна и спросила, кто хочет заниматься в таком кружке? Все девочки из нашего и из 3-6 класса записались, а вот с мальчиками дело обстояло плохо. Но как это оказалось здорово — учиться бальным танцам! Серафима Георгиевна понятно и интересно объясняет, мы слушаем хорошую музыку.

И вот те мальчишки, которые уже записались, стали расказывать всем остальным, как хорошо в этом кружке. У нас сразу стало больше мальчиков.

Теперь мы все танцуем и благодарны за это Серафиме Георгиевне.

Лена Тепляшина,
3-а класс,
школа № 280,
Ленинград

Сразу стало интересно

Нашу пионервожатую зовут Ольга Васильевна. Как только она появилась в школе, пионерская жизнь стала намного интересней: проводятся конкурсы, соревнования между отрядами. Каждый член совета дружины имеет поручение. И, наоборот, все это произошло потому, что Ольга Васильевна имеет к каждому пионеру особый подход.

Мы любим свою вожатую. Она нам близкий и верный друг.

Оля Жидкова,
Лена Шурилова,
6 класс,
с/з «Чкаловский»,
Саратовская область

Литературная страничка

Анжела Страшная живет в Москве. Ее мама и папа — цирковые артисты. И сама Анжела, конечно, больше всего на свете любит цирк. О нем она писала в заметке, которую «Барaban» опубликовал в № 11, 1984 года, о нем и этот ее маленький очерк.

Ната, Егорушка и Пугач

Катя и Егорушка, прежде чем собрать книги и отправить в школу, набивают карманы сладостями и мчатся к Пугачу.

Кто они такие? Катя и Егорушка — брат и сестра, их родители — известные цирковые артисты, акробаты-прыгуны Александр Николаевич и Нина Лаврентьевна Бондаревы. А Пугач — это конь, полутяжеловес тарийской породы. На нем Катя и Егорушка упражняются в вольгитных трюках. Так называется номер конного цирка, который состоит из упражнений на бегущей по манежу лошади.

Вначале Пугачу работа в цирке показалась легкой забавой, может быть, потому он так часто смешно пофыркивал. Но потом, когда увидел, что Катя и Егорушка сотни раз повторяют одни и те же трюки, он понял, что тут дело нешуточное. Пугач покорно выполняет все указания. Он знает, когда ему бежать, когда остановиться, и никогда не нарушает заданный ему аллюр. (Аллюр — это вид движения

лошади. Например: шаг, рысь, иноходь, галоп, карьер.) Пугач хорошо чувствует всадника и старается, чтобы тот не упал на манеж и не ушибся.

Заботливая Катя научилась чистить копыта Пугача. Работа эта сложная и опасная. Но Катя, надев фартук и вооружившись острым ножом, смело срезает с копыт наросты и скабливает грязь.

Брат и сестра все успевают: и учиться, и разучивать упражнения на лошади, и читать.

— Больше всего я люблю ездить на Пугаче, — сказал как-то Егорушка. — Вот у меня есть велосипед «Кама». Так на нем ездить куда опаснее. То камешек под колесо попадет, то еще что-нибудь случится... А Пугач — верный друг, в трудную минуту он всегда выручит.

А еще Егорушка очень завидует Кате. И знает, почему? До встречи со зрителями ей осталось всего три года, а ему — целых пять. Ведь на манеж наездников выпускают не раньше четырнадцати лет.

Дима Качкалов, 9 лет

ПОЛИН ДЖОНСОН

Судьба Полин Джонсон (1861—1913), замечательной индейской поэтессы и общественной деятельницы, настолько необычна, что имя ее давно стало легендарным не только у нее на родине, в Канаде, но и далеко за ее рубежами.

Дочь ирокезского вождя Текахионвэйк (таково подлинное имя писательницы) родилась в далекой индейской резервации. Получив неплохое по тем временам образование, рано начала писать стихи. Много путешествовала по Канаде, Соединенным Штатам, побывала в Великобритании...

Поэзия Полин Джонсон повествует о трагической судьбе североамериканских индейцев, доведенных бесчеловечной политикой английских колонизаторов почти до полного вымирания. Лишенные права жить на своей земле, соотечественники поэтессы гордо отстаивают свою свободу и независимость, с оружием в руках выступая против поработителей. Во многих стихах Полин Джонсон воспевается дикая, необузданная красота канадской природы, ее богатство, малообжитые просторы северного края, пересеченного бурными реками с древними поэтическими именами.

СТАРАЯ ИНДИАНКА

Пройдя поселок у лесной дороги,
В прозрачной, предосенней тишине,
С трудом, едва передвигая ноги,
Бредет она по высохшей стерне.

Согнулись плечи от нужды и боли,
Глаза, не отрываясь, смотрят вниз,
Но день за днем она выходит в поле:
Лушить тугой темнеющий маис.

А в памяти ее иное время,
Когда был счастлив, рабства не страшась,
Ее народ, теперь забытый всеми,
Как стебли эти, втопанные в грязь.

ЛЕСНЫЕ ЦВЕТЫ

Там, где пожары ранние прошли,
На косогоре, у речной излуки,
В золе цветы лесные расцвели,
Скрывая шрамы северной земли,
Совсем как чьи-то бережные руки.

Так сердце, опаленное огнем
Опустошающей и жгучей боли,
Вновь оживает теплым майским днем,
И мысль, что кто-то думает о нем,
Его переполняет поневоле.

ЯДДА

СКАЗАНИЕ ЗАПАДНОГО ПОБЕРЕЖЬЯ

Где болотистый и древний тихо дремлет остров Лулу,
Где струятся над долиной синеватые дымки,
Там вершины Гор Зубчатых внемлют ласковому гулу
Ни на миг не умолкающей реки.

Там, где дремлет остров Лулу в клочьях сизого тумана,
Что клубится в час рассветный над болотом торфяным,
Тянет гарью с дальних топей, и в каньоне Капиано
Оседает синевато-сизый дым.

Но спешит к закату солнце, за горою прячась дальней,
И легенды оживают, и до утренней звезды
Над каньоном Капиано все тревожней, все печальней
Раздается песня плачущей воды.

Говорят, что прежде тихо было в сумрачной теснине,
Но пришла на берег Ядда, и запела вдруг вода,
И в Безмолвии Великом, в Нескончаемой Пустыне
Этот гимн любви не смолкнет никогда!

Был он вождь страны прибрежной, что лежит у Гор Зубчатых,
На соседние нередко нападал он острова,
А она плела корзины, дочь врагов его заклятых,
Красоту ее прославила молва.

Приуныл бывалый воин, нет в душе кровавой жажды,
В край тотемов обращает он все чаще грустный взор,
И на склоны Капиано он позвал ее однажды,
И ушла она в страну Зубчатых Гор.

Плачут женщины в селеньях, колдовское варят зелье,
Много лун они рыдают, причитают много лун:
«Ах, зачем ты нашу Ядду заманил в свое ущелье,
Погубить ее решил ты, подлый лгун!»

А мужчины взяли стрелы, взяли луки и колчаны,
Взяли весла и каноэ и предутреннею тьмой
Через мели и пороги добрались до Капиано
И с добычей воротились домой.

С той поры поникла Ядда и, спасенья ожидая,
Все слова любви шептала на пустынном берегу,
И на юг — до Капиано — их несла волна седая:
«Я обещана не другу, а врагу!»

Я хочу уплыть далеко, в край, где ждет меня любимый,
Он вам, братья, ненавистен, но не жить мне без него!
Я хочу туда, где горы, где поток неудержимый
Пел о счастье возле дома моего».

Сколько лет прошло, не знаю, без конца сменялись луны,
Но вождя любила Ядда с каждым годом все сильней,
И поток ее услышал и в тоске по жизни юной,
Нет, не пел уже, а плакал вместе с ней.

И когда она угасла на земле столбов тотемных,
Вдалеке от Капиано, от любимого вдали,
Опечаленные духи вод наземных и подземных
В плеске волн ее напевы сберегли.

Перевел Р. ДУБРОВКИН
Рисунок О. Филипенко

ФЕСТИВАЛЬ УЧИТ БОРЬБЕ

Когда я была маленькой, воспитательница детского сада однажды повела нашу группу на улицу: «Посмотрим, что такое фестиваль».

Мы увидели нарядно одетых людей. Они смеялись, хлопали в ладоши и дружно кричали: «Мир! Дружба!» А по украшенным улицам двигалась яркая цирковая кавалькада.

Белые кони тянули за собой разноцветные повозки, на широких помостах творили чудеса гимнасты, акробаты, клоуны и жонглеры. Добрыми и радостными глазами смотрел на нас город.

«Так вот что такое фестиваль! Это — праздник!» — подумала я.

Это было июльским днем 1957 года во время VI Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Москве.

Когда я стала школьницей, мне посчастливилось провести лето в известном на всю страну пионерском лагере «Орленок». В один из дней совет дружины объявил: сегодня едем в горы на трудовой десант — будем очищать лес от сушняка. А на заработанные деньги купим школьные принадлежности для детей Вьетнама, чьи родители мужественно сражаются с американскими агрессорами. 19 мая мы торжественно проводили корабль «Березовка» из Новороссийска в Хайфон с драгоценным грузом от советских ребят. И тогда я поняла новое и самое главное значение слова «фестиваль» — это солидарность с борцами за мир, за независимость и лучшее будущее для людей всех стран.

Сейчас я работаю в Советском подготовительном комитете XII Всемирного фестиваля молодежи и студентов,

который пройдет в Москве с 27 июля по 3 августа 1985 года.

Вот какие письма пишут сегодня пионеры в адрес Подготовительного комитета:

«Память» — так назвали свою уже 12-ю экспедицию, посвященную 40-летию Победы над фашистской Германией и XII Всемирному фестивалю молодежи и студентов в Москве, члены школьного морского клуба «Кон-Тики» из Новосибирска. За два месяца, путешествуя на плотках, шлюпках и ялах по рекам Сибири и Алтая, ребята собрали тысячи подписей под Воззванием к военным министрам и генералам Запада «Нам нужен мир, нам не нужна война!», которое направлено в штаб-квартиру НАТО...»

«Закончили год на «хорошо» и «отлично». Наш отряд очень дружный. Летом и осенью помогали совхозу. Все, что заработали, перечислили в Фонды мира и Фестиваля», — это сообщают пионеры из села Васильевка Безенчукского района Куйбышевской области.

«Перевели на фестиваль счет 115 рублей. Деньги выручили от ярмарок солидарности и трудовых десантов» — и подписи членов КИДа «Планета» средней школы № 52 города Ярославля.

...Недавно я побывала в Московском Дворце пионеров. И здесь увидела одну девочку, которая старательно выписывала на большом листе бумаги строку: «Мы — патриоты-интернационалисты». Я спросила эту девочку: а как она понимает эти слова? И услышала в ответ:

— Это значит не быть равнодушным к горю другого народа!

Еще девочка сказала, что в Первомайском районе Москвы, где она живет, ребятами из школьных клубов интернациональной дружбы заработано и перечислено в Фонды мира и Фестиваля уже около двух тысяч рублей. Так советские дети голосуют против империализма, который несет народам мира войны, насилие и нищету.

Цветы для участников фести-

валя решили вырастить пионеры Чувашии и Астраханской области. Юные москвичи одарят каждого участника Фестиваля специальной «сумкой Дружбы», а в сумках этих будут и ребячьи поделки, и наборы открыток, альбомы с видами нашей прекрасной столицы — все, что хочется подарить другу.

Не случайно Фестиваль состоится в год 40-летия Великой Победы нашего народа над германским фашизмом и японским милитаризмом. Ведь каждый фестиваль — не только праздник, но и действенный вид борьбы молодежи против империализма с его войнами, страданиями миллионов людей и бесправием.

...В один из дней III Берлинского фестиваля 1951 года в зале Народной палаты ГДР собрались на свой слет юные сборщики подписей под Обращением Всемирного Совета мира с требованием заключить Пакт мира между великими державами. Выступали на слете пионеры Бельгии, Франции, Италии, социалистических стран. Но всех потряс рассказ кубинца Марилино Браво. Он один собрал более 12 тысяч подписей, за что его арестовали солдаты диктатора Батисты и бросили в тюрьму. Но и за решеткой Марилино продолжал свое дело — и так успешно, что в итоге Обращение подписали и многие солдаты-тюремщики, и даже офицеры.

...На VI Всемирном фестивале 1957 года в Москве впервые в истории молодежного фестивального движения состоялась встреча руководителей пионерских и демократических детских и юношеских организаций из 23 стран. И уже в 1958 году было решено создать Международный Комитет детских и юношеских организаций — СИМЕА. Этот Комитет и возглавил детское фестивальное движение.

...София, IX Всемирный фестиваль, 1968 год. В те годы всех волновала героическая борьба народа Вьетнама с американскими агрессорами. И вот в фестивальном Детском лагере проходит яркая мани-

фестация дружбы с вьетнамскими мальчишками и девочками. Болгарские пионеры дарят своим сверстникам с берегов Меконга автобус и машину скорой помощи, купленные на специально собранные юными димитровцами средства. Наконец, проводится встреча пионеров и школьников мира под девизом «Дети всего мира — вместе с Вьетнамом!»

...1973 год, Берлин. Юбилейный, X Всемирный фестиваль молодежи и студентов. Идет торжественный парад открытия — и первые в нем участвуют дети и подростки: представители подрастающего поколения из 46 стран прошагали по дорожкам заполненного десятками тысяч людей стадиона. А центральным мероприятием в детской программе стала международная конференция «В защиту прав и лучшего будущего детей».

Закономерным итогом неуклонного роста авторитета детского и юношеского фестивального движения стал I Международный детский фестиваль «Пусть всегда будет солнце!», прошедший в нашей стране. Летом 1977 года над Артеком ярко запылал огонь солидарности и дружбы детей планеты — посланцы 150 международных, региональных и национальных детских и юношеских организаций из 103 зарубежных стран смотре-

ли на это пламя с надеждой на лучшее будущее.

И вот Гавана приняла через год фестивальную эстафету в свои крепкие и добрые руки. По традиции для детей и руководителей их организаций был предоставлен в полное распоряжение пионерский лагерь. В нем работал международный клуб друзей детей, проводились дискуссия «Искусство для детей», конференции по вопросам прав детей и сотрудничества детских организаций. С концертов фестиваля культуры все спешили на пионерское родео, спортивные соревнования, выставки, на посадку пионерского леса, а митинги солидарности заканчивались обменом адресами у пионерских костров. Этот праздник собрал и подружил детей из 48 стран.

Большая и интересная детская программа готовится и для предстоящего, уже недалекого Московского фестиваля, — хозяевами которого будут и юные ленинцы.

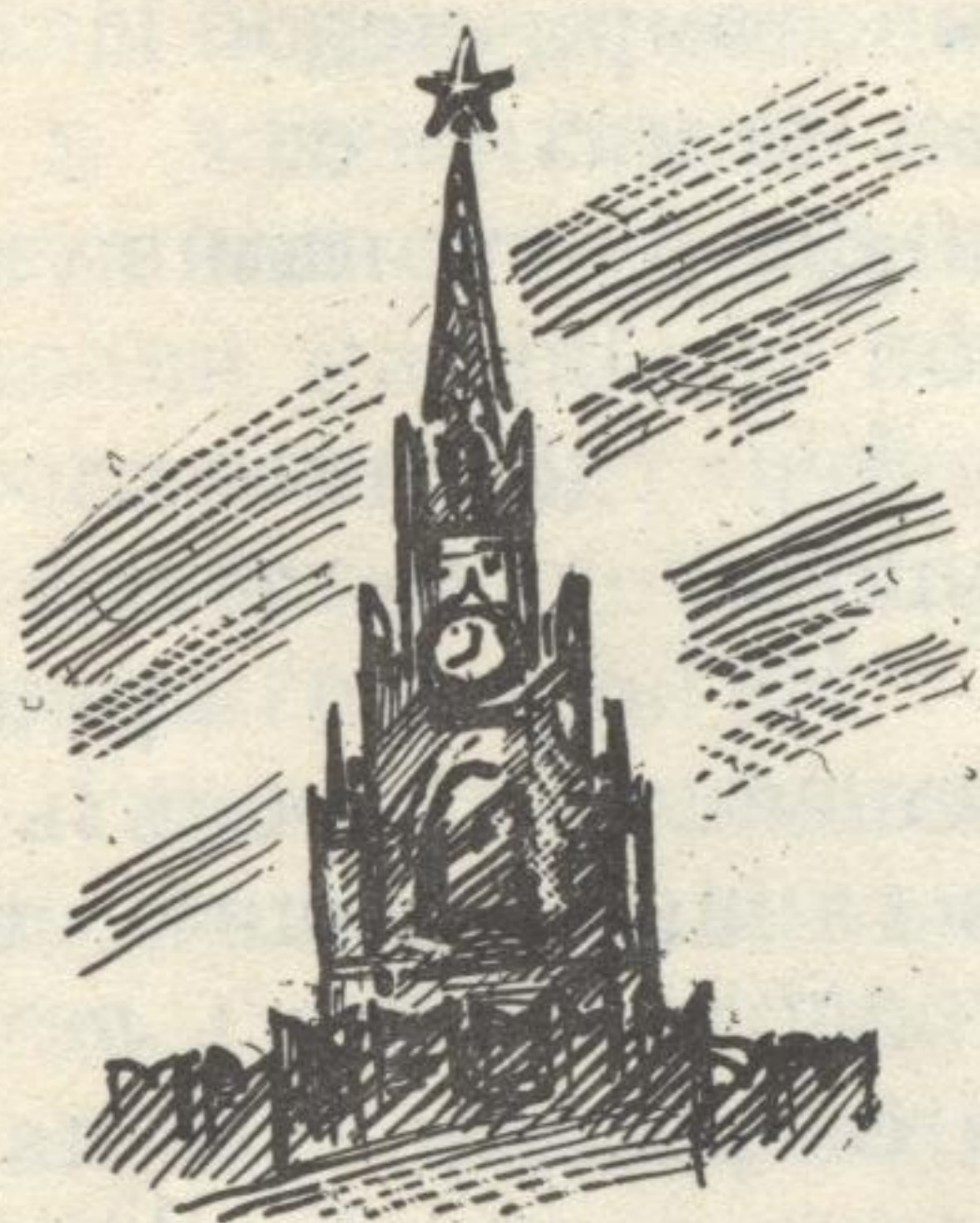
Интернациональные связи Центральной пионерской организации имени В. И. Ленина установлены сегодня с более чем 100 детскими демократическими организациями из 80 стран мира. По инициативе советских пионеров проводятся международные конкурсы детского рисунка и детской фотографии, международные детские фестивали и праздники,

встречи, конференции и семинары. Каждый год две тысячи ребят из Советского Союза выезжают с поездами дружбы к сверстникам в ГДР, Болгарию, Польшу, Чехословакию и другие страны, и столько же зарубежных пионеров и школьников приезжают к нам в гости.

Пионеры Страны Советов всегда словом и делом поддерживали фестивальное движение молодежи мира. Не все, возможно, знают, что участница Всемирной конференции молодежи 1945 года в Лондоне, где было дано начало фестивальной реке, Мамлакат Нахангова была в то время первой пионеркой, удостоенной ордена Ленина за высокие сборы хлопка. И это очень символично, ведь главный принцип всей политики нашего социалистического государства — крепить мир отличным трудом. Вот почему участвовать в фестивальном движении для советских детей означает прежде всего — честно и добросовестно трудиться всегда и везде, будь то учебный класс или лесная делянка, поле родного хозяйства или цех учебно-производственного комбината.

За мир советские люди борются мирными делами.

Л. ТИМОФЕЕВА,
член Советского
подготовительного
комитета
XII Всемирного фестиваля
молодежи и студентов

ЖДЕМ

ТЕБЯ,

ВСЕМИРНЫЙ!

В Москву на III заседание Международного подготовительного комитета XII Всемирного фестиваля молодежи и студентов собрались парни и девушки из 117 стран.

Эрвин Фаркаш из Венгрии — ветеран фестивального движения, участвовал во всемирных форумах, проходивших в Варшаве, Вене, Берлине, Софии и Гаване. В нынешнем году он получил полномочия казначея Международного Фестивального фонда солидарности.

— Пользуясь случаем, — сказал Фаркаш, — хочу особо поблагодарить миллионы советских юношей и девушек, всех школьников, которые своим активным трудом способствуют подготовке и проведению Фестиваля. Средства из этого фонда пойдут тем странам и тем молодежным организациям, у которых не хватает средств, чтобы принять участие в XII Всемирном.

Подготовительный комитет решил, что каждый из дней фестиваля должен быть посвящен определенной теме: мир, предотвращение ядерной войны, разоружение... Один из дней фестиваля решено сделать днем Советского Союза.

В составе многих делегаций в Москву приедут не только руководители детских и юношеских организаций, но и сами дети. Поэтому на фестивале будет создан детский центр, где пройдут выставки детского рисунка и поделок. Зарубежных ребят встретят их советские сверстники.

МЕТАЛЛУРГ ГУРЬЯНОВ

Стоял городок Кузнецк, мало чем известен, разве только тем, что когда-то сюда приезжал Достоевский. А потом, после Октябрьской революции, когда в городе стал строиться гигантский металлургический комбинат, прогремело на всю страну — Кузнецкстрой!¹ Искра пламени была заброшена за Урал, от этой искры разгорелся в сибирской глуши костер индустриализации.

...Василий Григорьевич Гурьянов приехал на стройку в 1931 году. Палатки, кибитки, лошади, костры... И посреди всего этого — карабкалась в небо одетая в леса кряжистая башня первой домны.

Домна — высотой с двенадцатипятиэтажный дом. Сверху — загрузочное устройство, через которое подается внутрь руда, кокс и известняк, а в самом низу — горн, где скапливаются жидкий чугун и шлак.

Горновой, волнуясь, расковырял спекшуюся глину выпускной летки. Шесть человек,

подняв тяжелый деревянный брус, ударили по штырю. Клокочущий чугун вырвался наружу — брызнул, ослепил. Все отшатнулись от ковша — правительственная делегация, рабочие, иностранные гости. Чугун тек в ковш, брызги разлетались злыми осами.

Вася Гурьянов подхватил скрапину — остывающую кляксу чугуна, сунул в карман брезентовой куртки: на память о первом чугуне! Вдруг горновой кричит:

— Василий, горишь!

Скрапина прожгла брезент. А куртка — совсем новенькая... жалко! Ну да ладно, зато теперь сразу видно — не какой-то франт в куртке щеголяет, а настоящий доменщик, металлург!

Дома Вася примостил скрапину на самодельной полке с книжками, куртку — зашил и пошел в ней в театр. Жили скромно, довольствовались необходимым.

Театр назывался — «Красный факел». В фойе зрители оставляли грязную обувь, проходили в зал — кто в портянках, кто босиком.

На сцене — приехавший из Ленинграда артист Качалов, известный, всеми любимый. Читал Пушкина, Блока, сидя в плетеном кресле, потом — встал, шагнул к краю сцены,

прочел Маяковского. Аплодировали бешено.

Вшестером, ворочая тяжелым штырем, рискуя попасть под струю чугуна, горновые пробивали в очередной раз выпускную летку. Гурьянов задумался: что если поставить здесь... сверло? Точнее — бур. Электробур!

А когда чугун выпущен, отверстие нужно заделать, тут снова вручную, с риском... А что если — пушкой? Выстрелить с расстояния порцией глины — залепить с размаху отверстие!

...Телефон на пульте домны — загудел резко. Голос в трубке — требовательный:

— Кто говорит?

— Электрик Гурьянов.

— Это Орджоникидзе. Знаешь, кто такой Орджоникидзе?

Не успел Гурьянов ответить, что, мол, да, конечно, как не знать Орджоникидзе — нарком тяжелой промышленности! — мастер уже отнял трубку:

— Слушаю, товарищ нарком!

Доменных печей в стране еще мало, нарком лично проверяет работу каждой домны, знает по имени-отчеству всех мастеров. Приехав из Москвы, заглядывал во все углы:

— Чисто тут у вас, молодцы!

— Товарищ Орджоникидзе, если б ты раньше приехал, утонул бы в грязи! — засмеялись рабочие. — Мы к встрече подготовились, навели порядок.

Нарком помрачнел. И потом гремел на митинге:

— Меньше всего нам нужна показуха!

Электробур действовал. С электропушкой пришлось повозиться. Не сразу пришло верное решение — стрелять не порциями глины, а одним мощным выстрелом забивать летку. Но с вагон-весами не ладилось! В новую затею Гурьянова почти никто не верил: Гурьянов взялся автоматизировать вагон-весы.

На бункерной эстакаде работает мощный механизм — вагоно-опрокидыватель. Он переворачивает вагоны, сыпая каждый вид сырья в определенный бункер. Из бункеров

¹ Ныне Кузнецкий металлургический комбинат им. В. И. Ленина.

сырье в нужных пропорциях перегружается в приемную воронку вагон-весов, оттуда в вагонетки-скипы, которые по наклонному подъемнику доставляют шихту наверх, к загрузочному устройству домны. Каждый вид чугуна требует определенной пропорции между компонентами. Автоматизировать процесс — это чуть ли не компьютер установить на весах! А компьютер... тогда еще и не слышали такого слова!

После смены Гурьянов идет на эстакаду. Состав с рудой громыкает неторопливо по эстакаде, машинист Кондратенко, чернявый хохол, высунувшись в окошко паровоза, кричит надрывно, перекрывая свист пара и скрежет колес:

— Уберите этого Эдисона, мешает работать!

А когда состав тормозит, машинист соскакивает на землю — такое впечатление, что горячая, в черный цвет окрашенная деталь, отваливается от корпуса паровоза и с азартом пилит себе горло ребром ладони:

— Срубите мне голову, если он сможет это сконструировать!

Но — все же усовершенствовал Гурьянов вагон-весы. Составил программу, провел испытания: все нормально! Одно только не нравится — то перевес, то недовес. Сырье плюхается тоннами, никак не отрегулировать, чтобы ровно сорок тонн получалось.

Однажды стоял Гурьянов в магазине в очереди. Обратил внимание на то, как продавщица отвешивала песок: высыпала большую порцию в кулек, а затем стала досыпать, встряхивая совок над кульком, добавляя маленькие порции до точного веса. Вот — и сырье из бункера нужно точно таким способом выгружать!

— Гражданин, двигайтесь! — его подтолкнули. Но он бросил очередь, побежал на комбинат, в конструкторский отдел. Эврика!

Смена закончилась, а слесари снова задержались: монтируют новую установку для мартевского цеха. Токарь Шеенков остался у станка... что он там вытачивает? А он люстру выта-

чивает — для красного уголка. Из бронзы люстра, со сложными завитушками... Такой работе позавидовал бы сам Петр Первый, отличный токарь, любитель всяких «затейливой выдумки» предметов.

— Гони всех домой, пусть отдыхают, — Гурьянов приказывает мастеру. Он теперь — начальник. Возглавляет экспериментальный цех, руководит этим коллективом эдисонов, чудаков и бессребреников, как он определяет себя и своих товарищей.

Шеенкова гонит домой, а сам почему-то тоже остался в цехе. Сидит над чертежом. Обратились с просьбой хирурга: девочка повредила позвоночник, нужно изготовить протез — очень прочный, гибкий, долговечный... уникальный!

Своей работы — по горло, но никому не отказывает Гурьянов. Конструирует, изобретает, усовершенствует... Иной сделает пустяковое изобретение и спешит заявить о себе погромче, а Гурьянов — не ищет славы.

— Придумал что-то новое? Так это ведь моя работа, для этого я и существую здесь. И самое главное для меня — сделать все, что в моих силах. Все, что возможно.

От Саши Матвеева, учащего-

ся ПТУ, все наставники отказались: ничего из него не выйдет! Ни доменщика, ни сталевара...

Гурьянов привел Сашу к токарю Шеенкову:

— Валера, покажи ему, как ты работаешь.

А через неделю заглядывает мальчишка в кабинет Гурьянова:

— А это... товарищ начальник, можно мне, это... деталь я тут выточил.

Гурьянов пригласил Сашу в кабинет:

— Ну, покажи.

— Вот.

Это была очень простая деталь — стальной валик с канавкой.

Гурьянов внимательно осмотрел валик:

— Молодец.

— А это, — мальчишка мялся, — можно я... отнесу деталь домой.

Он заторопился, объясняя, что хочет показать деталь маме.

— Можно, — разрешил Гурьянов. Он позвонил на проходную.

И стало Василию Григорьевичу Гурьянову радостно и грустно: вспомнилась юность, первая домна, первый чугун, первый рабочий день.

В. КАШТАНОВ

САЛЮТ, УВЛЕЧЕННЫЕ!

Сбоку у Толи увесистый молоток. Мама для него на ремне петлю приделала. Ручка молотка колотит по ноге, но это не мешает, это даже приятно.

Настоящий геологический молоток! Он не у каждого геолога есть. Его выдают в экспедиции. Сегодня у экспедиции Дворца пионеров имени Жданова особенный день.

Здесь, недалеко от северного берега Ладожского озера, находится долина валунов. Миллионы лет лежат валуны. С тех пор как притащил их с гор ледник. «Причесывая» все, что попало на пути, ледник обкатал обломки скал. Сам он давным-давно растаял, а валуны лежат, вращаясь в земле, покрываясь мхом.

Когда в клубе юных геологов Дворца пионеров Толе Ларионову сказали, что он будет участвовать в валунном поиске, Толя никак не мог понять, зачем искать валуны и какая от них польза. Настоящие геологи ищут нефть, руду, настоящих геологов интересуют благородные металлы, драгоценные и технические камни. Почему же им предлагают охотиться за булыжниками? Потому что считают малоподготовленными для серьезного дела, а обидеть тоже не хотят? Вот и придумали занятие: пусть попрактикуются в работе с молотком и компасом.

Толя вынимает из петли на ремне молоток. Не новый, к руке привычный, на твердых камнях проверенный. Приятно тяжелит руку геологический молоток. Глухо отзывается на удар замшелый валун. Ничего, ничего, сейчас сдерем с тебя эту одежду столетий, тогда посмотрим, какой ты есть и так ли тебе молоток не страшен.

У Толи и в мыслях нет разбить, расколоть упрямец. Когда валун большой, достаточно сделать скол, отбить краешек.

И вот он держит в руке горбушку камня и всматривается в зернистый излом. Не блеснет ли там?

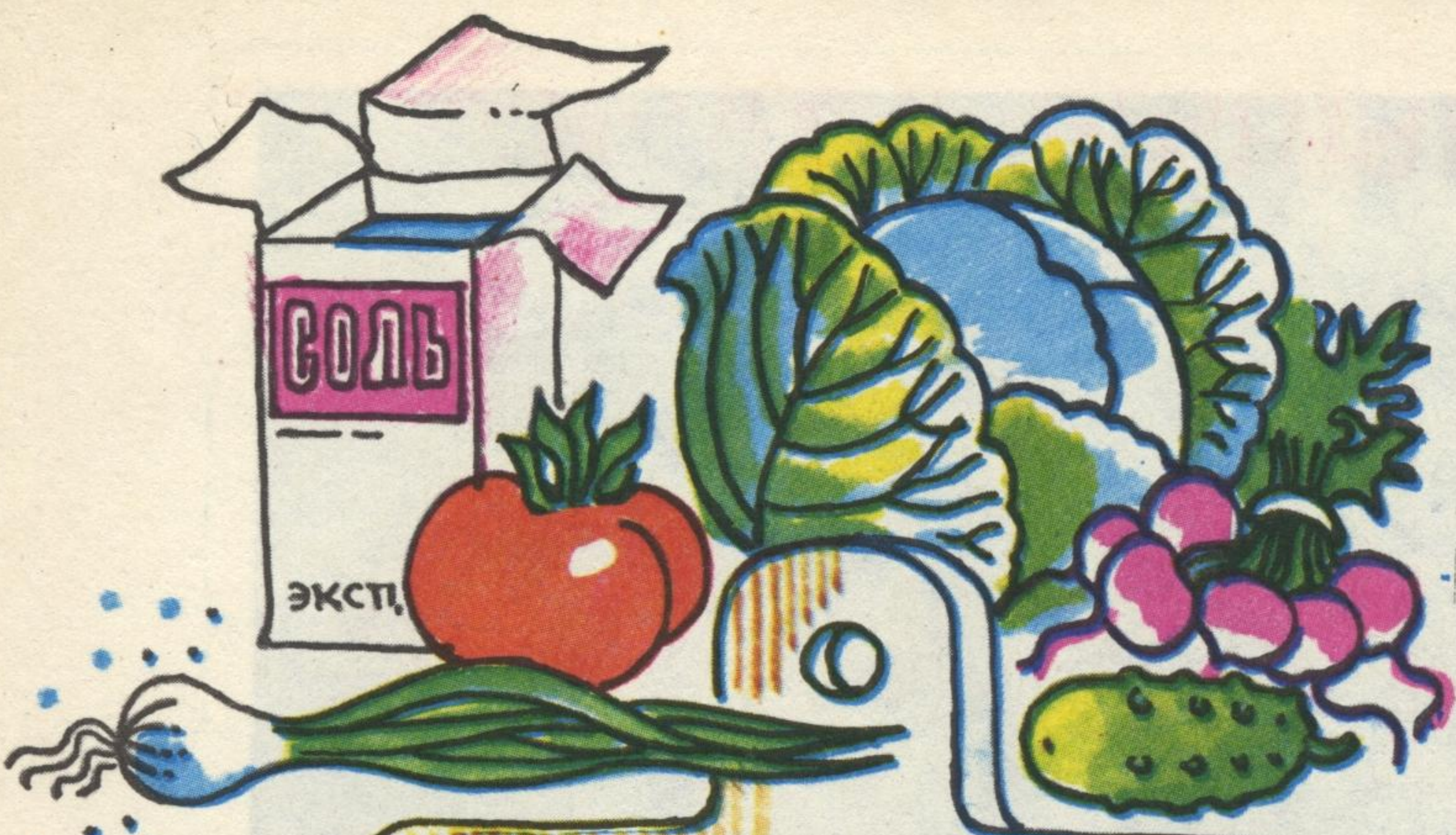
А что может блеснуть в граните или в кварце, или гнейсе?..

Когда Толя до поездки в Карелию удивлялся, зачем охотиться за булыжниками, Миша Семенов (он в клубе юных геологов четвертый год) сказал очень серьезно, без насмешки:

— Если не будешь смотреть на булыжники, ничего не увидишь. Без булыжников не понять геологию.

В прошлом году Миша привез с приполярного Урала красивые образцы горного хрусталя, а в Карелии он ответственный за валунную съемку. Почему-то Толя хотел попасть именно в его бригаду (их, пятнадцать человек, разбили на пятерки), но попал он в третью, к Алеше Шебанову.

Толя огляделся. Где ребята из бригады? Все четверо возились у камней на кромке поля. Туда собрали валуны, чтоб не мешали земледельцам, и там его товарищи устроили дотошную проверку всему скоплению «пришельцев», в далекую эпоху докатившихся сюда с могучим ледником.

РЫЦАРЬ

Л. ФАДЕЕВА

Ребят на «домоводство»
Девчонки пригласили!
И вот мы в «домоводство»
Несем, что есть силы!
Сидим, едим салаты,
Девчонки — все вниманье:
Им важно для оценки
Салатопоеданье.
Салат сто раз соленый
Я ем с довольным видом —
Ведь сделан он Аленой,
А я ее не выдам!

Рисунок Е. Воробьевой

БЛЕСНЕТ ЛИ ЗЕРНЫШКО УДАЧИ?

Три бригады вели поиск в квадрате, сторона которого равнялась километру. На своей полосе Толя оторвался от товарищей — на его пути почти не попадалось валунов. Но, кажется, и ему посветила удача. Перед начинающим геологоразведчиком лежал небольшой обкатанный камень. Толя ловко расколот его пополам. Поднял, поднес к глазам половинку, и в глазах у него зарябило. Неужели! Неужели это рудный валун? Излом отливал железом.

Толя бежал через поле, прижимая к рубашке камень. Как быстро он добежал! И как сильно стучало под рубашкой сердце.

— Посмотрите, здесь блестит железо!

Камень переходил из рук в руки. Потом бригадир Алеша взвесил его на своей ладони, посмотрел на камень, посмотрел на Толю и сказал:

— Не ожидал от тебя такой прыти. Быстро бегаешь!.. Железистый налет почти не отличить от зерен металла. Здесь все-таки налет. Видишь: я подношу компас, и стрелка не прыгает от радости.

«Как же я забыл про компас?» — ругал себя мысленно Толя. А бригадир приободрил его:

— Знаешь, налет может сопутствовать вкраплениям. Может быть то и другое. Это хорошо, что ты такой глазастый.

Это был первый день валунного поиска. Были и другие дни. Для азарта ребята даже устраивали соревнования. Чья бригада найдет больше рудных валунов? Повезло второй — бригаде Миши Семенова. У них было почти пятьдесят. А у Толиных товарищей — восемь.

Восемь — это даже очень хорошо. Ведь в конце концов взрослые руководители ребят, опытные геологи, признали только 25 валунов. А сколько было «обстукано»? Одни говорят: 995, другим кажется, что больше тысячи.

Геолог

Валерия Николаевна Байдина уточняет маршрут поиска

На 25 счастливых камней ребята составили паспорта, занесли их на схемы местности.

— Ну и что дальше? — спросите вы.

А дальше дело за геологами. За много километров от Ладоги, за лесными дебрями, в древнем горном массиве прячутся железо, никель и другие ценные металлы. Путь к ним указали «счастливые валуны». Валуны, если к ним хорошенько присмотреться, по-разному окатаны, по-разному вытянуты, и знающему человеку они рассказывают, сколько катились и какого направления держались. Все это записано теперь в их паспортах. Один такой паспорт заполнил и пионер Толя Ларионов.

А. ЗЕРНОВ

Фото В. Кривовичева

Тоня Редькина и Миша Семенов за отбором образцов шунгита

Водопад Кивач

Кто-то в редакции в шутку назвал ее — Сеноставка... Есть на Алтае такие милые зверьки — тихие и незлобивые. Зоя Пирогова и вправду чем-то их напоминала — робостью своей, незаметностью.

Приезжала она с Алтая, привозила новую рукопись и тихонько входила в редакцию «Костра», тихонько ждала: что скажут?

Писала она о природе, о людях Горного Алтая, которых знала и любила душой настоящего поэта.

В молодости человек городской — она работала библиотекарем в детской библиотеке — взяла вдруг да и, бросив город, уехала в глушь, в горы, в леса, где до деревенок-то в три-четыре домика добираться можно только верхом да и то не во всякое время года...

Работала она на Алтае и чабаном, и сборщиком трав, и пчеловодом. Была и охотником и с гордостью показывала свою шапку из росوماхи (росомаха разбойничала в поселке). А шапку, выделав шкуру, сшила Зоя сама...

Всему научилась она там: лошадь седлать, огонь разводить в дождь и в бурю, избушку починить, сена накопить... И рассказы тоже научилась писать там, живя на Алтае. И «Костер» их охотно печатал, потому что это были настоящие, хорошие, невыдуманные рассказы. А один рассказ она так и назвала — «Сеноставка».

Вышли и первые две книги. Третью книгу Зоя написать не успела. Осталась незаконченная рукопись. Отрывок из нее «Костер» печатает...

БЕЛАЯ ГОРА

З. ПИРОГОВА

Рисунки С. Острова

«Шибко умные все стали нонеч...» — кто же это гово... Ах да, дед Прокопий из того «древнего мира», откуда я только что вернулась. Дед — совхозный конюх, а я пришла на кондвор за конем, чтоб в горы ехать.

Конюшня и загон были старые-престарые. За загонем из куч коричневого перегноя пробивались полузасыпанные, розовато-белесые, в чешуйках шляпки шампиньонов. Такой деликатес и прямо на улице!

Квадратный приземистый дед сидел на пороге избы-склада и чинил узду. Из-под черной шляпы — белым веером борода.

— Здравствуйте!

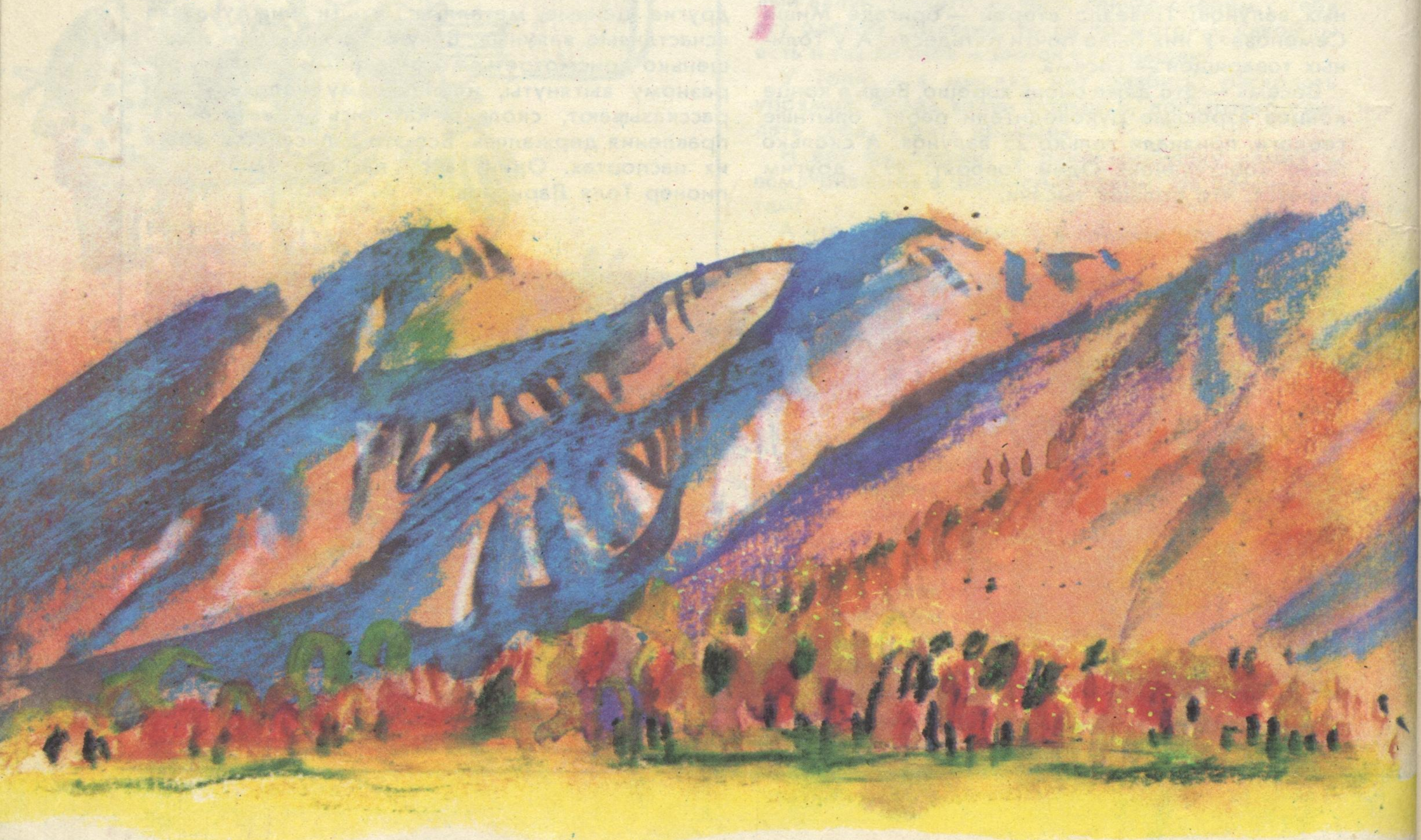
Шляпа откинулась назад, под ней оказался квадратный нос и две щелки. Одна — приоткрылась, показав серо-зеленый глазок. Любопытный взгляд выскользнул из него и пробежал по мне.

— Здорово живешь.

Дед прочел записку от директора совхоза и раскрыл оба глаза. В них был цепкий крестьянский ум, хитрина и строгость.

— Писательница, штоль? — Услышав, что пишу, сердито покраснел, глаза вновь спрятались в щелки. — Ну и пиши себе. Вона красоты сколь — ходи, любуйся, пиши себе. Где я вам всем коней наберусь? Нет у меня коней.

Я села рядом с дедом, а он все чинил узду.

Сидим и молчим. Лицо и руки у деда крепкие, загорелые. И весь он крепостью и основательностью не иначе как от кедрового корня. Молча я продолжала просить у деда коня. И он услышал. Встал и ушел в избу-склад. Там долго перекладывал что-то, ворчал, потом позвал меня.

— Седло нашел тебе, а подпруги чинить надо. Ехать-то далече.— Потом опять стал рыться в каких-то ремешках.— Поразберут кому чего надо и не приносят ко времени. Хозяивов много развелось приказывать-указывать, а отвечать некому. Шибко умные все стали нонеч.

Я шла к речке. Жара набирала силу. Бледно-голубые горы таяли в прозрачной дымке и никак не могли растаять. Серо-золотой шлейф пыли перечертил зеленое ячменное поле — прошел грузовик. И снова тишина и солнце. Ноги мягко ступают по пыльной горячей земле.

Речка обмелела, обнажив полосы гальки у берегов. От сильного солнца светлая галька казалась белой и слепила глаза. Солнечные лучики бегали по поверхности речки и старались поджечь воду. Она вспыхивала, трепетала, загоралась слепящим светом и текла дальше.

Старый мосток заскрипел под ногами. Под ним лежала лиловая тень и таилась прохлада. И в этой прохладной тени виднелось чистое дно в круглых светлых камешках, а в прозрачной воде замер целый косяк маленьких рыб. Они лежали в воде почти неподвижно, изредка шевеля хвостами. Может, дремали, прячась от солнца.

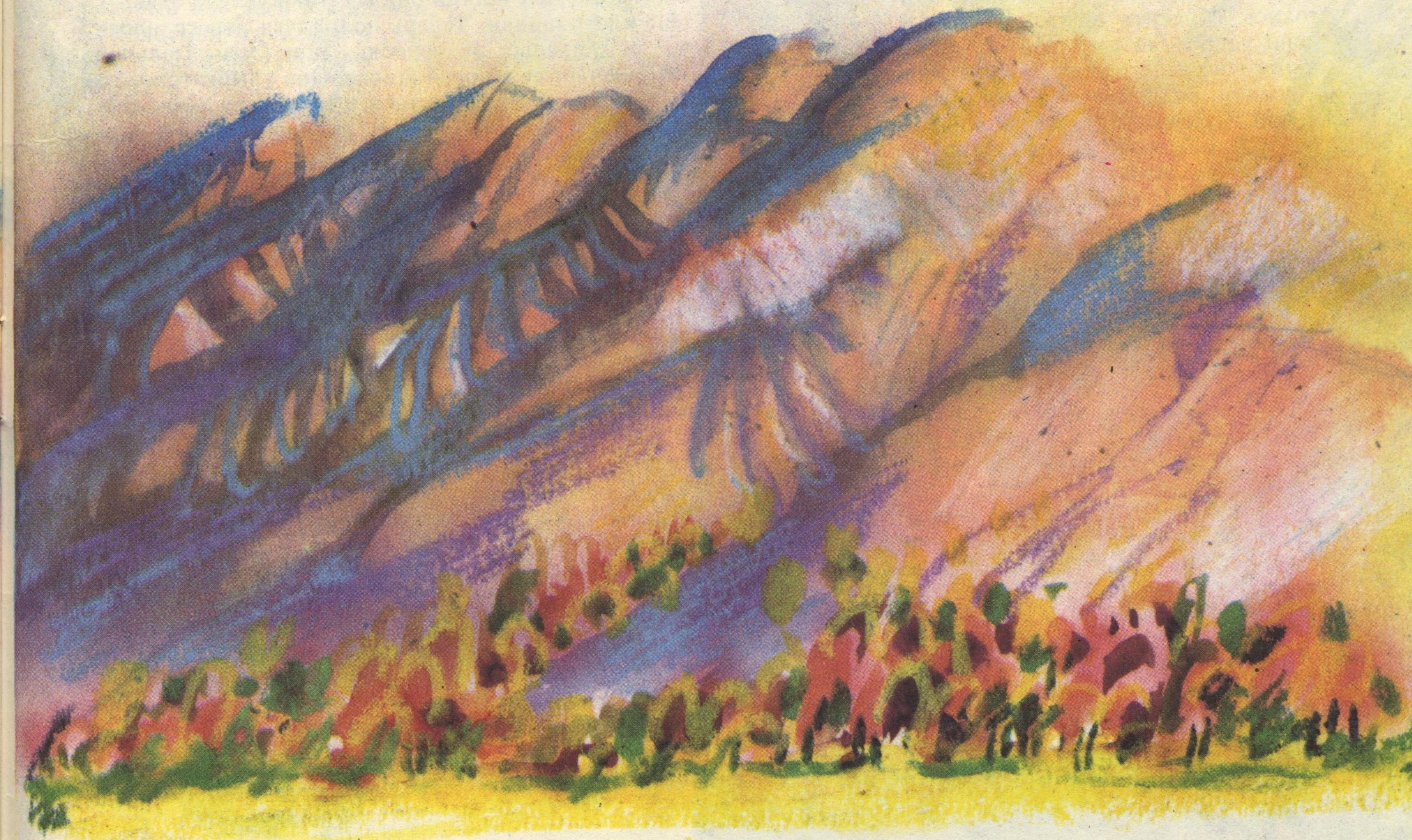
Но вот один луч нашел щель в мостке, пролез в нее и упал в затененную воду, до самого дна. Дно тотчас вспыхнуло, по камням заскользили блики, а сонный косяк, разрезанный лучом пополам, распался, заметался. На миг тускло блеснул золотыми крапинами рыбий бок и вильнул зеленоватый хвост.

Но вскоре опять все успокоилось — полусонные рыбы нашли приют под другим концом мостка и замерли там. А лучу надоело буравить дно и он куда-то исчез.

В речку вошла бурая лошадь. Долго пила. Потом задумалась, оглядываясь. С губ падали тяжелые капли. Она явно хотела выкупаться, но вода была ей по колено. Тогда лошадь стала бить передним копытом по воде. Подняла целый фонтан солнечных брызг и стала вся мокрая и темная снизу. Затем легла на один бок, подняв голову. Полежала и перекатилась на другой. Приняв душ и ванну, вышла на берег, отряхнулась и побрела через длинный луг к лесу.

Когда дед Прокопий вывел коня, я замерла от восторга. Передо мной стояла мечта. Давняя-давняя, с детства. Именно этого серого в яблоках красавца с такой белой и длинной гривой я без конца рисовала и обвешивала рисунками стены. Мама сердилась: «Опять эти лошади!» «Странная девочка», — говорили соседи. А я упорно рисовала портрет Серого.

И все последующие годы я смутно таила ту детскую мечту, уже почти как любимую сказку:

вот однажды я сяду на прекрасного серого в яблоках коня, и он помчит меня, помчит... И белая грива будет биться на синих ветрах.

Видишь, Серый, оказывается, сказки могут сбыться, если оставаться им верной.

Только хотела расцеловать деда и коня, как дед говорит: «Он того — с придурью малость. Пужливый. Так ты не спи в седле-то и поводья не распускай».

Я глянула на Серого — он спокойно стоял и доверительно косил умным глазом. Сунула ладонь под гриву и погладила теплую шею: «Все будет хорошо. Правда, Серый?» Он наклонил голову. Так мы заключили с ним союз, ведь путь предстоял долгий и трудный. Я доверяла Серому себя, а он, вероятно, ждал доброго отношения.

Никогда не забуду тебя, Серый, как и эту поездку. Все сбылось из моей мечты-сказки — белые горы, синие ветры, зеленые озера и конь в яблоках. Да еще — хорошие люди.

Нас была целая орда — пять человек, пять лошадей, три собаки и шесть сотен овец. Почти пять дней поднимались мы в горы на дальнее стойбище.

И все было как в давние времена — навьюченные кони, баранья шкура поверх седла, закопченные на кострах посуды, бронзовые лица молчаливых алтайцев-чабанов, суровые лохматые псы.

Я — не в счет. У меня все — современность: штормовка с эмблемами, фотоаппарат и прочее. И вообще я вносила разноряд в нашу орду. Пастухи старались не ругаться, а это им нелегко давалось. Зато в мое отсутствие они отводили душу — «разряжались». Молодая чабанка Дина на всех стоянках лихорадочно вязала яркую шапку, готовясь сбросить платок. Диковатые чабанские кони удивленно шарахались, когда я приставала к ним с нежностями. Только Динин красно-рыжий Тюльпан, ее баловень, кокетливо толкал меня головой. Суровые псы осторожничали — не подвох ли мой медовый голосок. Вдруг да как огрею. Люди всегда найдут — за что.

На стоянках пылали костры. Овцы с жадностью накидывались на траву. Мы развьючивали и расседывали лошадей. Волочились по траве подпруги, веревки. Грохали на землю вьюки. Звенели ведра, чайник. Стлался дым, обещая ненастье (только его и не хватало). Стучал топор. Усталые псы лежали под кедром, терпеливо ожидая еды. Мы с Диной хлопотали над ужином.

Отец ее, маленький, совсем уже старенький, в большой войлочной шляпе, устало прилег у костра. Он походил на гриб, подломившийся от старости и упавший в траву. Потом, сидя на корточках, долго раскуривал трубку, кашлял, держась за грудь, и что-то бормотал. Часто повторялось одно слово — «откочевался». Он смотрел в огонь — молчаливый; отрешенный от нас и наших житейских хлопот. Мне было жаль его и боязно за эту отрешенность. Казалось, что он сейчас уйдет от нас, смешается с кедрами, с дымом, растворится в сумерках, исчезнет навсегда. Вот тревожно крикнула птица от реки. Не его ли зовет она? Он

поднял голову, слушает. «Не уходите». Наверное, я сказала это вслух. Он очнулся от дум и заметил меня. «Темноты боишься? Счас ребята придут».

Они пришли снизу, от лошадей и овец. Смуглые, черные, сильные. Братья, а такие разные. Замкнутый, с окаменело насупленным лицом Борис и Алексей — живой, готовый тотчас вспыхнуть весельем или гневом. В черных глазах — неперебродившее озорство. Сделав свирепое лицо, кричит: «Ужин готов, хозяйки?!» Собаки встают и отходят от греха подальше. Дивный аромат бараньего супа давно выманил их из-под кедра ближе к костру.

Уже давно светили звезды. Медленно умирал костер. Бледный хвост дыма уползал вниз, к реке. Река ровно шумела и еще больше подчеркивала тишину. Все спали вокруг костра. Я же силилась отогнать сон. Много ли таких ночей выпадает? Один на один с этим огромным миром, таким загадочным и близким... Ночная тишина еще больше сближает с ним. Земля подо мной кажется гигантским живым телом. Оно спокойно дышит. Хочется тесней прижаться к нему и дышать вместе.

Шевелится верхушка березы. Кто-то шелестит или шепчет в траве. От трав и от кедров сильно пахнет. Сума сойти — как пахнет! Звезды такие яркие... Что там, на той вон звезде?..

Я с усилием удерживаю сон. Я еще хочу слушать дыхание земли, ночи. Почему так... Все. Не удержала. Сон одолел меня, погасив разом все мысли.

Утро кропило дождем. Все спешили — укладывали, увязывали начавшие сыреть пожитки. Я торопливо домывала в речке посуду, Дина выскребала из ведерка подгоревшую кашу и кидала собакам. Те бросались к каше, толкаясь и рыча, но Динин окрик не позволял им затеять потасовку. Вчера у костра она все-таки успела связать еще часть шапки. Теперь полрадуги переселилось на ее вязанье. Я говорю Дине, что Тюльпан не признает ее в новой шапке. Она улыбается.

— Динка, Тюльпан тебя подери, иди вьюк держи! — это кричит Леша. Нахмутив брови, он вьючит лошадей.

Сегодня все какие-то сосредоточенные, никто не шутит (кроме меня). Оказывается, сегодня самый долгий и тяжелый перегон. И так уже порядком устали — третий день поднимаемся. Еще ненастье...

Было холодно. Дождь все шел и шел. Серые громады тонули в туманах и облаках. Усталые овцы блеяли, блеяли, блеяли... Бесконечное бе-ме минор. Мокрые грязно-белые спины колыхались и колыхались перед глазами.

Вдруг пастухи ожили, защелкал бич. Отара, теснясь, напирая и еще отчаянней крича, стала узким потоком вливаться в ущелье. Крутые склоны зажали гремящую пенистую речку, заросшую мрачными елями и кустами, — Чертов Окол. Оглядываясь и беспрестанно блея, овцы с трудом протискивались меж кустов, корявых деревьев и острых камней. Скользили, падали, вскакивали. Хлестали бичи, незнакомо кричали пастухи. Резко, словно лесная птица, вскрикивала Дина: «Уй, уй, уй!» и громко хлопала в ладони.

И все вверх, вверх. И все дождь, дождь...

Плакало небо, плакали овцы, голосили люди, рыдала река — звучала симфония печали и тоски. Слушая ее, привычно грустила земля, грустили седые горы... Это была музыка самой жизни. А в жизни всегда радость сменяется печалью, печаль — радостью, как дни и ночи. Кто помнит об этом — не отчаивается.

С полпути начали падать ягнята. Их было с десяток — самых поздних, слабеньких. Как только они шли? Маленькие, худенькие, на тонких длинных ножках.

Мы брали их к себе в седла, даже по двое. Дина умудрилась двоих запихать под ватник, а впереди себя положить еще хромую овцу. Овца дергалась, Тюльпан недовольно крутился. Дина, с красным от напряжения и холода лицом, пыталась урезонить всех сразу. Платок съехал, темные волосы растрепались, но ей было не до них.

Ну и езда с этими младенцами! Только согреются у бока, оживут и в крик — ме-мама-ме! Шальная мать выскакивает из отары и кидается под ноги коня. Конь шарахается, неловко топчется, крутит головой. Я машу ногой в стремя, отгоняя овцу. Тут другой ягненок уже успел протиснуться задом и поехал с седла. Оп! Едва успела схватить его за ногу. Теперь мокрый повод выскользнул из рук. Ягнята мекают под мышками. Овца крутится, задирает голову, ища полубезумными глазами. Она готова на все. Удар Борисова кнута, еще и еще — овца шарахается, текущая отара подхватывает ее, смыкается, и отчаянно хриплое «бе-е-е» тонет в общем хоре.

Я жую сухари и по очереди в ладошке даю малышам. Они устали буяннить и жадно хватают пищу. Тощий, головастый, он чуть не сгрыз мне ладонь. Я шлепаю его по горбоносой мордочке. Он бессмысленно и трогательно тарашит глаза, розовый нос весь в крошках.

Качаемся, качаемся в седле... Хочется есть, хочется на горячую печку. Начинается круто-о-й перевал.

Симфония печали отзвучала. Ночь невидимо готовила перемены. А мы спали, как убитые, под крышей кедров на сухих постелях из старой хвои.

Меня разбудили солнце и громкая песня. Солнце высунулось из-за горы, стрельнуло в лицо лучами и зажгло в душе непонятную радость. Похоже, не только у меня. Вон собаки затеяли озорную возню. А от речки с ведром воды шел Леша и пел о том, что он любит жизнь, хотя это и не ново.

Динин отец караулил у костра варево. Вариво весело булькало и старалось убежать. Он шлепал его черпаком и приговаривал: «Куда бежишь? Все одно догоним».

Дина сидела на толстом кедровом корне и, конечно, вязала. Меж зеленых резиновых сапог зажата торбочка. Из нее тянется оранжевая нитка, мелькают спицы. Скуластое длинное личико сосредоточено и задумчиво. О чем или о ком она думает? Я мало что знаю о ней самой и совсем ничего о том, чем жива ее душа. Она так же загадочна для меня, как любая звезда неба. Но мимо стоянки молодых табунщиков она проедет сегодня в новой яркой шапочке. Это я знаю точно.

Перед последним перевалом случилось непредвиденное.

Уже прошли зону горелой тайги. Она была полна мертвых чудовищ, но оживающая земля понемногу начинала зеленеть. За гарью грохотало и ревело. На лицах пастухов появилась озабоченность и тревога. Мужчины съехались и о чем-то тихо переговаривались.

А вот и река. После ненастья она превратилась в бешеного зверя. Злая, стремительная сила гнала мутную, косматую от пены воду, гремела камнями, крутила беспомощные коряги, пни, сучья. Все это на миг сталкивалось в кучу, но, не успев сбиться, разлеталось под ударом новой струи и, приплясывая, уносилось дальше.

Выше брода я увидела мосток с перильцами. Сорванным концом его на том берегу забавлялась река. Она перекатывалась через него и лихорадочно трясла весь мосток.

Мужчины разом закурили. Борис предложил вернуться за гарь и переждать: день-два и вода спадет. Леша взорвался и стал кричать на Бориса, что так они и за неделю не доберутся до места, и пол-отары падет. Борис лениво огрызался: «Ну и перетаскивай на себе, если в воде устоишь». Тут Динин отец решительно сдвинул свою шляпу на затылок и спокойно сказал: «Так, ребята, счас мост поймает, покуль совсем не снесло, заделаем и — порядок». Сказал так просто, по-домашнему, что «ребята» обалдело глянули на него, потом на трясущийся мосток. Борис присвистнул, Леша растерянно пробормотал: «Ну, дед, даешь...» А дед уже ловко спрыгнул с седла и, натянув выше бродни, стал отвязывать топор и толстую веревку. Леша внимательно взгляделся в мосток и вдруг, озорно подмигнув нам с Диной, застывшим в напряжении, спросил сам себя: «А что, в самом деле — мужики мы или кто?» Старик тут же деловито подытожил: «Три мужика, да два топора. А вы за овцами глядите», — кивнул нам с Диной.

Вот тебе и гриб, упавший в траву...

Я старалась, подобно Дине, не выдавать волнения, глядя, как трое всадников шаг за шагом одолевали свирепую реку.

Они вернулись измученные, все мокрые — сверху — от пота, снизу — от воды. Молча устало покурили и начали другое нелегкое дело — перегон отары через мосток.

Овцы долго не решались ступить на зыбкое, узкое, качающееся среди грохота и брызг. Даже бичи пугали их меньше. Наконец, первые как-то взошли. За ними узкой струйкой потянулась вся отара.

Поднимаясь по чистому отлогому склону на последний перевал, Леша подъехал к Динину отцу и, как-то не свойственно для себя, мягко и тепло улыбнулся:

— А говоришь — «откочевался». Маленький, да удаленький... Со стороны глянуть — на коне сидишь серьезный такой, да при шляпе — ну как император... этот... Наполеон Первый.

— А их два, штоль, было? — улыбнулся старик усталыми глазами.

— Да целых три.

— Вот язви их! И все-то вы, молодые, знаете.

...— Это мое озеро, — сказал Санька, смеясь живыми черными глазами, и добавил: — собственное.

Санькину собственность я случайно углядела с гольца. Оттуда далеко были видны бесконечные цепи гор. И вдруг совсем близко я заметила краешек маленького озера — словно краешек темно-синего глаза выглядывал из глубокого провала в скалах. Казалось, скалы отгородили его, упрятали в себя. От кого бы?.. Этого и Санька не знал. Просто он нашел его и теперь иногда приезжал к нему. А недалеко отсюда они с отцом пасли отару. Стоянка их тоже оказалась спрятанной — в густом кедраче. Можно трижды объехать гору и ничего не увидеть.

Санька утверждал, что на озере никто кроме него не бывает. Но тайно владеть озером, наверное, было скучно, и он вдруг предложил: «Хотите, покажу?»

Мы чуть не завязли с лошадьми в болоте, вспугнув утиное семейство. Тяжелые утки-родители летали над нами кругами и тревожно кричали. Одолели завал камней, перебрали речку. Стена каких-то диковинных цветов встала на пути, и кони

взрезали ее. Алые, белые, лиловые, желтые цветы и соцветья струились вдоль конских боков. Тут я услышала шум падающей воды. «Ну вот оно!» — сказал Санька и прыгнул прямо в синие цветы.

Я сразу же забыла о нем. Обо всем на свете можно было забыть... Осторожно ступаю по живой нежной сини. И ступить больше некуда — одни цветы. А за ними, в круглом каменном блюде, гладко растеклось что-то яркое, сине-зеленое. Да это же и есть озеро!

Со скалы падала белая струя, вдребезги разбивалась о камни и, прикрываясь бледной дрожащей радугой, сбегала к озеру. А выше — темные скалы подпирали солнечное небо, со скал слепил в глаза снег. Кажется, я присела и приросла к камню. А может, ходила. Не помню. Что-то произошло — меня не стало, и я была всюду. Падала с водопадом сквозь радугу, скользила по прозрачной ледяной воде озера, перебирала синие цветы с крупными тонкими лепестками, трогала плотный зернистый снег на скалах. Я сама была всем — озером, снегом, цветком... Исчезло и чувство времени — столетия ли пролетели, а может, вечность прошла...

Откуда-то появился Санька и, улыбаясь, сказал: «Я думал, вы уснули на камне. Ну как озеро?» Я не нашла слов, и Санька прочел ответ на моем лице. В горах мало говорят, но много умеют видеть. На обратном пути я спросила у Саньки: «А как называется твое озеро?» Он удивился — это ему в голову не приходило.

Когда мы подъезжали к их стоянке, озеро уже называлось Кок-Аях — Синяя Чаша по-алтайски. Довольный Санька смеялся и повторял: «Кок-Аях, Кок-Аях...»

За перевалом, на склоне горы меж редкого кедрача сиротливо дожидалось летнее стойбище — юрта, избушка, загоны. Конец пути...

...Осень пришла. Пора возвращаться. А красота-то какая кругом! А уезжать-то как не хочется!

Расползается осенний пожар по лесам, долинам, склонам гор. Все меняется на глазах. И река уже не та, и берега — не те. И небо по-иному синее. А горы и совсем не узнать.

Мы с Серым последний раз едем к горам — прощаться.

Сразу за поселком нас встречает осень. На скошенном поле — копны золотой овсяной соломы. В синем-синем небе лениво кружит коршун. Желтые леса налиты солнцем и особой грустной тишиной. Они все светятся, и Серый пронесет меня сквозь этот светлый праздник, сквозь солнечный свет и костры рябин. Березы сбрасывают на нас золотые мониста. Они запутались у Серого в гриве. Я украсила узду гроздью рябины и лиловыми цветами, и Серый стал нарядным, как сама осень.

Когда над деревьями показались верхушки трех скал, я предложила Серому: «Махнем?» И мы махнули. Часа через полтора мы были наверху у скал. Здесь был уже другой мир.

Голубые волнистые линии гор расходились к горизонту, бледнея, расплываясь и совсем тая вдали. Далеко внизу, сквозь смутную белесую пелену мягко желтели леса и долины.

Бесконечно долго можно, сидеть на древних камнях, смотреть на мир внизу и вокруг и слушать тишину. И снова, как тогда на озере, исчезло время. Я была — ниоткуда. Существовал только этот мир и вечность. На востоке, в солнечном дыму белела снегами двугорбая Белуха — Сюмер-Улом — священная гора, так мне называли ее алтайцы. Это о ней складывали сказания и сказки. А древние легенды о таинственной стране Счастья тоже ведь связаны с этой горой. Люди Востока искали страну Шамбалу, люди Руси искали свое Беловодье. Упорно верили, что она есть — страна Счастья, что она где-то здесь, в царстве снежно-солнечных гор. Но где?.. Уж не Санькино ли тайное озеро-глаз охраняет вход в нее? Белая гора молчала...

А может, эта страна в нас самих? Может, просто надо подняться сюда — увидеть вершины земли, красоту земли, услышать голос вечности, и тогда почувствуешь себя счастливым. И счастье это останется с тобой, даже когда сойдешь вниз.

Горный Алтай, поселок Верхний Уймон

ЖДАЛА БЛАГОДАРНОСТИ

РАССКАЗ

Марите ШАЛЬТИТЕ

Рисунки М. Милеевой

Однажды пятый «б» на пионерский сбор пригласил председателя колхоза. Пришел он в темно-коричневом выходном костюме, а на левой стороне груди блестела золотая звезда за подвиги на войне. Поэтому ребятам, привыкшим видеть председателя в блеклом, выцветшем и вылизанном дождями пиджаке, показалось, что в класс вошел совсем другой, незнакомый им человек. Аудроне должна была вручить ему цветы и сказать что-нибудь торжественное. Но девочка растерялась. Несмело протянула букет и себе под нос пробормотала:

— Спасибо, что пришли...

А председатель от этих слов расцвел такой улыбкой, что сразу стал опять своим. Ребята шумно расселись по партам и приготовились слушать рассказы о войне.

Председатель говорил недолго, каких-нибудь пятнадцать минут. Или времени у него не было, или ему было больно вспоминать при всех, как тогда гибли лучшие его товарищи. Кто знает?

Председатель слыл странным человеком: что бы ни делал, куда бы ни шел, в его глазах всегда было написано такое напряжение, будто он постоянно решал задачу мирового значения. Самые разговорчивые колхозники, оставшись с ним наедине, не знали что и сказать. Стеснялись? Наоборот! Любили его и уважали!

Аудроне, еще когда была совсем маленькой, увидев, что к ним заходит председатель, пряталась на печке. Ей казалось, что он волшебник. Только волшебники могут иметь такие невиданно серьезные лица! Теперь Аудроне уже большая. Пока она росла, председатель старел. Серые волосы и глубокие морщины под глазами и около рта еще более обнажили это напряжение. О чем он постоянно думает?

И сейчас, слушая председателя, Аудроне подумала, что он мог бы работать в цирке гипнотизером или укротителем тигров.

Когда председатель умолк, девочка снова услышала за окном весенний шум. Она успела порадоваться, что скоро побежит домой и за местечком в большом болоте нарвет калужницы.

А председатель вдруг спросил:

— Ребята, кто из вас живет в деревне Клевай?

Аудроне покраснела: председатель сам живет в Клевай. Она позвала впереди сидящую Рамуне. Девочки переглянулись.

— Смелее, смелее! — председатель смотрел прямо на подружек.

Будто провинившиеся, девочки встали.

— Ребята, — обратился к пионерам председатель. — На тамошнем кладбище похоронены четыре неизвестных советских солдата. Старики, которые их хоронили, ухаживают за их могилами. Помогите им привести в порядок эти могилы. А может быть, вы даже выясните, кто они такие? Это очень важно. Эти солдаты освобождали наше местечко и здесь погибли. Будет нужна помощь, обращайтесь прямо ко мне.

Председатель обвел класс своим пронизывающим взглядом, кивнул Аудроне и Рамуне:

— Спасибо вам, девочки! Садитесь.

Тут же он попрощался и ушел.

Аудроне очень удивилась: как она сама об этом не догадалась? Но отряд уже боролся за имя известного героя. Ездили на его родину, копировали музейные документы, вырезали статьи, заметки из журналов и газет, где упоминался отважный герой. Писали письма его боевым друзьям, чтобы те прислали свои воспоминания. Искали далеко, а совсем рядом похоронены четыре безымянных героя! Аудроне почувствовала себя виноватой.

— Рамуне, — сказала Аудроне, когда девочки незаметно прошли большое болото с калужницей. — Сегодня же пойдем на кладбище и все сделаем.

— Ты что? — удивилась Рамуне. — Председатель просил весь отряд. Почему только нам заботиться? Знаешь сколько там работы?

— Знаю! — Аудроне вдруг захотелось поколотить подругу. — Знаю! Там работы для всего отряда и еще трактору впридачу!

— В том углу один шиповник! Смотри, Аудра, смотри, лягушки!

— Рамуне, — Аудроне так больно схватила подругу за руку, что та вскрикнула. — Рамуне! Придем домой и сразу — на кладбище!

Тон у Аудроне был такой серьезный, что Рамуне только замахала рукой, на которой остались белые следы от пальцев.

Аудроне и сама толком не понимала, зачем именно сегодня надо привести в порядок солдатские могилы. Не горит же! Завтра контрольная по алгебре. Может, она боится председателя? Рамуне хорошо: ей абсолютно все равно. Не ломает себе голову и не нервничает.

Дома Аудроне велела братишке собрать мотыги, лопату и грабли, а сама пошла к второкласснице Гиедруте. Девочка держала в руках только что вылупившегося цыпленка, согревала его теплым дыханием и была очень счастливой. Аудроне попросила помочь. Гиедруте очень не хотелось: ведь цыплята! Цыплята вылупиваются, но возражать не стала. Аудроне у них в классе была вожатой октябрятской звездочки.

Аудроне у своего дома выкопала несколько кустиков анютиных глазок, руту, лилий, отсекала половину куста пионов. Рамуне взяла семена гвоздики и корни георгинов. На кладбище пошли четвером.

Вскоре Аудроне стала сожалеть: зачем так горячилась? Шиповник не поддавался, до крови коллол руки. Гиедруте о стекло порезала ладонь. Братишка, немного покопавшись, стал зевать и хныкать. Рамуне тоже больше глядела, чем работала. Аудроне совсем обозлилась: зачем ей одной работать? Но сама виновата! Никто ее не заставлял.

А этому председателю всегда все важно. Ходит со страшно серьезным лицом и другим не дает покоя. Сам до сих пор не мог привести в порядок могилы солдат! Аудроне злилась еще и потому, что, так легко поддавшись влиянию председателя, сейчас не может бросить работу. Хоть лопнет, но выдержит!

После доброго часа работы можно было сажать цветы. Рамуне оживилась. Она сортировала цветы, сажала, выкапывала и снова сажала. Братишка Аудроне бегал к пруду за водой. Гиедруте, обмотав ладонь носовым платком, ходила вокруг и советовала:

— Сажайте георгины рядом с памятником. Так красивее.

К концу работы Аудроне перестала злиться. Работа будет сделана. Ничего страшного с ней не случилось. Председатель тут тоже ни при чем. Его серьезное лицо и пронизывающий взгляд начали Аудроне даже нравиться.

Цветов оказалось слишком много. Осталось несколько кустиков руты и анютиных глазок. Аудроне оглянулась: куда их посадить? Вдруг она вспомнила, что сын Людвика был народным защитником. Он тоже погиб. Надо посадить цветы и на его могиле! Аудроне быстро посадила цветы

на могилу сына Людвика. Любуясь своей работой, она услышала скрип кладбищенских ворот. Повернувшись, увидела саму Людвику. Аудроне быстро пошла к ребятам и стала наблюдать.

Людвика осторожно поставила ведро с желтым песком, развернула газету, в которой были какие-то цветы с корнями, оглянулась. Увидев ребят, улыбнулась. Так показалось Аудроне. И девочку будто ветром толкнуло вперед. Как Людвика сейчас обрадуется и ее поблагодарит! Потом расскажет соседям и вся деревня узнает, какая Аудроне добрая! Девочка подошла еще ближе. А Людвика высыпала на тропку песок и пошла на пруд за водой. Неужели она не видит, слегка рассердилась Аудроне, что она уже все сделала? Глупая эта Людвика!

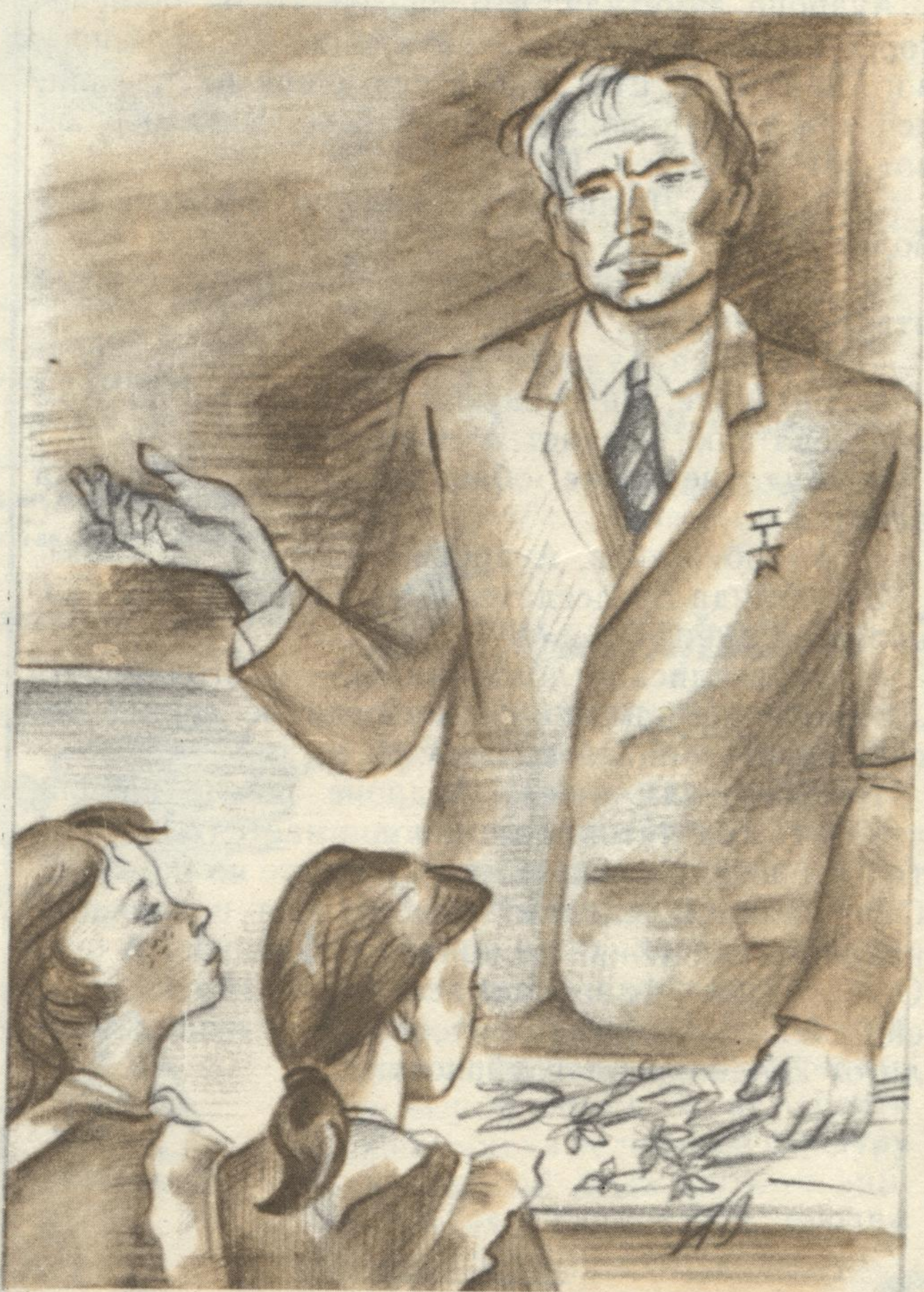
— Пойдем домой, — попросил братишка.

— Подожди.

— Чего ждать? — удивилась Рамуне.

— Соберите шиповник и другой мусор, — велела Аудроне, — отнесите все в ту яму.

Пока Рамуне, братишка и Гиедруте собирали разбросанный шиповник, вернулась Людвика. Аудроне стала рядом с памятником. Тогда Людвика увидела и будто ее подкосило, она упала на колени. Она гладила цветы, свежеразрыхленную землю. Аудроне было уже раскрыла рот, чтобы сказать, что это все она сделала, но Людвика горько заплакала. Положила голову на сухие изможденные руки, запричитала:

— Нашлись, сынок, добрые люди, вспомнили тебя!

Людвика перестала плакать так же внезапно, как и начала. Она присела, зажала рот рукой, испачканной в земле, и, тихонько раскачиваясь, стала смотреть в одну точку. Сейчас она точно спросит, кто посадил цветы на могилу ее сына. Аудроне шевельнулась. Под ногами зашуршали прошлогодние листья. Но где там! Людвигу будто столбняк хватил: смотрит в одну точку и качается...

Обиженная Аудроне догнала уходящих товарищей.

— Людвика даже спасибо не сказала, — не вытерпела Аудроне.

— Нашла время, — бросила Рамуне. Гиедруте ничего не сказала, но подумала, что все-таки Людвика должна была поблагодарить.

Когда дети вышли на деревенскую улицу, встретили председателя. Он, как всегда, был одет в старый неясного цвета пиджак. От утренней шикарности не осталось даже и намека.

— Куда путешествуете, соседи? — веселым голосом спросил он.

— Привели в порядок могилы солдат, — похвасталась Рамуне.

— Молодцы! Спасибо вам! — председатель каждому пожал руку, а братишке Аудроне нашел в кармане конфету.

— А я посадила цветы и на могилу сына Людвики, — не вытерпела Аудроне.

— Да?.. — протянул председатель.

Аудроне заметила, что председатель на некоторое время перестал решать свою задачу мирового значения. Его лицо и глаза как-то оттаяли, исчезла устрашающая серьезность. Казалось, он вот-вот засмеется. Но...

— А тети Людвики не видели? Может, она больна?

— Нет, она на кладбище. Плачет, — быстро ответила Рамуне.

— Людвика Аудроне не поблагодарила, — сказала Гиедруте. Она подумала, что сказав об этом председателю, сделает Аудроне доброе дело.

— Аудроне даже обиделась, — еще добавила девочка.

— Не обижайся, Аудроне.

От взгляда председателя девочке хотелось провалиться сквозь землю.

— Не сердись, — повторил он. — Благодарность Людвики ни нам, ни ей никогда не вернет погибшего Лауринаса, ее сына. Никогда.

Председатель ушел. Аудроне почувствовала, что от самых пяток к лицу поднимается жар. Она тайком поглядывала то на Рамуне, то на Гиедруте. Они, кажется, словам председателя не придали никакого значения. Не поняли... Хорошо... А она? Она этих слов не забудет всю жизнь. И всю жизнь ей будет стыдно вспомнить, как она стояла и ждала от Людвики благодарности...

Оформление Т. Панкевич

МАРТ

Сколько ни злись, февраль, сколько ни задувай последними метелями, а весне быть! Зима кончается! Март — весне начало. На лесных проталинах появились грачи. Грачи весну открывают. В лесу уже звенят синицы и барабанят дятлы. Глядь, на иве у раскисшей дороги поет уже овсянка. А в городе у домов галдят воробьи и воркуют голуби... Зима кончается! Зима кончается!

Леденец на ветке

Лес стоял тихий, синий, вроде бы еще не живой. В начале марта дыхание весны едва уловимо. Мой взгляд остановился на искрящейся на солнце сосульке. Она свисала с кончика надломленной ветки клена. Верно, наверху снежная шапка подтаивает. Но снега на ветках не было. Подошел к дереву, сломал сосульку и попробовал на язык. Что такое — сладкая! Да это же капельки сока, вытекающие из обломанной ветки, за-

мерзая, превратились в матовую сосульку. Сокодвижение началось!

Солнце поднялось выше. На белом сломе ветки вместо сосульки поблескивала капля. И хотя вокруг еще лежал глубокий нетронутый снег, я уже знал, всем существом чувствовал: лес проснулся, ожил, и от первой сладкой капли кленового сока небо стало будто бы голубее, выше и на душе сделалось светло.

А. ДОРОХОВ

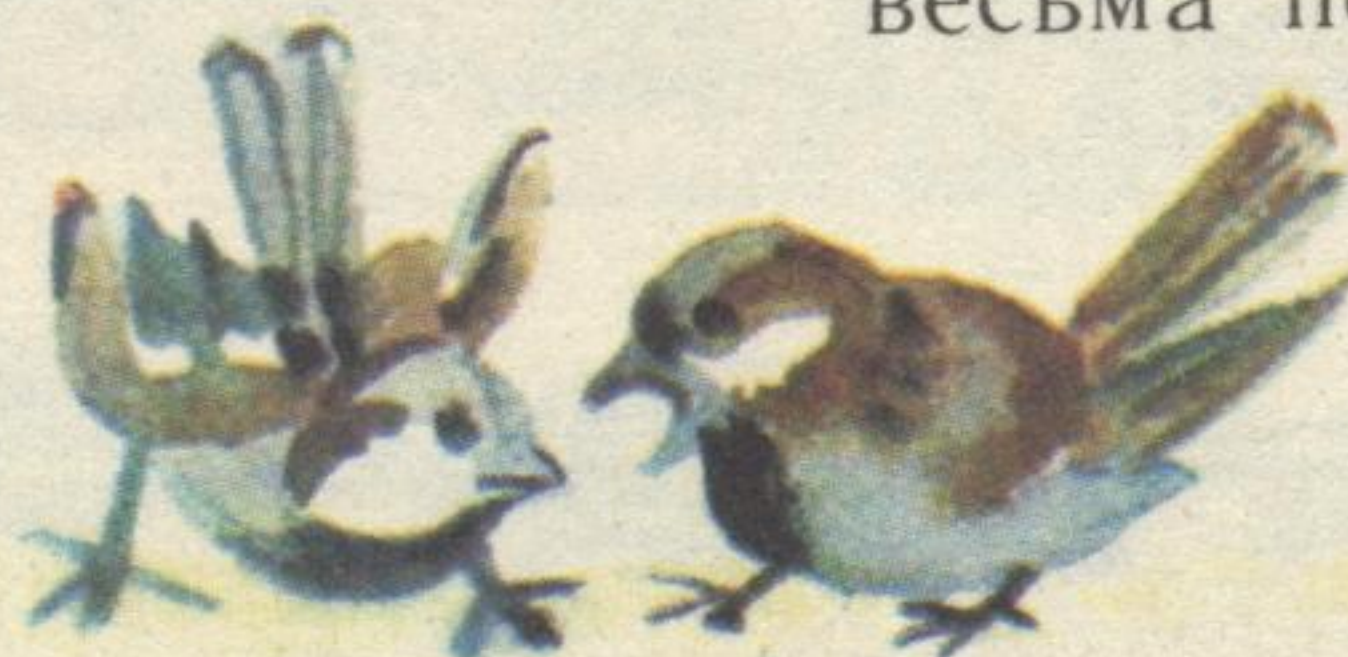
ГДЕ? ЧТО? КАК? ПОЧЕМУ?

За интереснейшей рыбкой наблюдали в новозеландском аквариуме ученые. Название рыбки — хромис. В отличие от прочих рыб, хромисы мечут очень мало икринок — 30—35 штук. И эти драгоценные икринки самка хромиса забирает в рот и хранит там, пока из икринок не появятся мальки. Из боязни проглотить потомство, хромис все это время в рот ничего не берет, существует голодным...

Длинные палки с рогатками на конце осторожно раздвигают траву. Зоркие глаза всматриваются в каждый бугорок. Это помощники лесничих — чехословацкие пионеры. Они «прочесывают» сотни гектаров лугов перед покосом, спасая от ножей косилок: гнезда куропаток, зайчат и даже маленьких косуль. Собранные фазаны яйца отправляют в инкубатор. Иногда удается спасти так сотни цыплят. Подросших молодых фазанов ребята выпускают летом на волю. Ведь фазаны приносят сельскому хозяйству большую пользу, уничтожая вредных насекомых и семена сорняков...

Ученые на Филиппинах бьют тревогу! На островах почти исчезла вторая по величине среди орлов птица — гарпия-обезьянояд. Открыли гарпий сравнительно недавно, в 1896 году. И вот сто лет не прошло, но может случиться, что гарпия пополнит список исчезнувших животных... Живут гарпии в тропических лесах, но лес на Филиппинах уничтожают по несколько гектаров в день... И все меньше и меньше становится мест, где гарпии могут охотиться... Удастся ли спасти оставшихся? Ученые не могут ответить на этот вопрос положительно.

Юрта «Зеленых страниц»

Наша знакомая отдала мне раненого голубя. Я решила его вылечить. Понесла в больницу на животноводческую ферму. Там мне дали мазь и бинт. Каждый день я смазывала крыло голубя, меняла бинт и кормила его. Вскоре крыло зажило, заросло, и голубь поправился. И я его выпустила. Он полетел и, наверное, нашел родную стаю.

Марина Лещенкова,
6 класс,
с/х «Терновский»,
Воронежская область

Я живу в деревне. Деревня маленькая. Всего шесть домиков. Называется — Чикали. Я каждый день вижу много зверей и разных птиц, но эту птицу я увидела впервые. Мы держим корову и теленка, и мама берет меня на покос. Однажды мы пошли грести сено и увидели: на длинном и тонком осиновом пеньке сидел филин. Я сначала испугалась и позвала маму. Но, оказывается, испугалась зря. Он был, наверно, ручной. Он от меня не думал лететь. Он был серенький, глаза круглые. Я погладила его и посадила на руку, на рукав. Он сидел смирно, на голове его были ушки, обыкновенные ушки. Они казались, как маленькие перышки. Филин был окольцованный. На обеих ногах были алюминиевые кольца. Я его посадила на тот же пенек, и он остался в лесу.

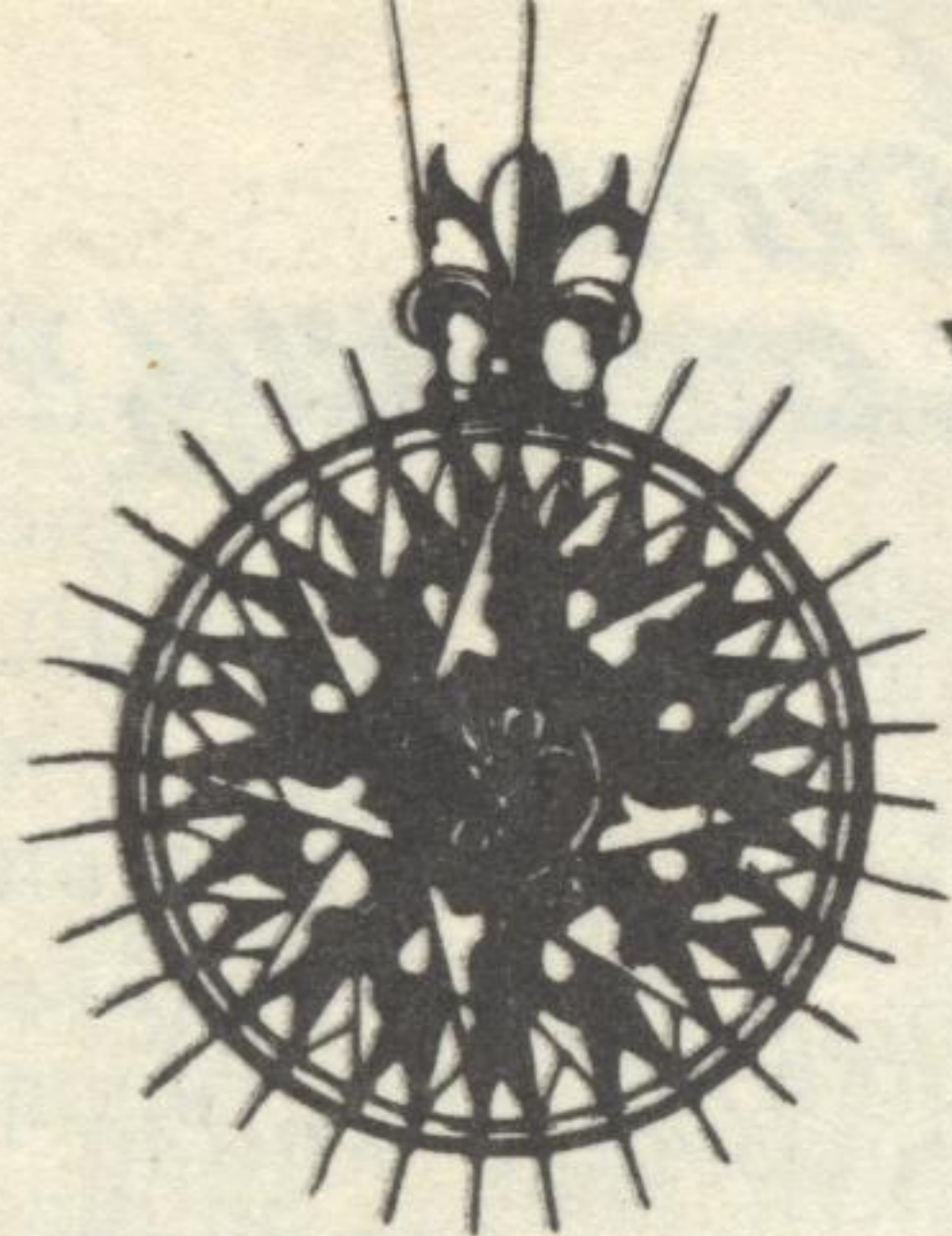
Оля Вишнякова,
д. Чикали
Кунгурского района
Пермской области

Птицы просят

Весна-то наступила, да вот беда: не у всех нас квартиры есть. Ждем ключи от скворечников и дуплянок. Просим квартиры не сдавать с недоделками. Не делайте широким леток, а то вороны наших деток украдут, а еще хуже — кот залезет...

Просим также не делать нам дома из фанеры, не сколачивать из сырых досок и не делать скворечники величиной с конуру для собаки! Ведь жить-то нам, скворцам, синицам и прочим весьма полезным птицам...

МОРСКАЯ ГАЗЕТА

Выходит
под редакцией
контр-адмирала
Н. В. СКОСЫРЕВА

Оформление
Р. Попова

Год издания — 29-й

Капитан Л. Н. Загорулько
с моделью судна,
которую он сделал сам

ОДИН ПРОТИВ СЕМИ

— Во время войны на наше грузовое судно «Казахстан» поставили две пушки — на баке и на юте — то есть на носовой и кормовой части судна. А на мостике — пулеметы. Экипаж расписали по боевым расчетам — кого к пулеметам, кого снаряды подносить. К команде прибавились: военный помощник капитана и четыре человека военной команды...

Фашисты уже наступали на Таллин, и командование решило эвакуировать людей и ценную военную технику. И ходили мы так — в Таллин в балласте, то есть судно шло с пустыми трюмами, а в Кронштадт везли раненых, солдат и разное имущество.

Дело было в августе. Подходили мы уже к мысу Юминда-Нина и до Таллина оставалось немного. Рассвет был. И с моря — дымка. Я, молодой тогда штурман, стоял как раз на вахте. И смотрел, как у нас тогда говорили,

В кают-компании «Морской газеты» рассказывает капитан дальнего плавания Леонид Загорулько. Он ходил на мирных торговых судах. Но воевать ему пришлось с первых дней Великой Отечественной войны. Это — первый из рассказов капитана.

«больше чем в два глаза»... И за морем и за воздухом. И вдруг вижу: со стороны моря быстро к нам приближается черная точка... И не одна — две, три... семь! Торпедные катера идут. И вроде бы — наши катера. Похожи по силуэтам. Но тут гадать нельзя. Вызываю на мостик капитана и военного помощника. Каюта капитана, как известно, всегда на любом судне от мостика ближе всех других, коридорчик пройти — и капитан на мостике. А в войну, если капитан и спал, то не раздеваясь и даже не сбрасывая обуви... Так что тотчас же рядом со

разобрать нельзя. Идут они быстро, ветер флаги оттягивает, так что нашему сигнальщику не разобрать: что там за сигнал...

Тогда военный помощник на всякий случай скомандовал:

— Пушки и пулеметы — к бою!

И тут я увидел: торпеда идет! В первый раз в жизни увидел настоящий бурун, который быстро и неумолимо приближался к нашему «Казахстану».

— Торпеда! — крикнул я. Это, как вы понимаете, выстрелили по нам с катеров, потому что были они вражескими.

Наши пушки и пулеметы сразу открыли огонь, а Вячеслав Семенович дал команду, чтобы переложить руль вправо... Никогда еще, наверное, наш «Казахстан» — а ход его был около тринадцати узлов — так быстро не поворачивался.

— Самый полный! — командовал капитан. — Лево руля! Право руля! Пушки и пулеметы наши уже работали всюю, стараясь отогнать катера. А сигнальщики то и дело докладывали:

— Торпеда идет с кормы! Торпеда проходит по носу! Две торпеды в корпус идут...

На наше счастье судно шло порожняком, а те торпеды, что шли в корпус, поставлены были на большую глубину... Прошли они у нас под самым килем...

Тут от нашего огня строй катеров смешался. Да и торпеды они все расстреляли. Удивлялись, должно быть, враги: все семь торпед — мимо!

Так мы и ушли в тот раз невредимыми. Когда мы военным морякам рассказывали об этом случае, не очень верили. Не бывает такого, чтобы грузовое судно вышло невредимым из боя с семью торпедными катерами.

Рассказ записал О. ОРЛОВ

Фото Б. Гесселя

мной стоял капитан Вячеслав Семенович Калитаев и смотрел на катера в свой бинокль. И его военный помощник тоже быстро взбежал на мостик.

— Вроде бы, — говорит капитан, — катера наши...

— Похоже, — говорит и военный помощник и командует сигнальщику: — Запросите у катеров позывные!..

Позывные запросили, и на катерах, действительно, как и положено, подняли на коротеньких мачтах флаги. Но

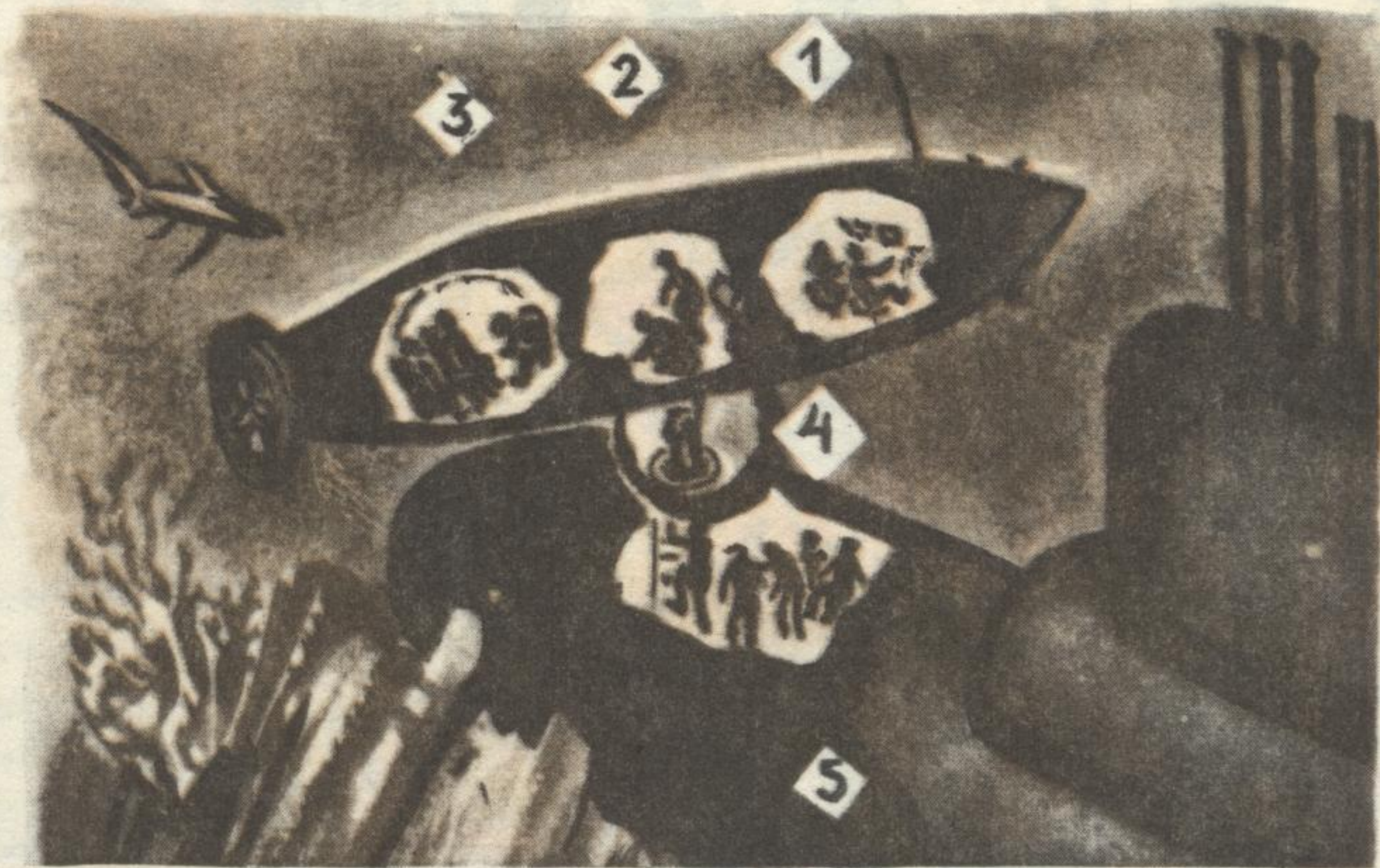
ДЕЛА МОРСКИХ КЛУБОВ

Ребята в этом морском клубе овладевают всеми морскими специальностями. Они умеют сами водить катер, определять место корабля в море, работать на ключе, разбирать и собирать двигатель. А еще они ведут большую следопытскую работу — поиск. Ребята решили узнать о героических делах бронированных малых охотников, которые в годы войны делали в Ленинграде. Экипажи их сражались с фашистами. Юные моряки собрали уже много интересных и ценных материалов. Клуб этот — в Ленинграде и называется — «Адмиралтеец».

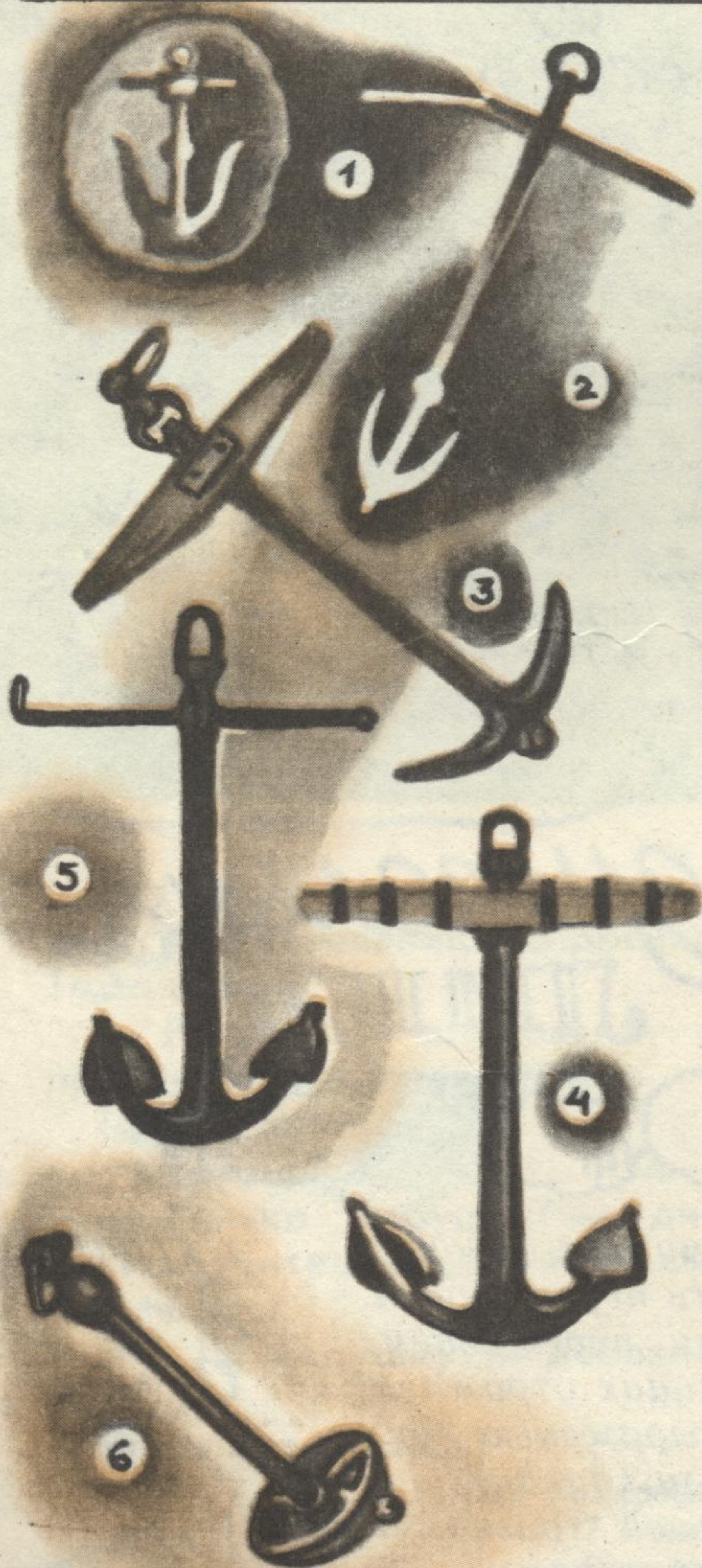

Подводная техника наших дней — все совершеннее. Но всякое может быть. Глубоководный и исследовательский аппарат — сотни их исследуют сейчас океан, — может потерпеть аварию и лечь на дно на большой глубине. Может затонуть подводная лодка. Вблизи от поверхности моря спасти людей трудно, но возможно. А если на глубине в сотни метров? Конструкторы предложили аппарат-спасатель. Стыкуется он с подводной лодкой с помощью «камеры-присоса». Состыковавшись намертво, можно в корпусе потерпевшей аварию лодки проделать отверстие. Люди перейдут на спасатель. Шлюз-вход в камеру-присос закроют, и спасатель всплывет. Для быстроты этот аппарат доставит к месту аварии специальный самолет...

Ю. СТУДЕНЦОВ

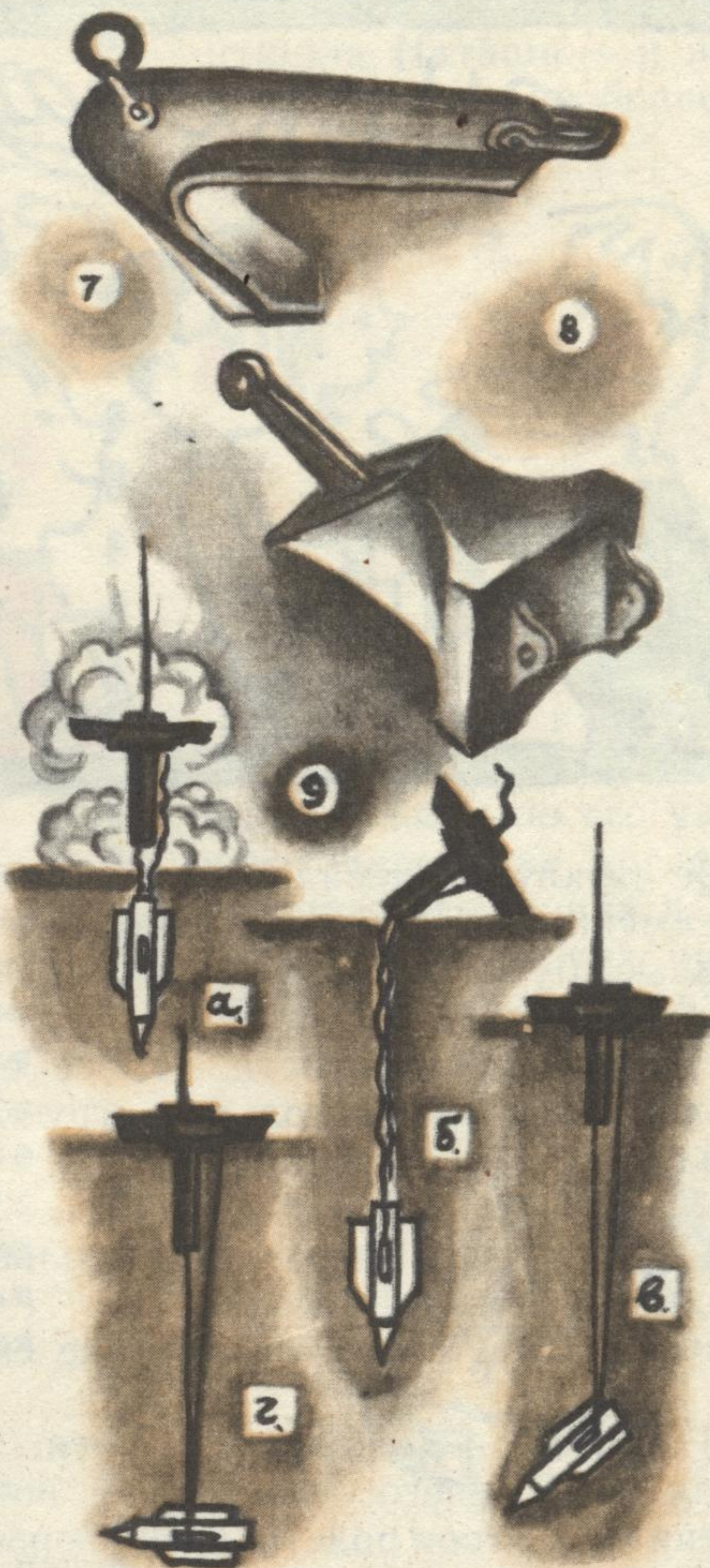
1. Отсек управления. 2. Переходной отсек. 3. Отсек для спасенных. 4. Камера-присос. 5. Аварийная лодка.

ПРО ЯКОРЯ

«Приспособление, удерживающее корабль на месте, когда он находится на чистой воде...» — так про якорь написано в любом морском словаре. И вот что удивительно: прошли тысячи лет, а вид и общие черты конструкции якоря изменились мало. На нашем рисунке — несколько якорей. Первый — был на кораблях в 310 году до нашей эры! Он нарисован на древних монетах. Второй нашли при раскопках в Помпеях. Третий якорь был на кораблях норманнов в девятом веке. Четвертый — на русских военных кораблях девятнадцатого века. Пятый — современный адмиралтейский якорь... Все они в общем — похожи.

И все-таки придумали якорь и несколько другого вида. Этот — для подводных лодок. (6) Этот — для ледоколов. (7) А это (8) — мертвый якорь, который вытаскивать не нужно. Цепь его прикована к плавающей бочке, и суда, если им надо стать в этом месте, свой якорь не бросают, а приклепывают цепь к рыму — кольцу на этой самой бочке... А для супертанкеров придумали ракетный якорь. Его «вбивает» в грунт ракета, закрепленная в корпусе якоря.

ПОСМОТРИ И ПОДУМАЙ!

Капитан Быстроходов и боцман Румпель посетили выставку картин. Они уже посмотрели все картины, как вдруг одну из них капитан стал рассматривать слишком пристально.

— Что вас так заинтересовало, капитан? — спросил боцман.

— Здесь написано, что художник нарисовал её, спустившись под воду. Но посмотрите внимательно на картину. Если бы он действительно рисовал её под водой...

— Вижу, вижу... — сказал боцман. — Теперь пусть посмотрят ребята... И подумают: был ли художник под водой?..

ХУД. КРАСИЛЬНИКОВ "МОРСКАЯ ДРАМА" 1984г. /С НАТУРЫ/

ВЕСЁЛЫЙ

Составил и оформил Л. Каминский

Мне стукнуло двенадцать. Я, конечно, устроил себе именины. Попросил у папы денег и купил несколько бутылок сидра и шоколадный торт для угощения гостей.

Ну, пришли они, гости. И все с подарками. Колька, сосед, мне настольную игру «Хоккей» при- ташил.

— Спасибо,— говорю я Кольке.— Правда, я не очень люблю эту игру. Мне больше нравится настольная игра «Футбол»...

Витька, тоже сосед, принес мне сказки Андерсена.

— Спасибо,— говорю я,— Витя. Книжка чудесная. Это ничего, что она не новая,— видно, до меня ее все твои родственники перечитали...

Ленька, одноклассник, подарил мне набор фломастеров.

— Вот кстати! — говорю я.— Мне как раз нужны фломастеры. Жаль только, что здесь всего шесть цветов, особенно ими не разрисуешься. Вот я в магазине фломастеры видел — в наборе восемнадцать цветов!

Ну, сложил я подарки в угол и приглашаю всех к столу. Начал делить торт и разливать в стаканы сидра. Смотрю — что-то они, гости мои, какие-то скучные и вялые сидят. Я им уже и музыку веселую включил, а они все равно не веселятся. Ковыряют торт ложечками и в тарелки смотрят. Потом давай один за другим прощаться.

Ушли они, а я недоумеваю: и чем я им не угодил? Может быть, им торт не понравился?

А. САВЧУК

ИЗ НЕПОЛНОГО СОБРАНИЯ ШКОЛЬНЫХ СОЧИНЕНИЙ

Дубровский вдруг заговорил русским голосом.

Аквалант — это та- кой человек, который дружится в воду в фотоаппарате.

Он омянулся и увидел, что за ним со- всех ног неслась коро- ва, которая спокойно жевала...

Земледельцы на своих работах и для феодаль- ного строя.

Вот уже забрюзжил рассвет...

ПРИСЛАЖИ: САША КОСТЕНКО /г.ШАРЬЯ/, ОКСANA ОСТАПЧЕН- КО /г.РЖЕВ/, ТАНЯ ТОЛСТЫХ /г.СЫКТЫВКАР/, Т.ЯРИШКО /г.ПОЛТАВА/, НИНА ИМОЗЕМЦЕВА /ДЕР. ДУБКИ ЛЕНИН- ГРАДСКОЙ ОБЛ./

Выразительное ЛИЦО

Нам по музыке заданье: Выразить переживанья. Мы сидим, переживаем, Все на лицах отражаем! Мы по выраженью лиц Нахватали единиц!..

У Петровой только «пять» — Все умеет выражать На лице Петрова: Как белеют облака, Как вдали блестит река, Как мычит корова!

Л. ФАДЕЕВА

КОНКУРС

„и все
засмеялись!“

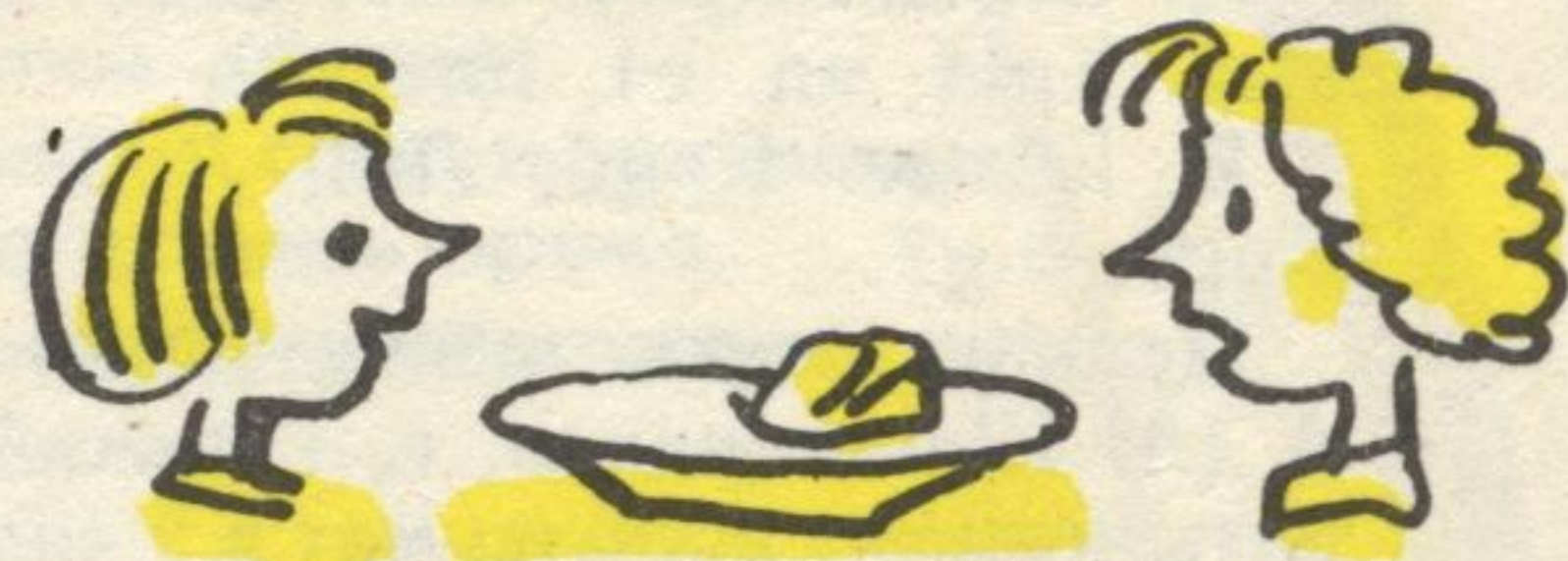
Очень хороший месяц март! Чаше светит солнце, и мы чаше улыбаемся. Особенно много улыбок восьмого марта, когда мы поздравляем с праздником своих одноклассниц, мам и бабушек. А сегодня для нашего конкурса я подобрал несколько смешных историй, связанных с такими поздравлениями. Давайте, посмеемся вместе с авторами этих писем!

ВЕСТИ отовсюду!

МАМИНА ПОМОЩНИЦА

Мама Наташи Рыбкиной напекла к 8 марта столько пирожных, что они никак не умещались на блюде. Тогда на помощь пришла Наташа — и на блюде даже осталось свободное место.

ПОДАРОК

Вова Мухин купил бабушке к 8 марта акваланг и ласты. Каково же было его удивление и разочарование, когда бабушка подарок приняла и действительно стала с тех пор заниматься подводным плаванием.

Учитель смеха

На уроке рисования

Учитель рисования дал нам задание нарисовать рисунок с поздравлением. Игорь старательно нарисовал красивую вазу с цветами, а внизу написал:

«Дорогая моя мамочка! Поздравляю тебя с праздником! Желаю всего хорошего. От твоей дочери Игоря».

Когда мы увидели этот рисунок, все засмеялись.

Девочки 6 класса Введенской ср. школы Курганской области

Обращение

На уроке русского языка учитель сказал:

— Придумайте предложение с обращением.

Вася встал и прочел свое предложение:

«Дорогой Иван Петрович, поздравляю вас с праздником Восьмого марта!»

И все засмеялись!

Вова Горшенин,
3 класс,
Магнитогорск

Кого поздравил Толя

Это было еще во втором классе. Учительница спросила Толю Цветкова:

— Кого ты поздравил с праздником 8 марта?

Толя ответил:

— Бабушку.

— Только бабушку? — удивилась учительница. — И больше никого?

— ... и дедушку! — добавил Толя.

И все засмеялись!

Оля Комарова,
7 класс,
Иваново

Открытка

Однажды наша соседка по квартире, Марфа Петровна, прочитала открытку, которую она получила от своей внучки. В поздравительной открытке было вот что написано:

«Дорогая моя бабушка Марфа! Поздравляю тебя с женским праздником! Желаю тебе успехов в учебе и счастья в личной жизни! Остаюсь твоя внучка Таня».

И все засмеялись!

Сарсы Соргоева,
6 класс,
Сургулук ЯАССР

КАК КОСТИК И ХВОСТИК ОБЕДА ГОТОВИМ

СЕГОДНЯ ВСЕ БУДЕМ ДЕЛАТЬ САМИ...

ВКУСНО ПОЛУЧАЕТСЯ?

ПРИЯТНО ВСЕ ДЕЛАТЬ САМИМ!

Я ДУМАЮ, ЕСТЬ ТОЖЕ НУЖНО САМИМ...

ГДЕ ЖЕ ОБЕДА?!

3-й ТУР ЧЕМПИОНАТА

Соревнование разведчиков АРЧЕБЕКа продолжается! Сегодня их ждут такие боевые задания.

ШАХМАТЫ.

А. Белые: Kph4, Фb7, Са6, Сg7; черные: Kрf4, пп. е4, f3.

Б. Белые: Kpg5, Лf3, Лh3; черные: Kpg8, п.g7.

Цель разведки: выявить, можно ли в А (А. Шапошников, г. Горький) объявить черному королю мат в 2 хода, а в Б (В. Антипов, Боровичи) — в 3 хода.

Разъяснение обстановки. Как решаются трехходовые задачи? Как записываются их решения? Вот пример — см. диаграмму. Мат в 3 хода.

Белый ферзь под ударом... Если позволить черным его побить, то мат не дашь; если же ферзем уйти с линии «а», то черные начнут шаховать белого короля — опять-таки ничего не получится. Что же делать? Каким может быть первый ход? Ага! Есть способ избавить ферзя от удара, не отступая им с линии «а», — прикрыть его слоном!

Пробуем: 1. Са6! Правда, у черных все равно есть шахи, однако, что они дадут? Посмотрим: 1... Фb8+, но тогда 2. Сb5+ и третьим ходом — мат! 1... Фb7+, но тогда тоже 2. Сb5+; 1... Фb6+, но тогда 2. Ф:b6 е5 3. Фb7X; 1... Фg1+, но тогда 2. Cf1+ Kpb7 (или Фа7 3. Сg2X) 3. Фа6X; 1... Фh7+, то тогда 2. Cd3+ и т. д. Выходит, все в порядке — после 1. Са6! черные от мата в 3 хода защититься не смогут! А это значит, что решение найдено, остается записать его:

1. Са6! И теперь —

если 1... Фb8+ (или Фb7+), то 2. Сb5+;

если 1... Фb6+, то 2. Ф:b6;

если 1... Фg1+, то 2. Cf1+;

если 1... Фh7+, то 2. Cd3+;

если 1... е5, то 2. Фd5+.

Как видите, в записи решения трехходовок требуется указывать: а) первый ход белых, б) основные ответы черных, в) как белые опровергают эти ответы.

РУССКИЕ ШАШКИ.

А. Белые: а3, б4, с3, е3, g1, g3, h4; черные: б8, с5, с7, d6, е5, е7, h6.

Б. Белые: а3, б2, б4, d2, f2, f4, g1, g3, h4; черные: а7, с5, d6, d8, е5, е7, f6, g7, h8.

Цель разведки: и в А и в Б найти пути к победе белых.

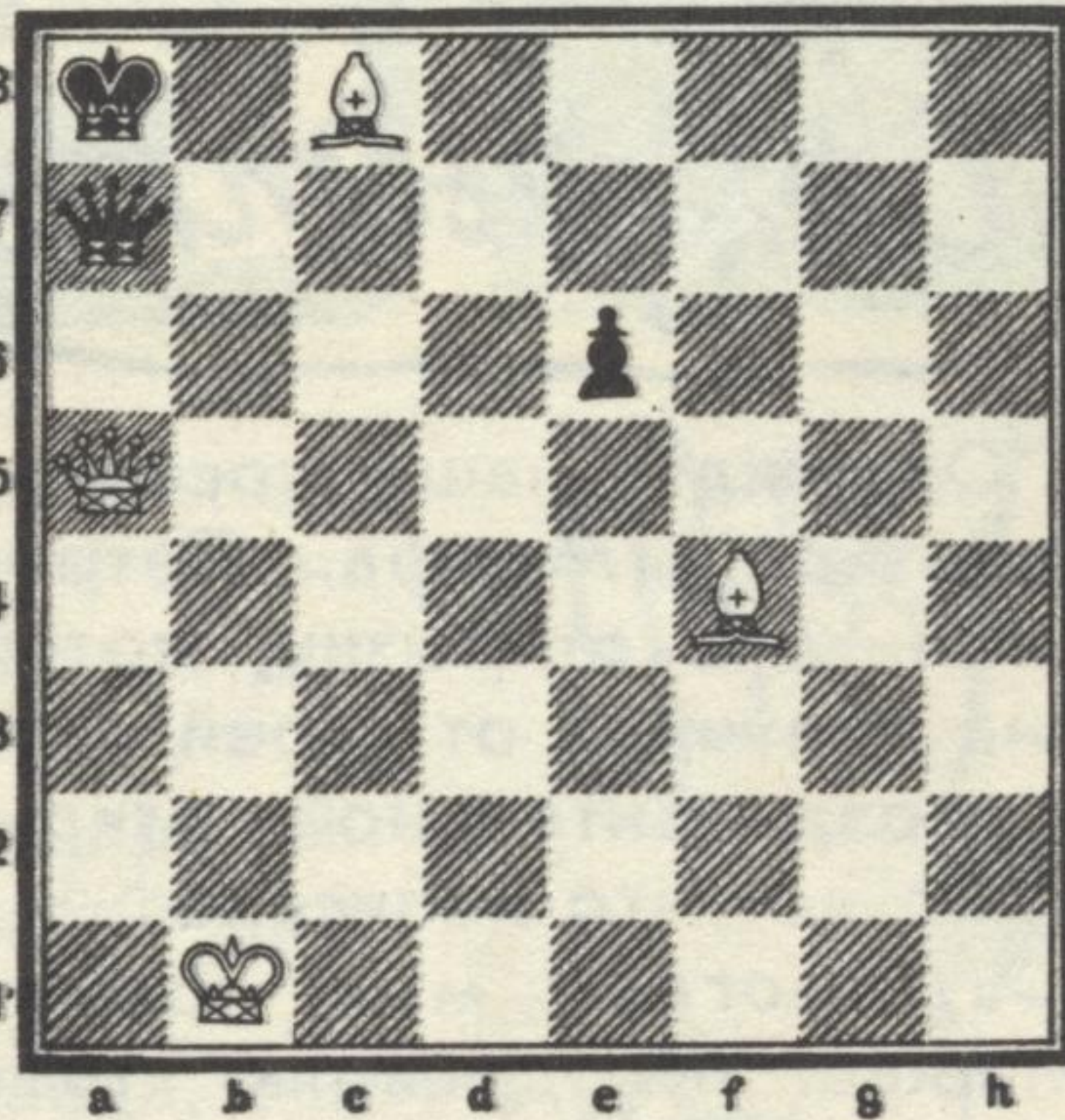
МЕЖДУНАРОДНЫЕ ШАШКИ.

А. Белые: 27, 33, 35, 39, 44, 49; черные: 12, 13, 16, 23, 24, 40.

Б. Белые: 15, 25, 29, 34, 44, 45, 48; черные: 4, 7, 8, 9, 18, 19, 38.

Цель разведки: и в А и в Б доказать, что у белых есть победная комбинация.

Разъяснение обстановки: в А белые используют первое и третье отличительные правила МШ, в Б — второе (см. «Костер» № 2).

ЭКЗАМЕН ПЕШКОЕДОВА

Как же следовало ответить на предложенный вопрос («Костер» № 9, 1984)? **Чемпионами мира по шахматам становились:** в 1886 году — Вильгельм Стейниц, в 1894 — Эммануил Ласкер, в 1921 — Хосе Рауль Капабланка, в 1927 — Александр Алехин, в 1935 — Макс Эйве (в 1937 Алехин вернул себе титул), в 1948 — Михаил Ботвинник, в 1957 — Василий Смыслов, в 1960 — Михаил Таль (в 1958 и в 1961 Ботвинник возвращал себе титул), в 1963 — Тигран Петросян, в 1969 — Борис Спасский, в 1972 — Роберт Фишер, в 1975 — Анатолий Карпов.

Многие разведчики, сдавая этот экзамен, приводили и различные дополнительные сведения — когда и где проводились матчи, с каким счетом оканчивались и т. п. Но наиболее полные

ответы, как сообщил Пешкоедов, ему прислали: Володя Самарцев, Юля Жулий, Р. Губайдуллин, А. Крочек, Лена Кучер, Андрей Александров, Кайроллы Касымханов, Аня Ровнянская, Сережа Коваленко, И. Гарифуллин, Оля Карасева, Оля Давыдова, Женя Розенфельд, Таня Вострикова, Саша Ундуск.

Шахмат-адмирал Ферзьбери приказал внести имена этих разведчиков в почетный список Знатоков шахмат.

ЗАДАНИЕ РЕЗЕРВУ

В позициях А и Б шахмат-адмирал Ферзьбери приказывает тебе найти — 1. Ход белых, быстрее всего приводящий к победе. 2. Ошибочный ход белых, упускающий победу.

А. Белые: Kрf7, Фc7; черные: Kph8.

Б. Белые: Kpc6, Лh7, Сg7; черные: Кра8.

БЮРО САМОПРОВЕРКИ

Задачи в «Костре» № 1 решаются так:

Чемпионат. ШХМ. А. 1.Лb4! (и при любом ответе черных белые объявляют мат). **Б.** 1.Фh4! (и черным не защититься от мата). **РШ. А.** 1.c3! 2.f6X. **Б.** 1.gf2! 2.cd2X. **МШ. А.** 1.19! 2.31X. **Б.** 1.24! 2.19!X.

Главнокомандующий АРЧЕБЕКом приказывает всем арчебековцам завести «Листок учета». Разведчики записывают по 5 очков за каждый свой правильный ответ на задачи Чемпионата, а начинающие — на задачи рубрики «Задание резерву». Узнавать, верен ли был посланный в рапорте ответ, следует в «Бюро самопроверки».

ПРИКАЗ № 3

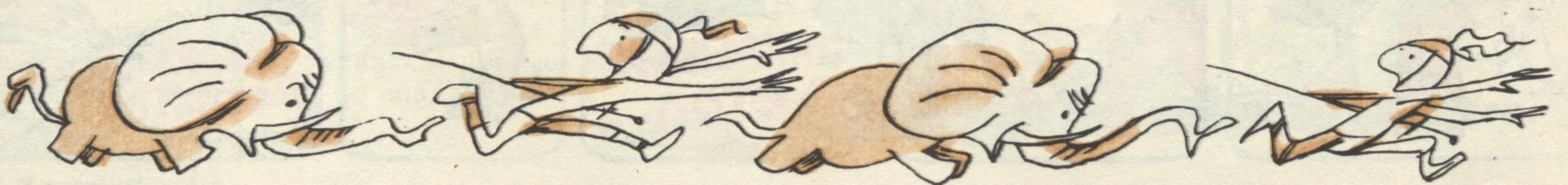
Я, главнокомандующий АРЧЕБЕКом, приказываю:

§ 1. Рапорты по 3-му туру отправить (на открытках!) до 1 июня.

§ 2. В рапорте писать только о заданиях Чемпионата. Все другое посылать отдельно.

§ 3. Указывать номер тура и свой пароль!

Шахмат-адмирал Ферзьбери

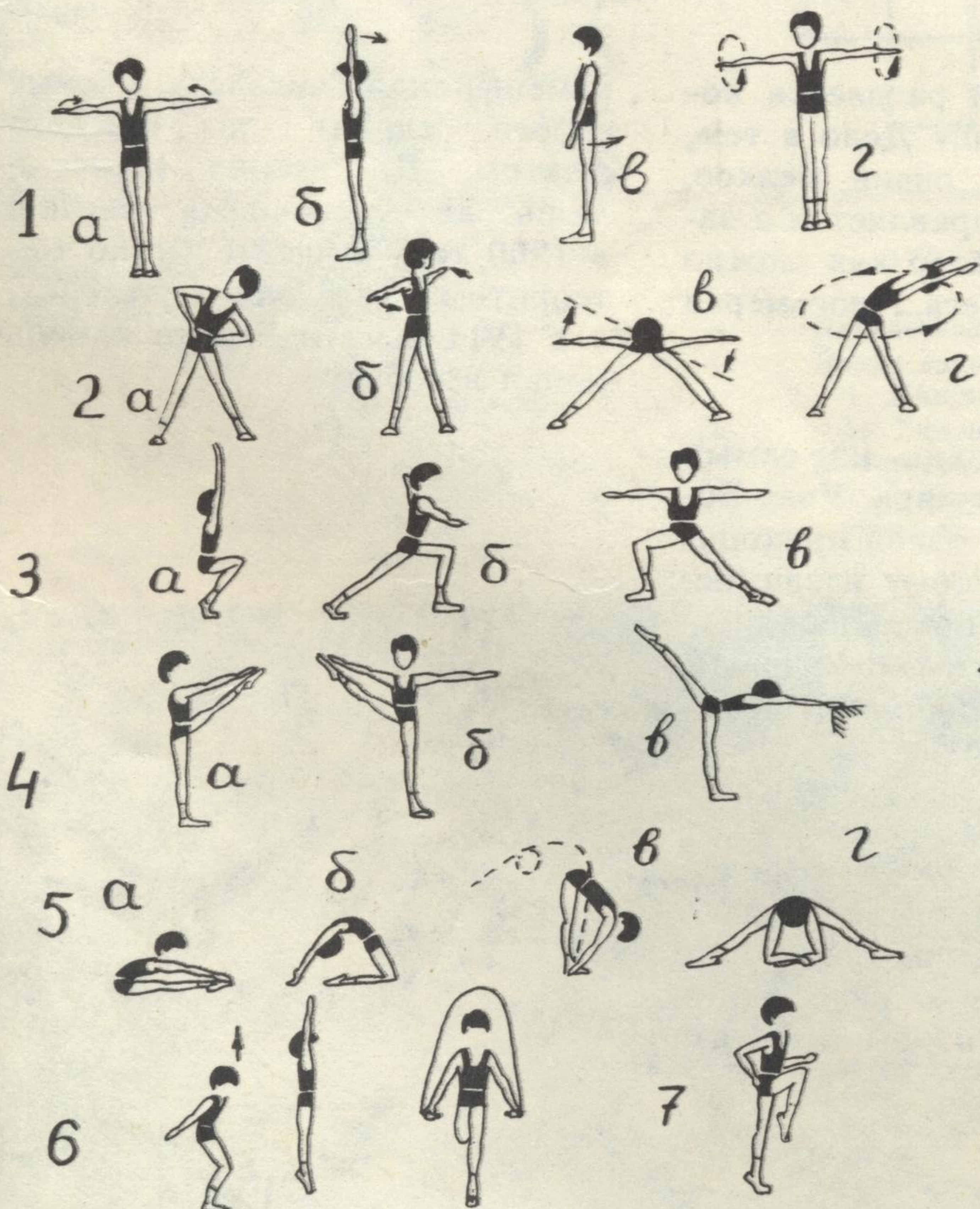
ВСЕСОЮЗНЫЙ СПОРТИВНЫЙ КЛУБ

Эти упражнения по акробатике необходимы для разминки спортсменам, занимающимся различными видами спорта, они вырабатывают смелость и ловкость, улучшают координацию движений.

УПРАЖНЕНИЯ ДЛЯ РАЗМИНКИ

- Махи назад и круговые движения руками, по 10—12 раз:
 - из положения руки в стороны
 - из положения руки вверх
 - из положения руки вниз
- Наклоны туловища в стороны и повороты, по 10—12 раз:
 - наклоны в стороны с различными положениями рук
 - повороты стоя, ноги врозь
 - повороты стоя, ноги врозь, согнувшись
 - круговые движения туловищем, по 6—8 раз в каждую сторону
- Приседания и выпады, по 12—15 раз:
 - приседания с различными положениями и движениями рук
 - выпады и покачивания в выпаде
 - выпады в стороны
- Махи ногами, по 15—20 раз:
 - вперед
 - в стороны
 - назад
- Наклоны вперед и назад, по 10—12 раз:
 - вперед сидя

- назад, стоя на коленях
 - вперед и назад стоя
 - вперед, стоя ноги врозь
- Прыжки, по 10—12 раз:
 - из полуприседа
 - глубокого приседа
 - прыжки со скакалкой, 2-3 подхода по 20—30 раз
 - Бег с высоким подниманием бедра, 4 раза по 20—30 м.

РАВНОВЕСИЯ

- высокое равновесие
- равновесие
- равновесие, высоко подняв ногу

Каждое упражнение выполняйте по 6—8 раз, время удержания — 10—15 сек, для усложнения их можно делать с закрытыми глазами или стоя на носке.

СТОЙКИ

- Стойки на лопатках выполняются из седа на полу перекатом назад:
 - согнув ноги
 - прямая с опорой на пол или без опоры
 Удержание стойки до 10—12 сек, выполнять по 6—8 раз.
- Стойка на груди. Встаньте на колени, прогнитесь и сделайте перекаат вперед до 10 сек, 6—8 раз, удержание до 10 сек.
- Стойка на голове выполняется из упора присев, руки на ширине плеч, пальцы вперед, поставьте голову на лоб, на 25—30 см от линии кистей и, не разводя локти, поднимите одну согнутую ногу, а затем другую.
При освоении стойки на голове с согнутыми ногами, ноги можно выпрямлять, а голову ставить прямо.
Стойка усложняется, если мы меняем положение ног:
 - в полушпагате
 - согнувшись
 - ноги в стороны
 - ноги вперед-назад
 Выполнять по 5—6 раз, удерживая стойку по 10—15 сек.

МОСТЫ

- из положения лежа
- из положения стоя на коленях
- из стойки на голове
- стоя наклоном назад, на руки

При выполнении стремитесь полностью выпрямить ноги и перевести вес тела на руки. Первое время повторяйте мост 4—6 раз, при отсутствии болевых ощущений, постепенно увеличивайте количество повторений до 8—12 раз.

Накануне 8 марта Маша-искусница встретилась с ведущим художником-модельером нашей страны Вячеславом Михайловичем Зайцевым. Зайцев возглавляет московский Дом моды. Здесь создают женскую и мужскую одежду, которая восхищает не только нас — на международных смотрах мод она завоевала общее признание. Маша задала

несколько вопросов Вячеславу Михайловичу.

— Какой вы видите школьную форму будущего?

— Свитер, брюки-эластик, заправленные в ботинки. То есть одежда, которая не сковывает движения, которую легко содержать в чистоте: вечером выстирать — утром надеть.

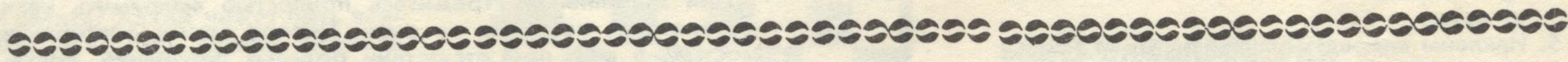
— Когда и где впервые появились джинсы и как вы к ним относитесь?

— Появились они в середине 19 века. Фабрикант Леви Страус повез на запад Америки брезент для палаток, но узнав, что население нуждается в брюках, пустил материал на них. Брюки из брезента понравились, особенно золотоискателям, потому что это практичная и удобная одежда. Позднее такие брюки стали шить из плотной хлопчатобумажной ткани, которую привозили из Франции, а там делали еще в средние века. Это и была «джинсовая» ткань. До 60-х годов нашего столетия джинсы носил рабочий люд. А потом их надели молодые люди — бунтари, они протестовали против буржуазных порядков и морали. Молодежная волна протеста привлекла внимание фабрикантов, они поняли, что на джинсах можно хорошо заработать, и наладили их выпуск. Так пришла мода на джинсы. Я на джинсы смотрю, как на деловую и спортивную одежду. Она хороша для работы и отдыха. Но совершенно не подходит для праздника, театра, для того, чтобы пойти в гости. Некоторые ребята, сами не заработав еще ни копейки, вынуждают родителей покупать очень дорогие джинсы. Мне

жалко этих родителей и самих ребят. Одежда должна подчеркивать характер, вкус человека, создавать его неповторимый облик. Джинсы (вне зависимости от фирмы) не могут в этом. Не нравятся мне и грязные, обтрепанные джинсы, которые носят, не снимая, круглый год. Одежда каждого уважающего себя человека должна быть свежей и аккуратной.

На прощание Маша спросила, что передать читателям «Костра». Тогда Вячеслав Михайлович и написал это поздравление:

*Дорогие девочки!
поздравляю вас
с праздником
8 марта!
Мелая Вася
всегда будет
добрый, светлый
и красивый
Вячеслав Зайцев*

Рисунки
Ю. Беломлинской

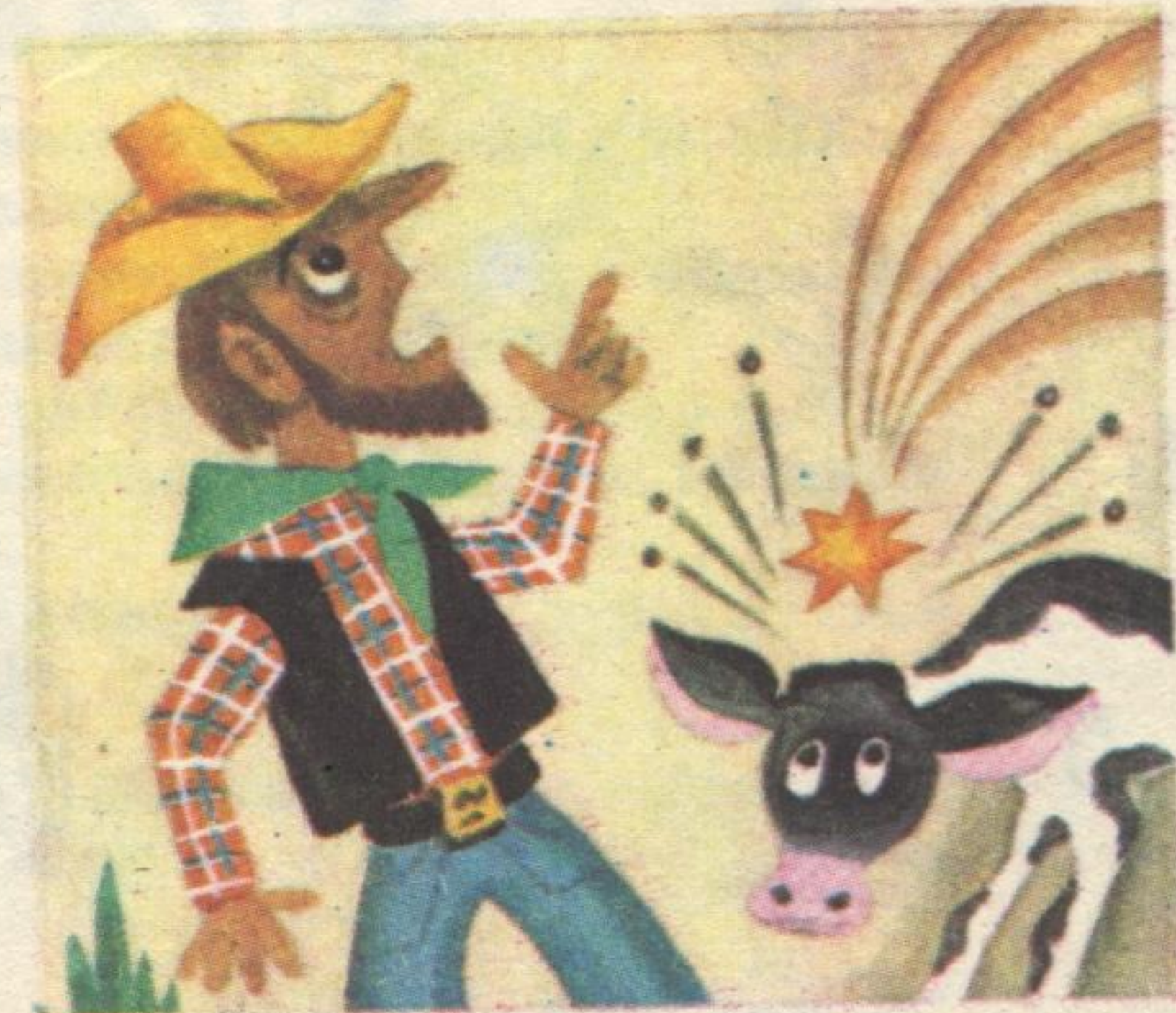
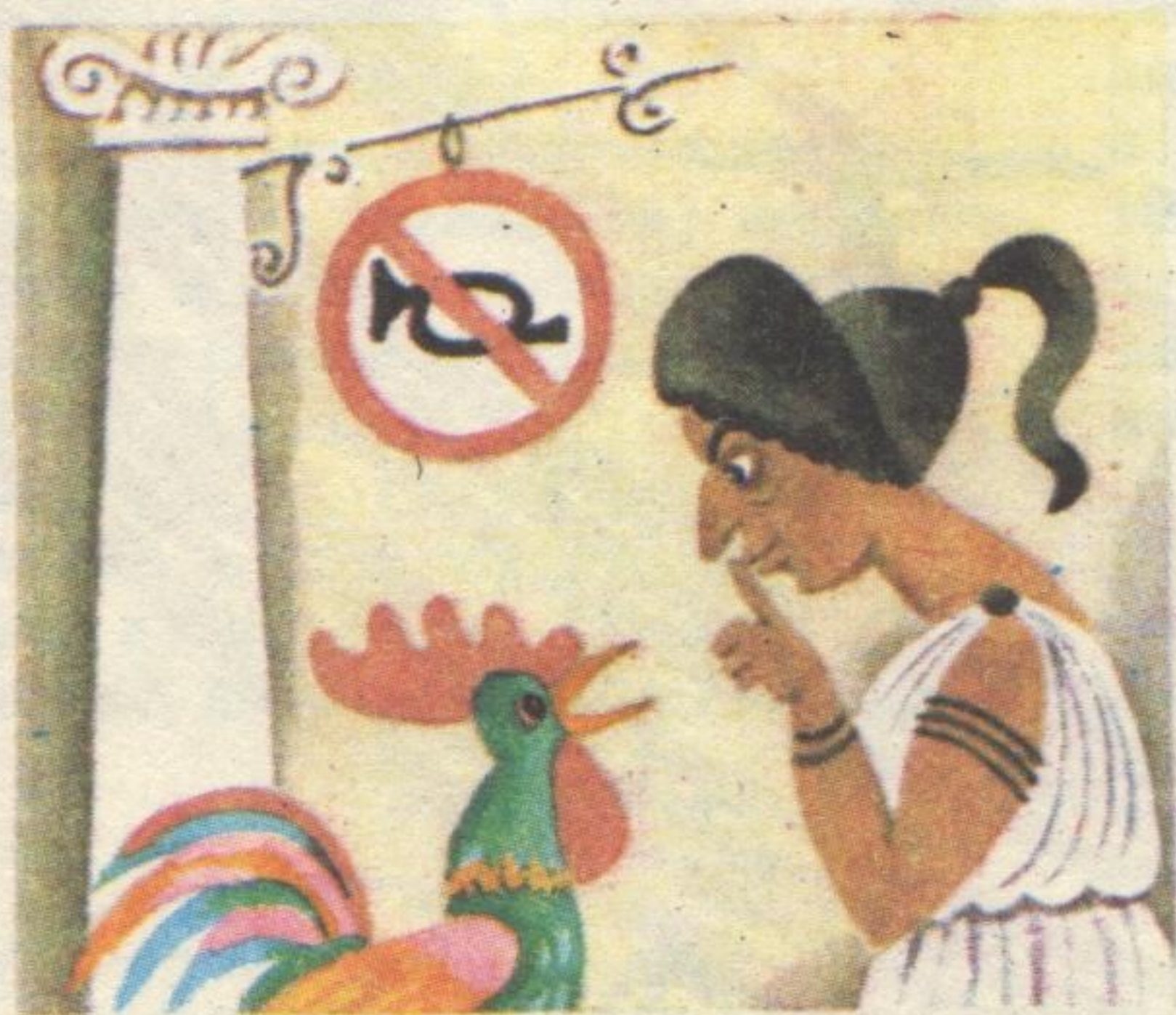
Когда на спасательную станцию на острове Амеланд (Нидерланды) приходит сигнал

бедствия, первой раздается команда: «Запрягай!» Дело в том, что море здесь очень мелкое, и лучше всего справляется с задачей отвести катер как можно дальше от берега... восьмерка лошадей.

камень попал в человека. Ученые строго следят за каждым фактом. Достоверно известно лишь два печальных случая: в 1960 году в штате Огайо метеоритом был ранен теленок, а в 1911 году в Египте камень попал в собаку.

Рим сейчас один из самых шумных городов мира. Увы! Бороться с шумом здесь приходилось и 2000 лет тому назад: ремесленникам запрещалось стучать молотками в черте города, а петухов хозяевам разрешалось держать только за городскими стенами.

Тысячи метеоритов падают ежегодно с неба на землю. Но что удивительно: не известно ни одного случая, чтобы небесный

**КОНКУРС!
КОНКУРС!
КОНКУРС!**

Продолжается конкурс Клуба «За семью печатями». Сегодня — 3-й тур. Спешите стать участниками конкурса. Те, кто не успели включиться в него сначала, могут сделать это сейчас.

Итак, вперед, любители головоломок!

СКОЛЬКО ЛЕТ?

У одного человека спросили, сколько ему лет. Он ответил так:

— Возьмите трижды мои годы через три года, да отнимите трижды мои годы три года назад — и как раз узнаете сколько мне лет! (6 очков.)

ЗА СЕМЬЮ ПЕЧАТЯМИ

**ПОИСК
ЗАКОНОМЕРНОСТИ**

Даны шесть слов: УДОД, КРЕН, ТМИН, ФАНТ, ШЛЯХ, СИНЬ. Попробуйте найти у этого ряда общие признаки и добавьте недостающее слово. Задача имеет единственное решение. (10 очков.)

КРОССВОРД-РОМБ

По горизонтали: 2. Дерево. 4. Автомат с человекоподобным поведением. 6. Раствор смол в скипидаре, спирте или масле. 8. Боковая стенка судна. 10. Лучистая энергия. 13. Чудо. 14. Партия для одного голоса в опере. 15. Пригород Парижа, известный своим фарфоровым заводом. 17. Связка стеблей с колосками. 18. Электрически заряженный атом. 20. Горизонтальная горная выработка. 21. Волшебник.

По вертикали: 1. Остров в Карибском море. 2. Металлический стержень с резьбой для скрепления разъемных соединений. 3. Искусственное твердое топливо. 5. Наставление. 7. Выдающийся русский живописец. 8. Возглас, требующий повторения. 9. Длинное углубление, вырытое в земле. 11. Озеро в Турции. 12. Высшее подразделение в классификации животных. 16. Равномерное чередование. 17. Атмосферные осадки. 19. Город в Алжире. (5 очков.)

Оформление А. Януса

ОТВЕТЫ НА ЗАДАНИЯ № 2

Логическая задача. Один шар черный, другой белый.

Поиск закономерности.

1. Лишний — круг, т. к. все остальные предметы — вещественные.
2. Лишнее — второе изображение, т. к. все остальные — это одиночные предметы.

Маленькие задачи.

Самое короткое слово — третья (треть Я).
Пола (пол А).

**ПРАВ ЛИ
АВТОР
ЭТОЙ ЗАПИСИ?**

«Ракета движется, отталкиваясь от воздуха струей выбрасываемых ею газов». (4 очка.)

Главный редактор С. В. САХАРНОВ

Редакционная коллегия:

Л. А. БОГАЧУК, В. М. ВЕРХОВСКИЙ, Ю. Н. ЗАРУДНЕВ [зам. главного редактора], О. П. ОРЛОВ, А. И. ПАНТЕЛЕЕВ, Р. П. ПОГОДИН, Е. В. СЕРОВА, Н. И. СЛАДКОВ, А. Я. ТОЛСТИКОВ [отв. секретарь], Г. П. ЧЕРНЫЙ, Г. М. ЧЕРНЯКОВА

Художник-редактор А. Н. АЗЕМША

Технический редактор В. И. МЕЦАТУНОВА

Корректор Д. Г. ЛАЗДАН

Адрес редакции: 193024, Ленинград, ул. Мытнинская, 1/20, телефон: 274-15-72

М-27230. Сдано в набор 05.12.84. Подписано к печати 11.02.85. Формат 60×90¹/₈. Печ. л. 6. Усл. печ. л. 6. Уч.-изд. л. 8,0. Печать офсетная. Тираж 975 000 экз. Заказ 3565. Цена 30 к.

Ленинградская фабрика офсетной печати № 1 Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 197101, Ленинград, ул. Мира, 3.

СТИХИ И РИСУНКИ ТВОИХ РОВЕСНИКОВ

Наташа Тальбо, 12 лет

Стихи прислали юные поэты
школьного клуба «Лиры»
города Кишинева.
Плакаты — юные художники
ленинградского
Дворца пионеров
им. А. А. Жданова

ДРУЖБА

Наша дружба
Крепче станет!
Наша песня
Громче грянет!
Нам с тобой
Войны не нужно.
Миру — мир,
А людям — дружбу.

Олеся Харченко,
5 класс

Аня Репова, 9 лет

Оля Перова, 10 лет

РОДНОЕ СЛОВО

Мир —
Это слово родное!
Мир —
Это слово для нас дорогое.
Мир —
Это птицы летят в вышине.
Мир —
Это мысли о завтрашнем дне.
Давайте учиться,
Трудиться!
Чтоб наша планета
Цвела.
Пусть мир —
Белокрылая птица —
Собьет птицу черную —
Зла.

Ирина Арикова,
5 класс

Таня Яковлева, 13 лет

Яна Забашта, 7 лет

Ира Терешкина, 10 лет